

ИКОНОПИСЕЦ БОГООРЦЕВ

Жизнь и творчество

Кузьмы Петрова-Водкина С. 38

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

СОБАКА ЛАЕТ – ВЕТЕР НОСИТ

В ЗАПАДНЫХ СМИ, ОСОБЕННО В АМЕРИКАНСКИХ, ЧТО НИ день – новость об очередном «русском вмешательстве». То в выборы в Америке (скандал на грани информационной истерики не стихает уже не один месяц), то в Европе. То «русские хакеры» (а больше ведь в мире некому) пытались нарушить работу инфраструктурных объектов, то они же вскрыли переписку Константинопольского патриарха. Слава богу, что русских пока не обвинили в педофильском скандале в католической церкви, в покровительстве которой некоторые обвиняют папу Франциска.

«Русские вмешались» недавно в Греции и Македонии, раньше – в Черногории. Руки то ли их спецслужб, то ли частных охранных компаний дотянулись и до Центрально-Африканской Республики. Из России, действуя словно по каким-то единым планам-методичкам, усиленно и воодушевленно лепят образ врага, врага демонического, абсолютного, основной мотив которого – сеять зло по всему миру. И нет больше у него никаких других забот.

В ответ – бесконечные санкции, в которых уже можно запутаться: чем и за что нас «наказывают».

Впрочем, образ врага «прогрессивного человечества» из нашей страны лепят не в первый раз, не привыкать. В годы Крымской войны, в середине XIX века, и накануне ее. Еще ранее – в годы борьбы с наполеоновской агрессией. Потом в годы русско-турецкой войны и освобождения Сербии и практически всех Балкан от турецкого ига. Накануне Первой мировой. Накануне Второй мировой наиболее изощренные умы «прогрессивного чело-

вечества» мечтали столкнуть два «исчадия ада» – Гитлера и Сталина. Не успела Европа восстановиться, как ее стали пугать очередной «советской агрессией».

И всякий раз на очередном крутом повороте истории слепленный ими «образ врага» разрушался всего лишь тем, что мы как шли, так и продолжали идти своей дорогой. Так будет и на этот раз. ❀

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник заместителя председателя правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

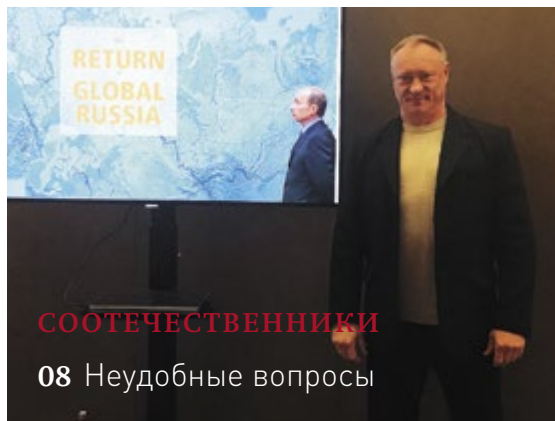
ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

06 Александр Гапоненко на свободе!

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

08 Неудобные вопросы

ИСТОРИЯ

12 Государев лис

ИНТЕРВЬЮ

18 Очень разное кино

24 «Божья тварь» и след ГУЛАГа

ЕКАТЕРИНА ЧЕСНОКОВА / РИА НОВОСТИ

НАСЛЕДИЕ

30 Крепкое слово

38 Рыцарь пластического идеала

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

48 Ангел Варенька

МУЗЕИ

54 Тарелочка с окаемочкой

62 В поисках русского стиля

РЕПОРТАЖ

72 Узкая колея

ЗАРИСОВКИ ЖИЗНИ

82 30 часов
в неделю

ПУТЕШЕСТВИЕ

86 Под
серебряным
небом

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Татьяна НАГОРСКИХ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Дмитрий УРУШЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
Александра БУРОГО

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

АЛЕКСАНДР ГАПОНЕНКО НА СВОБОДЕ!

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ИЗВЕСТНЫЙ ЛАТВИЙСКИЙ ПРАВОЗАЩИТНИК, АКТИВИСТ ШТАБА ЗАЩИТЫ РУССКИХ ШКОЛ АЛЕКСАНДР ГАПОНЕНКО ВЫПУЩЕН НА СВОБОДУ. РИЖСКИЙ СУД ИЗМЕНИЛ ЕМУ МЕРУ ПРЕСЕЧЕНИЯ. АЛЕКСАНДР ГАПОНЕНКО БЫЛ ЗАДЕРЖАН СЛУЖБОЙ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ЛАТВИИ 20 АПРЕЛЯ 2018 ГОДА ПО ПОДОЗРЕНИЮ В АНТИГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РАЗЖИГАНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ НЕНАВИСТИ. ПОД СЛЕДСТВИЕМ ЗА РЕШЕТКОЙ ОН ПРОВЕЛ БОЛЕЕ ЧЕТЫРЕХ МЕСЯЦЕВ...

В ДЕНЬ, КОГДА СЛУШАлось дело Гапоненко, у здания рижского суда собрались десятки его соратников, среди них – депутаты Европарламента Мирослав Митрофанов и Андрей Мамыкин, лидер «Русского союза Латвии» Татьяна Жданок, католический священник Константин Боярс. За пару дней до этого Жданок и Митрофанов отправили в прокуратуру просьбу выпустить политического узника под их

личное поручительство и гарантии. Но, откровенно говоря, особой надежды на гуманное отношение со стороны судьи, уже дважды до этого продлевавшей срок содержания Гапоненко под стражей, не было... В руках у участников пикета были плакаты с призывами к властям об освобождении Гапоненко. Этому же требовали все собравшиеся, скандируя под окнами суда: «Долой политические репрессии!», «Свободу Александру Гапоненко!» Отвечая

на вопросы журналистов, 86-летний священник Константин Боярс сказал, что он пришел, потому что лично знает профессора экономики: «Мы с Александром выступали на Вселатвийском родительском собрании в защиту русских школ, – сказал священник. – И если его обвиняют в том числе и за это, значит, пусть и меня судят – я тоже преступник?»...

Профессора Гапоненко в зал привели в наручниках, в коридоре он успел лишь прокричать, что его обвиняют за написание статей, а более никаких «преступлений» он не совершал. Голос его дрожал, выдавая сильное волнение. В зал никого не пустили – заседание закрытое.

В перерыве от адвоката Иммы Янсоне удалось узнать, что помимо статей в защиту русского языка и образования ее подзащитному инкриминируют организацию год назад просмотра в Риге фильма «Воле» о зверствах бандеровцев в Польше. Но, по ее словам, все обвинения абсолютно не правомерны. Тем не менее прокуратура просит судью оставить узника под стражей еще на два месяца на том основании, что на свободе он может продолжить «свою преступную деятельность с использованием Интернета». Хотя ни один суд еще не обвинил его в преступлении...

Через час утомительного ожидания адвокат вышла из зала суда и произнесла заветное слово: «Освободили!..» Это было что-то невероятное! Раздались аплодисменты, крики «ура!», поздравления... А еще через полчаса профессор Гапоненко сам вышел на улицу к собравшимся друзьям – без наручников!

– Огромное спасибо вам всем за поддержку, – сказал он, когда стихли радостные крики. – Только когда мы едины – мы непобедимы! Мы с вами никогда не предадим наши духовные ценности. Мы будем стоять за свою православную веру, за русский народ, за то, чтобы наши дети учились на родном языке!.. Да, я был уверен, что мне предстоит пройти свой крестный путь, думал, мне предстоит его закончить в тюрьме. Морально был готов к этому... Хорошо, что этого не произошло, но лишь благодаря поддержке

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Поддержать
своего товарища
по борьбе
пришли
Татьяна Жданок
и священник
Константин
Боярс

в тюрьме он выдержал. Хотя было непросто. Сутками напролет находиться в тесной вонючей камере с двумя уголовниками, да еще изнывая от жары, – ведь почти весь август на дворе была температура под 30 градусов! – испытание не для слабых. И это в его 64 года, да еще после инфаркта!.. Узники спасались, поливая пол камеры водой, на какое-то время это давало иллюзию прохлады. Но хуже физических мучений был шантаж и запугивания со стороны следствия, вынуждавшего его признаться в том, в чем он не был виноват. Методы были разные: то воды не давали, то спортом запрещали заниматься, то уверяли, что скоро он в камере «окачурится» и всем на него будет наплевать. Один из сокамерников тщательно записывал на листочек все его разговоры... А однажды ему письмо передали. Открыл конверт, а там – картинка с удавкой и мылом. И надпись: «Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас!..» После этого его перевели в одиночную камеру.

– Почему меня сегодня выпустили? Думаю, повлияло сильное международное давление на власти, – рассказал Александр. – Когда дело из ПБ передали в прокуратуру, они хотя и поддержали обвинение, но поняли, что у них реально нет на меня абсолютно ничего. Чтобы обвинить меня в антигосударственной деятельности, надо было как минимум при обыске найти у меня под кроватью танк Т-34. Но его там не оказалось! А если серьезно, конечно, сыграла свою роль поддержка в СМИ. Мои оппоненты не рассчитывали, что будет такой большой шум в прессе... За эти месяцы я тоже успел поработать, помимо десятка аналитических статей, опубликованных на латвийских порталах – спасибо друзьям-журналистам, – я закончил работу над исторической повестью.

Мы как раз подъехали к его дому. Александр в подтверждение своих слов вытащил из пакета рукопись в 350 страниц! Надо немного отредактировать и – в издательство, где уже ждут повесть. А вы думали правозащитник Гапоненко угомонился? Как бы не так! Вот поправит здоровье и снова в бой. ■

тысяч людей. Мне приходили письма со словами поддержки со всего мира, это внушало силу и веру. Думаю, мой опыт пойдет на пользу не только русским Латвии, но и всему русскому зарубежью и русским России, которые помогают нам в борьбе за русские школы. Нам предстоит еще многое сделать...

Вышедший на свободу латвийский правозащитник высказал мнение, что правящие власти упрятали его в темницу, чтобы убрать из общественного информационного поля и не дать ему высказывать свое мнение. А оно просто и понятно: как гражданский активист Гапоненко выступает за то, чтобы русские и латыши жили в Латвии в мире, но чтобы русские жители могли при этом сохранять свою национальную идентичность. Да, ему еще предстоит суд, но и там он не собирается отказываться от своих взглядов. Латышский журналист попросил Гапоненко прокомментировать предъявленные ему обвинения в разжигании этнической ненависти и вражды. Ответ профессора был четким и однозначным:

– Никогда я не говорил ничего оскорбительного по отношению к представителям других этносов. Я являюсь ученым европейского уровня в области межэтнических отношений и четко понимаю, что такое разжигание этнической розни. Это как раз то, что делают некоторые наши латышские политики и общественные деятели, называя

русских людей «вшами», и за это их почему-то никто из правоохранительных органов не преследует. Преследуют меня, как раз за то, что я выступаю против всякого рода русофобов...

По дороге к дому, куда я подвезила Гапоненко на своем автомобиле, Александр не отрываясь смотрел в окно: по улицам Риги мирно гуляли ничего не подозревающие рижане, пели птицы, смеялись дети. «Господи, как же я соскучился по этому небу и по этому городу!..» – сказал Александр. Со стороны мой необычный пассажир, наверное, был похож на счастливого артиста-юбиляра, который возвращается с бенефиса, держа в руках огромные букеты цветов и яблоки – дар встречавших его у суда соратников из Штаба защиты русских школ.

На мой вопрос, ждал ли он сегодня благоприятного вердикта, Александр признался, что страшно волновался и молился. Четыре месяца

Десятки людей с плакатами у зала суда и на улице требовали освободить защитника русских школ

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

НЕУДОБНЫЕ ВОПРОСЫ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

НЫНЕШНЕЕ ЛЕТО ВЫДАЛОСЬ ОСОБЕННО ЖАРКИМ ДЛЯ ВАШИНГТОНСКОГО СОБОРА ЛАТВИЙСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ГАЗЕТЫ «СЕГОДНЯ», АККРЕДИТОВАННОГО В ГОСДЕПАРТАМЕНТЕ США. С НЕКОТОРЫХ ПОР РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ, ОСОБЕННО ИЗ РОССИЙСКИХ СМИ, НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫХ БРИФИНГАХ ОТКРОВЕННО СТАРАЮТСЯ НЕ ЗАМЕЧАТЬ, НЕ ДАВАЯ ИМ ВОЗМОЖНОСТИ ДАЖЕ ЗАДАТЬ ВОПРОС. НО ОЛЕГУ МЕРКУЛОВУ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ДРУЖЕСКОЙ ЛАТВИИ УЖЕ НЕСКОЛЬКО РАЗ УДАВАЛОСЬ ДОБИТЬСЯ ВНИМАНИЯ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ГОССЕКРЕТАРЯ США ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ ХЕЗЕР НАУЭРТ. И ТОГДА ЕЙ ВСЕ ЖЕ ПРИХОДИЛОСЬ ОТВЕЧАТЬ НА НЕУДОБНЫЕ ВОПРОСЫ...

С АМЕРИКАНСКИМ КОЛЛЕГОЙ-СОБОКОМ мы познакомились летом в Юрмале, когда Олег приезжал в отпуск – навестить родню. До этого я часто читала в латвийской газете «Сегодня» его статьи о жизни русских американцев и репортажи с брифингов Госдепартамента США. К слову, Олег был одним из первых, кто откликнулся на призыв «Русского мира» к зарубежным соотечественникам провести флешмоб в своих странах в поддержку русских школ в Латвии. Свое фото с плакатами вместе с друзьями они сделали на фоне знаменитого монумента Джорджу Вашингтону. Да и как он, рижанин, мог не откликнуться на такое дело? Как-никак сам прожил в Латвии почти четверть века, здесь учился в школе и университете на родном русском языке.

НАШ ЧЕЛОВЕК В АМЕРИКЕ

Еще учась в вузе, Олег трижды бывал в Америке во время студенческих каникул, работал волонтером в детском лагере для бедных в штате Огайо. Хотя это были уже 90-е годы, местные жители раньше русских здесь никогда не видели. Рижский студент работал в лагере спасателем в бассейне, а затем инструктором по плаванию. Многие ребята специально приходили посмотреть на «русского Рокки», как его тут прозвали за внешность и выправку – следствие занятиями кикбоксингом. «Слушай, а ты классный парень, хоть и русский!» – с детской непосредственностью удивлялись юные американцы, а он им рассказывал про Россию и Латвию, про свое пионерское детство, про футбольные соревнования во дворе. Кстати, и своих подопечных он научил играть в футбол, а еще и на руках ходить, и вприсядку танцевать... После окончания университета по приглашению друзей Олег уехал из Латвии в Америку, жил и работал в Вирджинии, потом в Ричмонде, а несколько лет назад перебрался с семьей в Вашингтон. Здесь довелось даже сняться в американском телесериале

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«Карточный домик» в роли телохранителя президента России. Гражданство в Америке оказалось получить гораздо проще и быстрее, чем в родной Латвии. Но и с родиной связи он не терял, тем более что там охотно публиковали в местных изданиях его заметки о жизни русских в Америке. Во всех городах, где бы он ни жил, Олег всегда тянулся к своим соотечественникам, благо русскоязычных сограждан везде было предостаточно. В Вашингтоне, к примеру, помимо Русского культурного центра наши люди по воскресеньям еще общаются в стенах православных церквей. Их в американской столице две. Олег посещает обе, хотя и не считает себя примерным христианином. После воскресной службы публика, как правило, переходит к совместной трапезе и общению. Бывает, до ста человек собирается за одним столом – выходцы из разных республик бывшего Союза. Послушать друг друга, обсудить политические новости и поиграть в шахматы – все это и привлекает сюда «бывший наш народ». Так при храмах сложился своеобразный русскоязычный клуб по интересам. Как уверяет Олег, русские американцы внимательно следят за всеми событиями в России, искренне сопереживают. Правда, по-разному, так что нередко здесь разгораются жаркие дебаты. В итоге священник попросил политику в церковных стенах не обсуждать.

В Русском культурном центре Олег познакомился с известными городскими музыкантами, которые готовят концертные программы на всех праздничных мероприятиях местной русской общины, – Сергеем Криченко, Ольгой Орловской и Оскаром Акчуриным. Он с юности увлекался музыкой, даже перевел на русский язык пару десятков популярных западных шлягеров. Показал свои тексты музыкантам из Русского центра, стихи им понравились. Так что осенью обещали концерт устроить для всей общины – американские шлягеры на русском языке. В переводе Олега Меркулова.

В вашингтонском аналитическом центре «Атлантический совет» на дискуссии «Возвращение глобальной России»

В пресс-клубе с американским дипломатом, доктором философии Джеком Мэтлоком. В 1987–1991 годах он был послом США в СССР

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ОТ БРИФИНГА ДО БРИФИНГА

Олег в шутку называет Вашингтон городом политиков, шпионов и адвокатов, говорит: они здесь кругом. Став собкором ежедневной русской газеты Латвии «Сегодня», Олег начал бывать на различных политических дискуссионных площадках, особенно на тех, где обсуждаются Россия, страны Балтии и Восточной Европы. На подобных мероприятиях залы, как правило, переполнены американскими и иностранными журналистами, и вклиниться со своим вопросом удастся далеко не каждому. Требуются опыт и определенная сноровка, но Олег довольно быстро овладел нужными навыками. И сегодня Меркулов принимает активное участие практически во всех самых значимых политических форумах, проходящих в Вашингтоне, о чем затем подробно рассказывает читателям единственной в ЕС ежедневной русскоязычной газеты.

На брифинги в Госдепартамент США, которые дважды в неделю проводит бывшая телеведущая Хезер Науэрт, просто так попасть, естественно, невозможно. В пресс-центре его заявку на аккредитацию рассматривали почти две недели, помимо заявления журналисту необходимо было предоставить свои газетные публикации и подтверждающее письмо от редакции. Успешно пройдя проверку, Олег получил специальный пропуск.

– Брифинги должны проходить по вторникам и четвергам, но когда Науэрт находится в отъезде, ее никто не заменяет, – рассказывает Олег. – Встречу с журналистами отменяют. Официально брифинг начинается в 14.30, но Хезер всегда опаздывает на 20–30 минут. Брифинг продолжается, как правило, не более 45 минут. В первую очередь она отвечает на вопросы «привилегированных» СМИ – американских и английских. Для них зарезервированы первые три ряда, здесь сидят жур-

налисты ведущих информационных агентств, а также популярных телеканалов. Среди них выделяется всегда невозмутимый Мэтт Ли, ставший знаменитым в России своими острыми вопросами. Я с ним тоже пообщался, сказал, что русские в Латвии его знают и уважают за принципиальность и объективность... В первый же день мое появление на брифинге отметила Хезер Науэрт, я сидел в четвертом ряду, и, когда поднял руку, она мне тут же дала слово: «Вы у нас новенький? Из Латвии? Отлично – это наш союзник, давайте ваш вопрос!»...

СПРАШИВАЙТЕ – ВАМ ОТВЕЯТ

– Я уже знал, что иностранным журналистам задать вопрос ведущей брифинга это все равно что выиграть в лотерею, хотя они все усердно тянут руки, как первоклассники, – продолжает Олег. – Представителей российских СМИ она демонстративно игнорирует: «Вы из российского ТВ? Ну, с вами все ясно, идем дальше»... Мне в эту лотерею поначалу везло, но поскольку, к огорчению ослепительной блондинки, я тоже задавал ей неудобные вопросы – в том числе интересовался мнением Госдепа в связи с ликвидацией в Латвии образования на русском языке, – то я тоже впал в немилость. Но ведь это же моя задача – задавать самые разные вопросы, в том числе и неудобные... Как бывшая телеведущая, Хезер виртуозно умеет уходить от острых вопросов, почти никогда не отвечая по сути. Во время брифинга она держит в руках толстый фолиант со сводками по странам, то и дело сверяясь по нему и выдавая очередной ответ.

По мнению Олега, в этом отношении она сильно проигрывает своей коллеге из российского МИДа Марии Захаровой, которая на протяжении двух часов профессионально и обстоятельно ведет диалог с журналистами.

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Гвоздики
для главной
блондинки
Госдепа
от русского
собора

На одной
из политических
дискуссий Олег
познакомился
со знаменитым
нью-йоркским
профессором
Стивеном
Коэном,
историком
и одним
из лучших
американских
экспертов
по России

На вопрос латвийского корреспондента о русских школах в Латвии госпожа Науэрт фактически не ответила, отделавшись общими фразами. Но дошлый собкор воспользовался возможностью направить через некоторое время тот же вопрос в письменном виде. Правда, получил такой же шаблонный ответ, как и на брифинге: «Наше посольство в Риге продолжает взаимодействие с латвийскими официальными лицами по данному вопросу. Мы уверены, что латвийское правительство учитывает все стороны вопроса, включая предложение работы с группами меньшинств для принятия во внимание их озабоченности». Но Олег на этом не успокоился и попросил более подробно осветить позицию Госдепартамента. На сей раз ответ был еще короче: «Нам нечего добавить – заявление остается в силе». Так ничем

и закончился их короткий эпистолярный роман...

Как говорит Меркулов, даже если Хезер начинает брифинг с получасовым опозданием, закрывает его она минут на 15 раньше. Правда, после этого она остается у своего подиума и неформально общается с окружившими ее журналистами. Именно в такой момент на 8 Марта Олег Меркулов, под удивленные взгляды иностранных коллег, вручил ей скромный букет розовых гвоздик, чем явно смутил официальную представительницу Госдепартамента.

– В Америке этот праздник тоже отмечается, но не так, как у нас, – поясняет Олег. – Цветы женщинам в этот день мало кто дарит, впрочем, как и в другие дни. Официально 8 Марта отмечается как день борьбы за устранение неравенства между мужчинами и женщинами. Хезер сделала заявление по этому поводу, не ожидая, конечно, никаких поздравлений, тем более цветов. После брифинга я подошел к ней со своими гвоздиками, сказал, что у нас это теплый и душевный праздник, во всяком случае, в Восточной Европе. Она была удивлена, но цветочки приняла с улыбкой. Жена меня, правда, потом раскритиковала за такой скудный букетик, но у меня просто не было времени купить что-то приличнее...

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В пресс-центре Госдепа США для иностранных СМИ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕЛЕСТЬ ДЕМОКРАТИИ

Приведу наиболее острые вопросы из арсенала латвийского собора. На встрече в Госдепартаменте спецпредставителя США по Украине Курта Волкера с журналистами он спросил, не является ли причиной войны в Донбассе угроза статусу русского языка на Востоке Украины. Вот и в Латвии, как добавил журналист, русский фактически объявлен вне закона и вовсю идет процесс уничтожения русского образования. Представитель американских властей, признав наличие проблемы, тем не менее по традиции всю ответственность за конфликт возложил на Россию... Ах да, еще напомнил, что в Европе существует много методов для защиты языка, образования и самобытности меньшинств: через ОБСЕ, через механизмы ЕС. Могу добавить, что именно в эти структуры латвийские правозащитники регулярно обращаются уже лет двадцать. Результат – полный запрет образования на русском языке в Латвии, даже в частных вузах. В июльский день, когда президенты США и РФ давали пресс-конференцию в Хельсинки, собор латвийской газеты присутствовал на занятной панельной дискуссии в вашингтонском аналитическом центре. Тема – «Дергая за ниточки: вмешательство Кремля в выборы». Участие в ней принимали видные американские сенаторы и представители парламентов ряда европейских стран, в том числе и депутат Сейма Латвии. От имени русской газеты Латвии Олег Меркулов задал свои вопросы. По теме дискуссии по-

просил рассказать «теоретически о тех причинах, по которым Россия, по мнению американских сенаторов, могла бы вторгнуться, например, в Латвию». А второй его вопрос касался запрета для русскоязычных жителей Латвии права на образование на родном языке. А также – о деле политического заключенного Александра Гапоненко, который до ареста публично выступал в защиту русских школ (в конце августа решением суда Александру Гапоненко была изменена мера пресечения. См. заметку «Александр Гапоненко на свободе!» в этом номере журнала «Русский мир.ru». – Прим. ред.).

По лицу отвечавшего на эти вопросы латышского парламентария явно можно было прочесть удивление – ну никак не ожидал он подвоха на таком солидном форуме, собравшем на одной площадке в основном тех, кто ненавидит Россию, вспоминает Олег. Но, как не без иронии отметил Меркулов, в этом и состоит вся прелесть американской демократии, что можно задавать любые вопро-

Первые три ряда – только для журналистов США и Великобритании

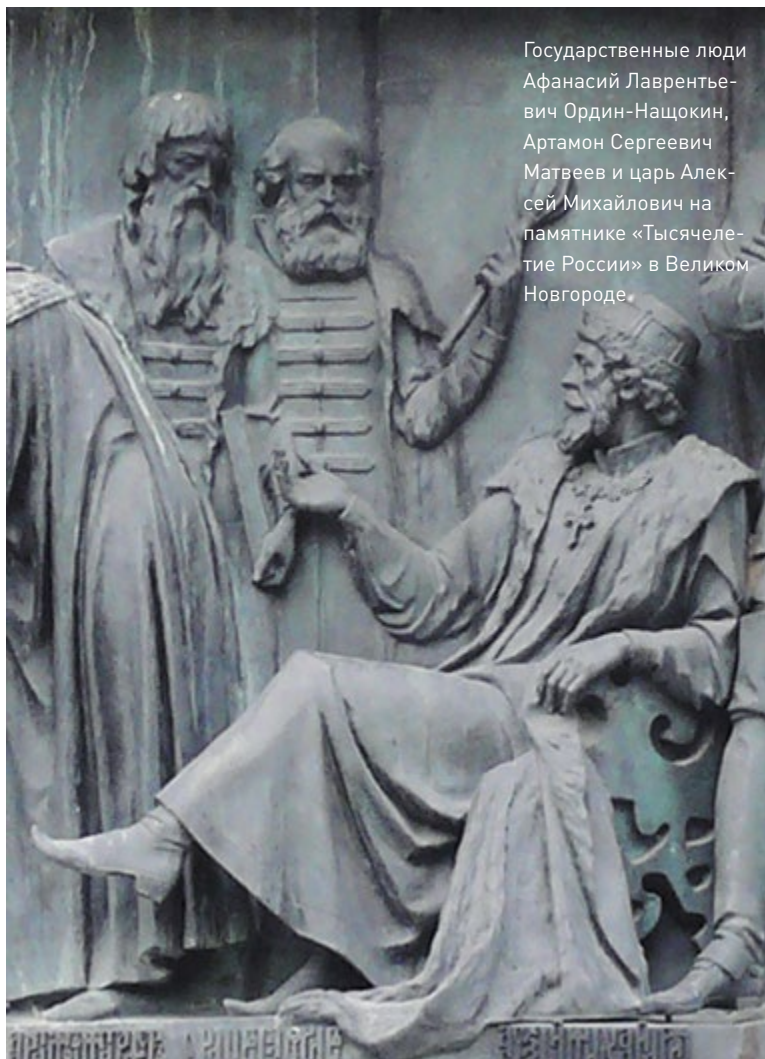

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

сы, несмотря на косые взгляды русофобов. Представитель от Латвии заверил собравшихся, что на протяжении 27 лет они постоянно ощущают российскую угрозу, а также попытки подрыва изнутри. Причем с помощью «русскоязычных жителей Латвии, которые не понимают латышский язык». Поэтому, уверен латышский политик, в его стране все делается исключительно для поощрения интеграции населения...

А вот про арест Гапоненко депутат не смог ничего сказать. Американцы наверняка не поняли бы, как можно держать еще даже до суда человека, который виновен лишь в том, что критиковал политику правящих властей в основном на своей странице в «Фейсбуке». В таком случае им пришлось бы пересаживать чуть ли не половину собственных граждан, протестующих против политики президента Трампа, используя при этом далеко не самые парламентские слова и предложения...

– Я никому ничего не навязываю, – заверяет Олег. – Но когда я вижу несправедливость, разве не должен, как журналист, привлекать к этому внимание общества? Вот в Латвии все время пытаются задавить русскую общину. Сначала таблички на русском замазали, затем стали штрафовать за русский язык, сейчас учиться на родном языке запрещают. Зачем? На этой земле русские живут уже веками. Так исторически сложилось. В подобных случаях я всегда привожу в пример Америку: здесь есть русскоязычные районы – в Сан-Франциско, на Брайтоне и в Бруклине везде надписи на русском, даже в полицию стараются принимать знающих этот язык. В стране живут тысячи китайцев, не говорящих по-английски, столько же испанцев, турок, пакистанцев. Ну и что? Никто же не приходит к ним в кебабную, чтобы устраивать им экзамены. Какая языковая инспекция? Какие языковые добровольцы-помощники? Для Америки подобное немыслимо! Здесь дискриминация запрещена в любом виде и на любом уровне. И вот этому Латвии обязательно надо поучиться. ❶

Государственные люди
Афанасий Лаврентье-
вич Ордин-Нащокин,
Артамон Сергеевич
Матвеев и царь Алек-
сей Михайлович на
памятнике «Тысячеле-
тие России» в Великом
Новгороде.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

Герб рода Нащокиных. Лист
из «Общего гербовника дворянских
родов Всероссийской империи»

но-Богословском монастыре, что в 25 верстах от Пскова, на подворье этой обители в самом Пскове, в городке Опочке, опять-таки в Псковской области. А еще – в городе Кривске, что находится в Гомельской области Белоруссии. И в подмосковном Косине, на территории местного детского морского клуба. Чем не «поместный святой», спрашивается? Но все это – сейчас. Однако в 1862 году в Новгороде Великом был воздвигнут величественный памятник «Тысячелетие России», на котором среди остальных горельефов размещается фигура боярина Афанасия Ордина-Нащокина. И тут, как нынче говорят, от федерального уровня не отмахнуться. Всего горельефов – 109. А это, уж простите, рейтинг! Великого историка Василия Ключевского в некомпетентности уличить невозможно. Равно как и в субъективности не упрекнешь. По поводу боярина Ордина-Нащокина он выразился так: «Из ряда сотрудников царя Алексея резкой фигурой выступает самый замечательный из московских государственных людей XVII века». Самый! А какие конкуренты? Патриархи Гермоген, Филарет и Тихон, Козьма Минин, князь Дмитрий Пожарский, Борис Морозов, Артамон Матвеев, Василий Бутурлин, Василий Голицын, Франц Лефор. Да что там, Петр I начинал в том самом веке. На излете столетия ему было уже 28 лет. Александру Меншикову на год меньше.

ГОСУДАРЬ ЛИС

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

«НАИХИТРЕЙШАЯ ЛИСИЦА» – ТАК НАЗЫВАЛИ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА ЕГО КОЛЛЕГИ В РАЗНЫХ СТРАНАХ. ОТ ШВЕЦИИ ДО ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ. А ЕЩЕ – «РУССКИЙ РИШЕЛЬЕ».

ПОСЛЕДНИЕ ЛЕТ ДВАДЦАТЬ Россия переживает скульптурно-мемориальный бум. Повсюду возводятся памятники великим сынам страны. Монументальные конные статуи и скромные бюсты. И это хорошо. Почти всегда. Таким дорогим и одновременно незамысловатым об-

разом мы возвращаем в современность тех, кого помнят и безо всяких памятников, и тех, кто был по разным причинам забыт, а то и в приказном порядке вычеркнут из национальной истории.

Человека, о котором пойдет речь, в последние годы рукотворно увековечили в Крыпецком Иоан-

ВЫ ОТКУДА И КОГДА?

Год рождения будущего политика, дипломата и реформатора неизвестен. Предположительно – между 1605 и 1607 годами включительно. Само собой, также не известны месяц и день. С местом рождения ничуть не легче. Одни источники уверенно заявляют, что родился наш герой в Пскове, другие – в пограничной крепости Опочке. До Латвии от нее рукой подать, километров 25. До Пскова в пять раз дальше. Объясняют тем, что в Опочке служил отец, Лаврентий Денисович. Правда, в подобных крепостях служилые дворяне не жили с семьями. Находились там во время войн и набегов. А так – обретались по родовым гнездам. В списке имеются Торопецкий и Опочецкий уезды Псковщины, где у Ординых-Нащокиных находилась недвижимость. Исследователь Андрей Нестеров пишет: «Часть земель Воина (Диониса) Гавриловича в Опочецком уезде получил и его младший сын Лаврентий Воинов – отец Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Лаврентий умер или погиб в 1610/11 году, когда «по государеве грамоте, какова прислана в прошлом во 119 году по челобитию Офонася Нащокина, дано ему, Офонасью с матерью да с сестрою, из отца его на прожиток 150 четей». В описании поместья Афанасия Ордина-Нащокина в писцовой книге 1626 года 150 четей поместной земли вторично названы «офонасьевой дачей прожиточным поместьем», «в лишке» за которым числились 54 чети земли из общей площади в 204 чети. Воин, он же Дионис, он же Денис – это дед Афанасия, которому принадлежала земля в разных местах Псковщины. В любом случае Псковская

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

земля была родной и для Афанасия, и для нескольких поколений его предков. Если верить легенде, первый Нащокин появился на Руси еще в XIII веке, при дворе тверского и псковского князя Александра Михайловича. Прибыл Величко Дукс служить... с Апеннинского полуострова. Как в Псков занесло жителя солнечной Италии, крестившегося в православии Дмитрием и получившего прозвище Красный, только Господу ведомо. Видать, красивый был мужчина, раз такой кличкой одарили. Сын Дмитрия, тоже Дмитрий, пробился в псковско-тверскую элиту, стал боярином тамошнего князя и отметился в истории с двоюродным братом золотоордынского хана Узбека Чол-ханом, который возглавлял прибывшее в Тверское княжество посольство. Логично предположить, что Шевкал, как его звали русичи, был либо фундаментально глуп, либо крайне высокомерен. К слову, одно не

План средневекового Пскова на Псковско-Покровской иконе Божией Матери («икона Жиглевича»). Конец XVII века

Город Псков. Из альбома «Рисунки к путешествию по России римско-императорского посланника барона Мейерберга в 1661 и 1662 годах». Издан Федором Аделунгом, действительным тайным советником и кавалером [С.-Пб., 1827]

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

исключает другого. В противном случае ордынский горе-дипломат не вел бы себя в Твери таким образом. Он умудрился выселить из родных хором князя, чем настроил против себя и своих людей двор. А эти самые люди, среди которых было много купцов, следуя примеру руководителя, «отрывались» на местных жителях. Так, будто не посольство прибыло, а карательный отряд. В итоге ордынцы получили, что заслужили. В августе 1327 года тверичи взбунтовались и перебили всех «дорогих гостей». Самого Шевкала заживо сожгли на княжеском дворе. Спаслись только несколько человек, находившихся за пределами города. Это было первое серьезное выступление русских против Орды. Надо сказать, что свита Шевкала оказала активное сопротивление, и в столкновении Дмитрий Дмитриевич получил ранение в лицо. А заодно и прозвище – Нащока, так как рубец остался на щеке. Так объясняли происхождение фамилии сами Нащокины. Не хотелось бы кого-то огорчить, но русские толковые словари поясняют, что слово «нащока» означало «оплеуха, пощечина». Даль дополняет – «румянец во всю щеку», «заплатка на обуви». Глагол «нащечить» на некоторых диалектах означал «украсть», «стащить». Почти два столетия спустя один из Нащокиных, Андрей Филиппович, погиб в сражении с поляками под Оршей в 1514 году. Он носил прозвище Орда. Отсюда и вторая составляющая двойной фамилии рода, пресекшегося в конце XVIII века.

Каким-то образом размножился штамп, сопровождающий родословную Афанасия Ордина-Нащокина. Мол, он происхождением из скромного рода мелких дворян, ничем особенным в истории Отечества не отличившихся. Это смотря каким аршином мерить. Довольно сказать, что дядя Афанасия Иван Большой (у него был брат Иван, соответственно, Меньшой. – Прим. авт.) служил воеводой в Ддове и Опочке. Еще один Иван Ордин-Нащокин начальствовал в крепости Белая

на Смоленщине. Представитель другой нащокинской ветви, Афанасий Федорович по прозвищу Злоба, был наместником в Изборске. Его сын Петр был воеводой в Двинской земле, и именно ему обязан рождением город Архангельск. Отметились Нащокины и на дипломатическом поприще. Григорий Богданович трудился посланником в Датском королевстве.

Среди прочих любопытных загадок в судьбе Афанасия Лаврентьевича есть и такая – его образование. Судя по всему, он рос в имении. Эпоха Смутного времени, которая завершилась только в 1618 году. Разоренная войной и набегами Псковская земля. В одной из дозорных книг помещенных земель, в которой перечисляются владения еще одного дяди, Иева, даются пояснения: «И те пустоши, и что были деревни пусты и дворы пожжены, не паханы, перелогом и лесом поросли». И о многом говорящее уточнение, почему не паханы. Крестьянские фамилии и рядом: «убили литовские люди». Коротко говоря, не до учебы вроде как. Выжить бы. Тем более что отец ушел из жизни, когда мальчику было от силы 6 лет. Да и кто в глуши мог бы обучать его немецкому, польскому языкам, латыни, риторике, математике? Однако ж все это случилось, и Ордин-Нащокин слыл за одного из самых образованных людей своего времени. Очень рано он завел собственную библиотеку и архив. Примерно в 15 лет Афанасий, как сын боярский, был записан в службу. То есть зачислен в кадровый резерв, так как «сын боярский» – это низший дворянский чин, а вовсе не социальная характеристика, изложенная в вольной форме.

В 30-е годы Афанасий обзаводится семьей и перебирается в Псков. Служит в интересах московской власти и занимается коммерцией. Причем очень успешно. Вскоре появились дети – сыновья Василий и Воин. Второй был назван в честь деда. Первенец – в честь псковского дворянина Колобова, отца супруги.

Город Ладога, возвращенный Русскому царству по Столбовскому мирному договору 1617 года. Гравюра из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию». 1630–1640-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРИ ДВОРЕ ЦАРЯ МИХАИЛА

Образованного, дисциплинированного и успешного Афанасия Лаврентьевича примечали в Первопрестольной в самом начале 40-х годов. Супружество принесло ему не только семейный очаг и сыновей, но и очень важное знакомство. А куда на Руси без них? Через родственные узы семейство Колобовых было связано с очень влиятельным при столичном дворе боярином Федором Шереметевым. Он был одним из тех, кто участвовал во всех крупных событиях, случившихся во время царствования первого Романова, начиная с процесса возведения Михаила Федоровича на царство. Вскоре после смерти государя в 1645 году Шереметев отпросился на покой. Но в начале десятилетия был в большой силе и способствовал тому, чтобы уже вступивший в зрелый возраст, но остававшийся на периферии Ордин-Нащокин получил важное задание. Его отправили на русско-шведскую гра-

ницу, дабы проверить и, по возможности, исправить ее линию, возникшую после подписанного со Стокгольмом в 1617 году Столбовского мира. Подписать то шведы его подписали, но выполняли условия весьма вольно. Весомые куски русской земли они незаконно аннексировали. Афанасий Лаврентьевич с задачей справился отлично, документально доказав шведской стороне ее неправоту.

Следующим пунктом его дипломатической деятельности стал город Яссы, столица Молдавского княжества. Сейчас трудно определить, в какой мере миссия Ордина-Нащокина была дипломатической, а в какой – разведывательной. Но по ее итогам он с чистой совестью смог доложить в Кремле о том, что фактический сюзерен Молдавии Османская империя в близком времени воевать с Москвой не хочет. Дело было за малым: развязать «Азовский узел», который в 1637 году завязали донские казаки, захватившие турецкую крепость в дельте Дона. Османы пытались ее отбить, но донцы сели там крепко. Однако эта заноза в теле турецкой империи болела, зудела и портила настроение султану. В любой момент он мог начать большую войну, которая России была бы не по силам. Еще аюкались беды Смутного времени, а на западной границе вновь зашевелились поляки с литовцами. Да и шведы лелеяли мечты о южной Балтике.

План-вид Смоленска и окрестностей. 1634 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ордина-Нащокина включили в состав особого посольства, отправленного в Стамбул. Не без его помощи узел развязали. Азов вернули туркам, зато мир на южных границах был на какое-то время обеспечен. А раз так, то удачливого дипломата-разведчика перебросили в западное порубежье и в Речь Посполитую. Как-то так вышло, что крайне важное в истории нашей страны XVII столетие ограничивается в сознании большинства современных людей его жутким началом – Смутным временем – и восхождением на трон Петра Великого в конце. А вся середина, лет эдак семьдесят, была прожита малозаметно, в череде мелких неурядиц и столь же мелких достижений. Даже церковная реформа патриарха Никона, потрясшая устои общества, вызывает вялый интерес в связи с сожжением неистового протопопа Аввакума. Нервы щекотит. В реальности жизнь была бурной. В полный рост поднималась Швеция. Объединившиеся в 1569 году Польша и Литва были мощной силой. Территорией Речь Посполитая превосходила, например, нынешнюю Францию, включая в себя та-

кие русские города, как Киев, Чернигов, Смоленск, всю Белоруссию и Прибалтику. Сейчас трудно это представить, но граница пролежала в 300 километрах от Москвы. Бродила кровь в жилах казаков, оказавшихся под властью польской шляхты, и годы Руины, а на нынешний лад – Гражданской войны, в украинских пределах пришлось аккурат на вторую половину XVII века. Черное море с полным правом можно было называть морем Турецким. Османы переживали расцвет империи вкупе с подведомственными им крымскими татарами. В общем, было с кем и о чем поговорить. И Ордин-Нащокин говорил. К этому времени его внешнеполитическое мировоззрение уже полностью сформировалось. Прожив три с лишним десятилетия лет в приграничье, он прекрасно знал нравы и интересы «друзей-соседей» – шведов, литовцев, поляков. И был убежден, что строить нормальные отношения нужно прежде всего с последними двумя. Но строить не в ущерб себе. И возвращать при этом потихоньку-полегоньку исконно русские земли под скипетр московского царя.

Гравюра «Прием иностранных послов царем Алексеем Михайловичем». Из альбома «Отчет Эрика Пальмквиста о дипломатической миссии в Россию 1673 года». 1674 год

ТИШАЙШИЕ ГОДЫ

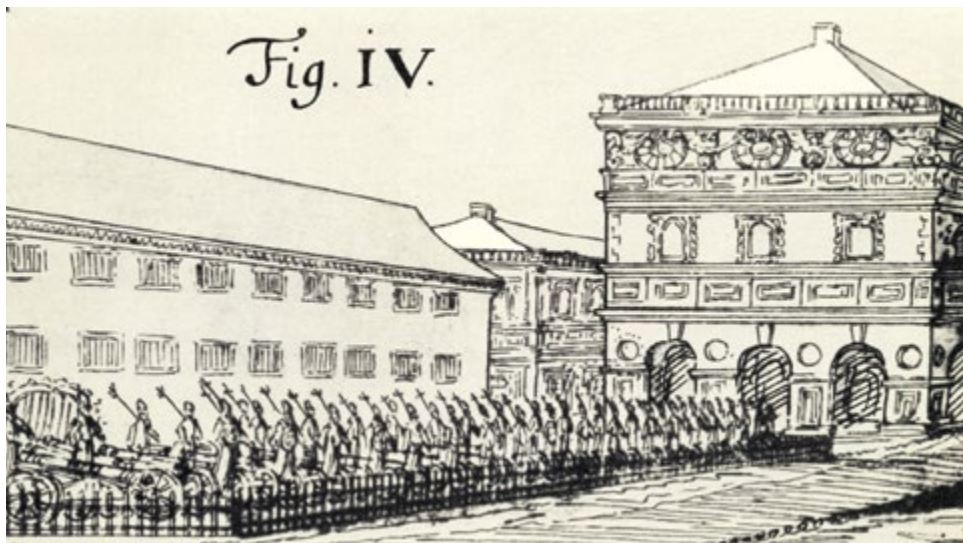
Царь Алексей Михайлович вступил на трон в 1645 году в возрасте 16 лет. Средневековые 16 лет и нынешние – две большие разницы. И все-таки, несмотря на раннее в ту пору взросление, государь был, мягко говоря, молод. Естественным образом к властным рычагам были допущены те, кого он знал с детства. А эти люди, в свою очередь, Ордина-Нащокина знали не слишком хорошо. Да и места вокруг трона было, как всегда, немного. Своим бы хватило. Так что после завершения «польской операции», целью которой была стратегическая разведка, Афанасий Лаврентьевич вернулся в Псков, к прежней жизни.

Царя Алексея прозвали Тишайшим. Скорее, в дань его характеру, чем той жизни, в которую была погружена Русь в годы его правления. Вспомним такие знаковые события, как Медный бунт, восстание Степана Разина, русско-польскую войну, затянувшуюся на тринадцать лет, девятилетнюю русско-турецкую войну. Были и события помельче. Например, Псковское восстание 1650 года. Сам Ордин-Нащокин, будучи псковичом, называл своих земляков «шатким народом». И был прав. Псков бузил с завидной регулярностью. Бунт имел сугубо экономическую подоплеку. Годом ранее Москва заключила со Стокгольмом договор, касающийся компенсации за многочисленных мигрантов, покинувших Швецию в надежде найти счастье в Московии. Выплаты должны были идти не только деньгами, но и хлебом, причем по фиксированным ценам. Получив инсайдерскую информацию, псковское купечество резко подняло цену на зерно. Удар пришелся по своим же. Рядовые псковичи затягивать пояса не стали, а прицепили к ним различное холодное оружие. И – ополчились на богатых и иностранцев. Все началось в конце февраля, а закончилось только к концу лета. Весь период в городе отсутствовала государственная власть. Отряд, присланный из

Москвы под началом князя Ивана Хованского, три месяца стоял под стенами города и не мог его взять. Кому как, а Ордину-Нащокину эта история сослужила добрую службу. Он остался на стороне официальных властей и своим дипломатическим талантом пытался урезонить враждующие стороны. Затем выехал в Москву и подробно изложил ситуацию государю. Что позволило оценить всю серьезность происходившего. Ну, и личность самого Афанасия Лаврентьевича. Его вернули на дипломатическое поприще, которое оказалось еще и поприщем военным. Во время начавшейся русско-польской войны с отрядом в 700 человек он едва не захватил Ригу. Помешало боярское чванство старшего начальника, Ивана Салтыкова. Ордин-Нащокин участвовал во многих походах и осадах. Параллельно занимался своим прямым делом – переговорами, уговорами и... сбором разведывательной информации.

В 50-е годы он отметился и в краткосрочной русско-шведской войне. В частности, подписал мирный договор с великим герцогом Курляндии Якобом Кетлером, а позже в одиночку добился подписания Валиесарского перемирия со Швецией. Формально русскую делегацию возглавлял князь Иван Прозоровский, но всю работу сделал Ордин-Нащокин. Как результат – за Россией остались все завоеванные в 1656–1658 годах прибалтийские земли. Государь писал дипломату: «...а служба твоя забвенна николи не будет». Иное дело, что продолжавшаяся война с Речью Посполитой заставила русского царя в 1661 году подписать Кардисский мир, согласно которому все завоевания пришлось уступить. Но Ордин-Нащокин, уже облагодетельствованный чином думного дворянина, повлиять на эти события не мог. Да и надо ли было?

Воевать одновременно с мощной Швецией и упрямой Польшей России было не с руки. Пришлось делать выбор между

Гравюра
«Посольский
приказ в Москов-
ском Кремле».
Из альбома
«Отчет Эрика
Пальмквиста
о дипломати-
ческой мис-
сии в Россию
1673 года».
1674 год

сохранением прибалтийских завоеваний и возвращением русских земель, входивших в состав Речи Посполитой. Уже тогда Ордин-Нащокин, одним из первых, осознал, насколько важны для страны выходы к Балтийскому морю. Но время решения этого вопроса еще не пришло. Зато поднять русский флаг над Смоленском было вполне возможно. Польша мучилась от войны с Россией не меньше, если не больше, чем сама Россия. Предварительные переговоры начались в 1662 году, затем перешли в стадию переговоров окончательных. Но не быстро. Понадобилось целых шесть лет. Надо полагать, эти годы дались дипломату очень нелегко. С одной стороны, упорствовали поляки, с другой – знатные бояре, поставленные царем во главе делегации и не отказывавшие себе в желании унижить псковского выскочку. Необходимо отметить, что помимо прочего этот «выскачка» с 1665 по 1666 год занимал пост псковского воеводы. А это было внушительное хозяйство, в котором «мэр» умудрялся опробовать всяческие хозяйственно-экономические новшества. Пригодился опыт молодых лет.

В 1667 году был подписан Андрусовский мир с Речью Посполитой – главное дипломатическое достижение Ордина-Нащокина. О таких условиях даже не мечтали. России отошел Смоленск

и другие западные территории, в том числе левобережная Украина и Киев. Правда, Киев поляки отдали на время, если по букве закона. Жизнь распорядилась иначе, и в составе Польши он больше никогда не оказывался. Помимо прочего поляки согласились совместно противостоять «южной угрозе» – крымским татарам, донимавшим обе стороны. Россия окрепла многократно.

ПРЕДТЕЧА ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

Через считанные недели дипломат был пожалован в ближние бояре и дворецкие. Выше – некуда. Под началом Ордина-Нащокина оказался Посольский приказ. Ему был дарован титул «царственных великих посольских дел сберегателя», то есть главы правительства – канцлера Российского государства. Афанасий Лаврентьевич не оставил после себя какого-либо программного документа, в котором были бы прописаны его разнообразные и многочисленные идеи по реформированию русской жизни. Но из рабочих материалов можно скомпилировать концепцию, которую фактически глава правительства собирался претворить в жизнь. И частью претворил, начав экономические эксперименты, еще будучи воеводой в Пскове. Так, он ввел в городе местное

самоуправление. Ключевский по этому поводу писал: «Посадское общество города Пскова выбирает из своей среды на три года 15 человек, из коих пятеро по очереди в продолжение года ведут городские дела в земской избе. В ведении этих «земских выборных людей» сосредоточиваются городское хозяйственное управление, надзор за питейной продажей, таможенным сбором и торговыми сношениями псковичей с иноземцами; они же и судят посадских людей в торговых и других делах; только важнейшие уголовные преступления, измена, разбой и душегубство, остаются подсудны воеводам».

Хорошо зная жизнь западных соседей, Ордин-Нащокин сделал очевидный вывод: Московское царство «тормозит» по причине засилья административной власти над экономикой. Бюрократия и кумовство – вот основа властной пирамиды. Отсюда и методы управления, и ложные его цели. Он считал, что обществу надо дать экономические свободы. И тогда предпринимательство принесет в казну куда больше средств, чем фискальные меры. Призывал взять с Запада то лучшее, что там есть. Не только идеи, но и абсолютно конкретные вещи. Например, финансово-банковскую систему. Он успел открыть пробный банк в Пскове, но без внушительной поддержки из Кремля дело застопорилось. Ратовал за создание почтовой службы. Привел в действие «Новоторговый устав», согласно которому были ограничены возможности иностранных коммерсантов в пользу отечественных. Торговать иноземцам дозволялось только в приграничных городах. Таким образом, русское купечество на территории страны становилось посредником между Востоком и Западом, что приносило пользу и ему, и казне. Острый ум Ордина-Нащокина породил предложения по военной реформе, благо он наглядился на то, как устроено тяжеловесное и бесформенное русское

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

войско. Суть этих предложений в создании регулярной армии на основе рекрутской повинности. То, чем спустя недолгое время занялся царь Петр. Да, они немного разминулись. Теоретик и практик. Думається, распорядись судьба иначе, с первых же шагов во власти был бы у Петра Алексеевича еще один яркий и мудрый помощник, который, в отличие от государя, никогда не призывал ломать бытие через колено. Считал, что по выбранному маршруту надо идти аккуратно. С обстоятельностью. На посту Ордин-Нащокин надолго не задержался. Уже в 1671 году отправился в отставку, о которой неоднократно просил царя. Трудно было Афанасию Лаврентьевичу среди московской знати, которая почти все его предложения

Афанасий
Лаврентьевич
Ордин-Нащокин

Марки,
посвященные
А.Л. Ордину-
Нащокину –
основателю
русской
регулярной
почты

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

встречала в штыки. Некоторые из преобразований несли прямую опасность элите, но большинство отвергалось по простой причине – «не нашего круга человек». И уж слишком умный. Сам Ордин-Нащокин по этому поводу говаривал, что вокруг смотрят не на делаемое дело, а на того, кто его делает. Если свой – поддержим, если чужой – утопим. Государь некоторое время терпел и в обиду своего канцлера не давал. Но слишком сильным оказалось давление боярской знати, и Алексей Михайлович сдался. Все-таки – Тишайший. Кроме того, ни для кого не было секретом то, что канцлер был на стороне опального патриарха Никона.

Разумеется, едва Ордин-Нащокин покинул Москву, все его начинания пресеклись. Сам он к чинам и должностям более не стремился. В родном Пскове на доходы от поместий, коими его наградили щедро, открыл богадельню. В 1672 году принял схиму под именем Антоний. Единственный раз отставника призвали в Москву – в 1679 году для консультаций по польскому вопросу. Выслушали, но не оставили. Ордин-Нащокин умер на следующий год и был похоронен в Пскове, в Любятковском храме Святого Николая.

По поводу мест, где находятся памятники Ордину-Нащокину, все, кажется, прояснилось. Один вопрос: причем тут детский морской клуб в Косине? Никакой загадки. Еще будучи наместником в Ливонии, Афанасий Лаврентьевич построил небольшую флотилию на Западной Двине. Он был глубоко убежден в том, что Россия должна иметь морские побережья и уметь их защищать. Став главой Посольского приказа, Ордин-Нащокин взял на себя заботы по строительству первых в России военноморских кораблей. На Оке под Коломной были созданы фрегат «Орел» и два шлюпа. А чтоб их экипажи знали, как себя вести на борту, Афанасий Лаврентьевич написал первый русский корабельный устав. ■

ОЧЕНЬ РАЗНОЕ КИНО

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

С НЫНЕШНЕГО ГОДА ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ-ПОБЕДИТЕЛЬ МОСКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ АВТОМАТИЧЕСКИ СТАНОВИТСЯ НОМИНАНТОМ ПРЕМИИ «ОСКАР» КАК «ЛУЧШИЙ ПОЛНОМЕТРАЖНЫЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ». ЭТОЙ ПРИВИЛЕГИЕЙ ПОЛЬЗУЮТСЯ ТОЛЬКО САМЫЕ ПРЕСТИЖНЫЕ ФЕСТИВАЛИ, И, СКАЖЕМ, КАННЫ ЖДАЛИ ПОДОБНОГО ПРОРЫВА 35 ЛЕТ, А МОСКВА – ТОЛЬКО ВОСЕМЬ. НА ДЕМОНСТРАЦИЮ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ В РАМКАХ ММКФ СОБИРАЕТСЯ ВЕСЬМА ИСКУШЕННАЯ ПУБЛИКА. А ФОРМИРОВАНИЕМ ЭТОЙ ПРОГРАММЫ ЗАНИМАЕТСЯ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ ГИЛЬДИИ НЕИГРОВОГО КИНО И ТЕЛЕВИДЕНИЯ, ПРЕЗИДЕНТ КЛУБА НЕИГРОВОГО КИНО, ПРОДЮСЕР, КЛАССИК СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА ГРИГОРИЙ ЛИБЕРГАЛ...

— ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, ПРОГРАММА документальных фильмов ММКФ в течение года отбирается вами на других фестивалях, в архивах, на студиях. Называется она «Свободная мысль». Но если говорить о современном кинематографе в целом – не только о документалистике, – можно ли определить, какова в нем доля свободной мысли?

— Ответить на этот вопрос очень трудно. Потому что кино в целом складывается из самых разных сегментов, в мире много очень разного кино – никогда еще в истории такого не было! Буквально у каждого фильма есть свой зритель и буквально для каждого зрителя есть своя группа фильмов. Если раньше какая-то часть аудитории оставалась без своих фильмов и люди должны были довольствоваться тем, что им, в общем, не очень-то и интересно, то сейчас каждый ищет «свое», и у зрителя появилось гораздо больше шансов это «свое» найти. Становится все больше документальных фильмов, предназначенных, условно говоря, для думающей публики. То есть людей, для которых документальное кино – новое документальное кино! – дополняет обычную литературу non-fiction – то, что они привыкли читать, то, что они привыкли обсуждать.

— Литературу non-fiction?

— Прежде всего. Собственно говоря, документалистика занимает в мире кино ту же самую нишу, что non-fiction – в печатном слове. Но точно так же эта же тематика есть и в обычном игровом кино, только с использованием соответствующих

форм игрового кино, конечно. Посмотрите: это те же герои! Один из самых ярких режиссеров-документалистов нашего времени – Рауль Пек, мы показывали в «Свободной мысли» в 2017 году его картину «Я не ваш негр». Рауль Пек, с одной стороны, выдающийся документалист, но, с другой – один из самых уважаемых и интересных режиссеров игрового кино. Скажем, такая картина, как «Молодой Карл Маркс», вполне могла бы быть документальной, но он ее сделал игровой. И это – в порядке вещей, что еще несколько лет назад могло кого-то удивить, а сегодня та же публика, которая ходит на авторские неигровые фильмы, ходит и на игровые художественные фильмы.

— И специфика как-то теряется и нивелируется между разными видами кинематографа?

— Но нас же в жизни интересует много вещей. Вы же ходите, предположим, на оперу и на теннис, и плавать, и танцевать, и в какой-то ресторан и так далее.

— С точки зрения зрителя. А режиссер, который на этих двух сферах удерживается одновременно? Например, Алексей Федорченко умеет делать «мокьюментари»: его дебют «Первые на Луне» – псевдодокументальные постановочные игровые сцены – все приняли за архивные документальные кадры...

— Если говорить о тенденциях, то – да, в России пока существует эта граница, но ее уже переходят десятки людей, а в мире эта граница почти стерлась. Никого не удивляет, что Мартин Скорсезе снимает сегодня игровой фильм, а следую-

щий – будет документальным, а за ним опять два игровых. То же самое делают Вернер Херцог, Вим Вендерс, Рауль Пек, Стивен Спилберг...

– *Эмир Кустурица с лентой о Марадоне, Оливер Стоун с целым рядом документальных фильмов – о Фиделе Кастро, о Владимире Путине и с монументальным исследованием «Нерассказанная история США»...* А в России можно привести в пример Станислава Говорухина и Никиту Михалкова. – Для режиссеров такого уровня это совершенно естественно. У нас в Клубе документального кино недавно прошли премьеры Тофика Шахвердиева – классика российского документального кинематографа. В 1980-е и в 1990-е он снимал игровые картины, а потом почти целиком посвятил себя документалистике. И посмотрите, какие разные у него фильмы – просто огромная палитра жанров документального кино! А с этим обычно тоже проблемы, потому что если у нас кто-то начал делать монументальные, большие, исторические, серьезные фильмы, то он их так и будет делать. А Тофик Шахвердиев может сегодня сделать изящную миниатюрку на пятнадцать минут, а завтра – классическую аналити-

ческую картину, или философский портрет, или большое интервью, послезавтра – что-нибудь совсем другое! Несколько режиссеров очень высокого уровня работают в России, их картины вполне востребованы – за ними бегают фестивали, киноклубы, их фильмы выходят в кинопрокат и на телевидении...

– *Современная документалистика позволяет художнику расширять профессиональные рамки?* – Она только сейчас стала это позволять, в мировой документалистике очень многое изменилось. Последние пятнадцать-двадцать лет документальное кино в большой моде и в России, и в мире. И что характерно, эта мода связана не столько с кинопрокатом, она порождает огромное количество фестивалей документального кино. И они все популярнее! Посмотрите, у нас практически без перерывов с начала весны и до середины лета буквально дня нет, чтобы не шел какой-то фестиваль документальных фильмов! Старые фестивали не закрываются, а новые возникают, как грибы после дождя. Самое главное, что все очень востребовано – публика активно ходит и смотрит.

– Вы сказали: «мода». С чем связана мода на документальное кино? Большие режиссеры захотели работать в этом виде кинематографа и им есть что сказать и предложить аудитории? Или аудитория «заказывает» этот продукт?

– Безусловно, это желание иметь возможность художественного осмысления каких-то серьезных проблем, которые волнуют все общество или отдельных людей в обществе...

Стилистически документальное кино теперь очень легко справляется с достаточно сложными темами. Кроме того, сегодня документальный фильм снять стало легче, чем тридцать-сорок лет назад. Здесь есть какие-то вещи чисто технологические, например нет уже громоздкой аппаратуры, раньше требовавшейся в немалых количествах...

– Дорогостоящую пленку больше не нужно добывать.

– Пленку добывать не нужно, нет никаких сложностей с экспонированием этой самой пленки, хотя для того, чтобы хорошо снять кино...

– ...Надо все-таки уметь это делать.

– Надо быть большим специалистом. Опять оказалась востребованной профессия сценариста, почти погибшая в документальном кино. Тем не менее стало возможно вроде бы снимать дешевле и технически легче: не нужны большие команды из 10–20 человек. Есть люди, которые снимают сами: режиссер и оператор в одном лице. Правда, со звуком у них в фильмах обычно большие проблемы. Но есть команда в два-три человека – и уже можно снимать документальное кино. Число людей, которые сейчас в мире снимают авторскую документалистику, увеличилось, по-моему, на два порядка, то есть в сотни раз за последние два десятилетия! В том числе потому, что проще стало снимать. Но, с другой стороны, потому, что для этих фильмов появился рынок. Если раньше в кинопрокат выходило за год 10–15 больших документальных картин, то сейчас демонстрируется до 200 фильмов в год.

– Но это – за рубежом...

– Да. У нас немного иная структура кинопроката, и в России главной площадкой для документальных фильмов оказываются кинофестивали. Сейчас именно они выполняют функции кинопроката – фестивалей в России уже сотни, кино клубов – несколько сотен. И вроде бы они используют ту же структуру, что и кинотеатры: коллективный кинопросмотр, очень часто с обсуждением фильма, тем не менее это все-таки пока разные вещи. На деле в сумме набирается очень приличное число зрителей. Я думаю, и кинопрокат, будь он немного иначе устроен, не страдал бы от показа документальных картин. И со временем эта система будет меняться.

– Я бы хотела поговорить о зрительском восприятии. Мне кажется, российский зритель более восприимчив и к своим, и к чужим проблемам. Он реагирует на любые жизненные истории, его диапазон сопереживания шире и глубже. Насколько восприимчивы зарубежные зрители к российским проблемам, рассказанным нашими кинематографистами?

– Главное – умение автора фильма заинтересовать зрителя повествованием. Дело не в том, что для российского зрителя так уж важны трудности жизни, предположим, боливийских крестьян или африканских шаманов, а в том, что автор фильма сделал их интересными для зрителей из других стран. Или – не сделал. А многие ли российские режиссеры могут даже потенциально очень интересную историю сделать увлекательной для мирового зрителя, подать ее интересно? Я думаю, поэтому у нас так много фестивалей: осознанно или неосознанно, но зритель хочет смотреть документальное кино не по телевизору, а в соревновательной среде – где есть возможность сравнить, обсудить, осмыслить, постараться понять. Я думаю, когда какую-то проблему подает тот же Мирошниченко или Рудницкая, то это интересно зрителям не только в России, но и в Китае, и в Японии, и в Америке, и в Канаде...

– И зарубежные зрители точно так же сопереживают нашим бедам и все о нашей жизни понимают?

– Ну, почти. Что-то они понимают, могут понять... Что-то и мы не понимаем! Мы очень часто что-то не понимаем даже в российском фильме, рассказывающем, предположим, о незнакомой для нас с вами культуре. Я в Москве вырос, для меня Калмыкия – это экзотика, Якутия – тоже экзотика. Ну, естественно, я смогу понять, но это потребует определенного усилия с моей стороны. Большинство зрителей, приходящих на документальное кино в кинотеатр, эти усилия готовы предпринимать. Но тем не менее это – усилия.

– Насколько сильно прямое воздействие документалистики на общество? Меняет ли документальное кино что-то в реальной жизни, имеет ли оно такие возможности?

– Привлечь внимание общественности к какой-то проблеме, повернуть ее той или другой стороной – это, безусловно, может любое произведение искусства, в том числе и документальное кино.

– Очень часто в документалистике используется жанр портрета – может быть, его легче делать... Но не зависимость ли авторов от зрительского восприятия заставляет их делать фильмы не столько просветительскими, сколько эмоциональными?

– Безусловно. А между тем сделать хороший портрет все-таки сложно. Потому что нужно настро-

иться на одну волну с героем. Зритель же ищет партнера по диалогу в человеке на экране, с которым его никогда не сведет судьба. А в кино он это может сделать.

– *«События большой истории можно постичь только через отдельного человека», – пишете вы в кураторском послании зрителям 40-го ММКФ. Фильм «Вальс Вальдхайма» – о нацисте Курте Вальдхайме, через тридцать лет после войны ставшем Генсеком ООН, а потом и президентом Австрии. «Другая сторона всего» – большая тема разделения Югославии и непонимания ее народом, что такое власть и свобода и что с ними делать. Во многих картинах прослеживается принцип «от частного к общему». Но ведь можно просто на частном остановиться...*

– Кто-то и останавливается. Но это художественное явление: каких-то художников больше интересует частное, другие – сторонники глобальных обобщений. В документальном кино сегодня все возможно и все есть. Фильмы, которые мы с Сергеем Мирошниченко представляем в конкурсе ММКФ и в программе «Свободная мысль», самые разные по форме, по темам. Мы пытаемся решить сразу несколько задач. «Свободная мысль» появилась полтора десятилетия назад как ликбез, если угодно. Ситуация тогда была в России совершенно другой: многие наши коллеги просто не имели возможности увидеть самые яркие и значительные фильмы мирового документального кино, за которыми стоит та или иная тенденция. Их-то мы и выбирали.

Потом стало понятно, что эти два десятка картин, если их удачно подобрать, обнаруживают какие-то наиболее острые проблемы, вызывающие именно сегодня интерес у мирового документалистского сообщества. Мы стали и на темы фильмов обращать внимание, то есть стараться подобрать программу так, чтобы она в каком-то смысле не повторялась, а наоборот – представляла кино все более и более широко.

Потом появился на ММКФ документальный конкурс. И он продолжил старые традиции Московского международного кинофестиваля – именно документального, который был гордостью форума! Его прекратили в 1989 году. Денег не было. Время было совсем плохое. И его удалось возродить – с большими усилиями. Но вот настоящей жемчужиной ММКФ был когда-то детский фестиваль – лучший детский кинофестиваль в мире! С ним никто не мог соперничать. Просто лучший детский фестиваль в мире. Им тогда тоже пожертвовали и уже не возродили.

– *И сейчас нет такой возможности?*

– Нет-нет. Я боюсь, что некому даже собирать все это в программу. Понимаете, это палка о двух концах: фестиваль собирает нужные фильмы по всему миру, но эти нужные фильмы «делают» и сам фестиваль – имя, статус, значимость, престиж...

– *В том же кураторском послании вы пишете: «Идеалы, казавшиеся незблемыми на протяжении веков, стремительно уходят в прошлое. Любую казавшуюся фундаментом бытия истину, оказывается, нужно доказывать заново». Но эта тенденция лет двадцать набирает силу...*

– Но сейчас это очень обострилось. Это на самом деле окончание какого-то очень большого периода в истории человеческой цивилизации. Вот, к примеру, изобретение книгопечатания, которое в период Возрождения сформировало идеалы эпохи: идею прогресса, идею общественного совершенствования... И эта эпоха просто-напросто кончается. Именно сейчас. И мне кажется, это конец в том числе той достаточно длинной тенденции, на которой строилась вся новая история человечества. В нее вписываются все революции, начиная с Великой французской, марксизм и последовавшие за ним вещи...

– *То есть все прошедшие катаклизмы вобрало в себя это движение цивилизации к прогрессу? И рушится она на наших глазах?*

– Рушится вот сейчас, потому что выдвигается против нее совершенно другая концепция. И мы, человечество, обдумываем эти другие концепции – их просто несколько. Мы только что это все видели на примере какой-нибудь ИГИЛ (организация, запрещенная в России. – Прим. ред.), но это же не конец цивилизации, как вы понимаете. И процесс этот будет попутно вбирать все новые катаклизмы.

– *И в итоге – разрушение привычных идеалов и появление новых?*

– Конечно. Они уже нарабатываются. Но они не связаны с той системой идеалов, в которой веками жили наши предшественники и живем мы. Соответственно, будет переписываться заново история. И это будет другая цивилизация.

– *А какими могут быть другие идеалы?*

– Какими угодно.

– *Новые идеалы не вписываются в существующую систему, и...*

– Это не новые идеалы – они существовали и раньше. А вот те идеалы, которые возникли в эпоху Возрождения, действительно были новыми.

– *Для эпохи Возрождения. Сегодня они устарели?*

– Они не устарели. Они просто-напросто рушатся – не выдерживают конкуренции с другими системами.

– *Вот смотришь документальное кино и понимаешь: «на свете счастья нет», но нет также ни покоя, ни воли... А счастье с хеппи-эндом и песнями – только в игровом придуманном кино. И получается, что надежда, счастье, любовь, вера в добро и в идеалы – это выдумка?*

– Не все документальное кино на самом деле про это. Сколько бы ни было фильмов, которые вполне реалистично анализируют реальные проблемы мира, все равно в документальном кино запечатлена масса счастливых людей! На самом деле даже в тех лентах, что мы показывали на ММКФ в этом году, живут и действуют обаятельнейшие герои, которые уверены в своей правоте, и фильмы эту правоту подтверждают. И эти герои способны за эту правоту воевать, и более того – уж совсем в невероятных ситуациях побеждать в своей борьбе. Вот «Одинокая битва Томаса Рида»: человек выигрывает войну за справедливость у американской гигантской корпорации Intel, и черпает он свою силу только в старом рок-н-ролле! Вот показатель того, что счастье есть, справедливость есть, просто за них воевать надо.

– Но есть еще фильм «Хуго» – о невозможности выбора человеком той жизни, которой он сам хотел бы жить. «Старый морпех» – о внешней политике и зависти ближних, мешающих человеку просто быть счастливым. «Другая сторона всего» с потрясающими героями, но они проигрывают дело всей жизни и потому разочарованы и потеряны...

– Но при этом они не сдаются. Это – реальность. Понимаете, на данном этапе они проигрывают, но не становятся хуже. Они отступают, но не сдаются. В «Хуго» главный герой умирает, но тем не менее умирает в борьбе и полный надежды.

– Можно ли говорить о том, что игровое кино делают в основном идеалисты и романтики – там все-таки хеппи-энды гораздо чаще встречаются, а документальное, фиксированную «правду жизни» как она есть – циники?

– Мне кажется, и романтика, и цинизм присутствуют и в документалистике, и в игровом кино, вне зависимости от вида и жанра. Я уверен, и в анимации это все можно найти. Безусловно, есть такое, поскольку кино отнюдь не едино и по задачам своим, и по формам, и по жанрам. Смешно сравнивать конвейерную продукцию и артхаусные фильмы. У первой одна только цель – касса, и никаких больше задач режиссер и продюсер перед собой уже не ставят. А артхаусные художники через игровое или документальное кино пытаются выразить свое отношение к бытию, к мирозданию. И это очень разное кино... ❶

«БОЖЬЯ ТВАРЬ» И СЛЕД ГУЛАГА

БЕСЕДОВАЛ

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

В МАГАДАН РЕЖИССЕР ПАВЕЛ ЛУНГИН ПРИЛЕТЕЛ ВЫБИРАТЬ НАТУРУ. РЕЖИССЕР КУЛЬТОВОГО «ОСТРОВА» И ЧЛЕН СОВЕТА ФОНДА «УВЕКОВЕЧЕНИЯ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ» ЗАДУМАЛ НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ – О ГУЛАГЕ. О ТОМ, КАКИМ ОН ЕГО ВИДИТ, ПОЧЕМУ ГУЛАГ ЖИВЕТ В КАЖДОМ ИЗ НАС, ПОЧЕМУ РЕЖИССЕР НЕ НАШЕЛ ЕГО СЛЕДОВ НА КОЛЫМЕ И ГДЕ ИХ ВИДИТ, ПАВЕЛ ЛУНГИН РАССКАЗЫВАЕТ В ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU».

— Н АШЛИ НАТУРУ, ПАВЕЛ СЕМЕ-
НОВИЧ?

— Пока нет. Первое впечатление: а Магадан-то солнечный, яркий. У моря. Почти Лазурный Берег, только холодок пронизывает изнутри. Потом уже сам собой возникает вопрос: «А где следы ГУЛАГа»? Стерты. Искать надо. В тайге, в сопках, в рудниках.

— Стерты? Может, поэтому явление ГУЛАГа остается непонятым опытом истории: люди вместе со следами стирают память, потому что не хотят помнить?

— Так а как вы хотите: одна половина сидела, а другая их охраняла. Были и те, кто писал доносы. 4 миллиона доносов принял НКВД. Эту адскую боль народ отказывается в себе принять. Это понятно, но ненормально. Нам нужна трудная и честная внутренняя работа. Корень проблемы – почему одни хорошие русские люди убивали других хороших русских людей? – нами не понят. Когда я искал документальный материал для своего будущего фильма на тему лагеря, наткнулся на историю, которую тоже хочу понять. 1936 год, женщин везут на Дальний Восток, их кормят селедкой и не дают воды. Так поступали фашисты в концлагерях с пленными, но чтобы свои своих... Как это понимать? Думаю, тут еще есть что-то от ощу-

щения сакральности власти. Народ ведь понимал, что зверства творились по велению высшей власти. Но народ был застигнут врасплох: «Ну, явилась чума». Мор. Ничего не поделаешь. Это реакция инстинкта. Но неотрефлексированность испытания не дает обществу свободно развиваться. Изнутри мешает, как невырванный корень.

— Разве опыт рефлексии Солженицына и Шаламова не сформировал представление о ГУЛАГе как о системе тотального подавления – катке, которому бесполезно противостоять? А вы вдруг заговорили о том, что ГУЛАГ был «школой сопротив-

ления насилию». Не слишком смело?

— Может, и радикально, но каждый раз, когда я думаю, как делать кино, ищу гуманистические опоры. Я принадлежу к тому поколению, которое еще верит в людей, я не готов уйти в тотальную постмодернистскую трагедию. Хотя, да, можно снять кино и о Норильском восстании Горлага 1953 года, и о Кенгирском восстании политэков 1954 года. Только в Норильске, по данным архивов, бастовало до 16 тысяч человек. Но это – излет системы лагерей, а их природа кристаллизовалась внутри человека раньше. Намного раньше. Человек не мог ей не сопротивляться изнутри. Как? Вот об опыте индивидуального сопротивления я и хочу снять фильм.

— Уже знаете, о чем он будет?

— Я еще не нашел истории противостояния, которая бы... Их много историй, все продирают. Чем больше читаю, тем чаще появляются мысли: «Кто я такой? Откуда во мне столько дерзости, чтобы касаться темы, переполненной кровью и муками?» Иногда просто застываю в ужасе и бессилии. Охота навсегда забыть ГУЛАГ и не знать о нем. Это и есть инстинкт перед масштабом трагедии. Я тоже боюсь: хватит ли сил показать глубину и масштаб явления? В то же время неохота впадать в пафос высокой трагедии. Облагораживать ГУЛАГ – преступление, но и лишать людей надежды – преступление.

– Раз у вас нет сценария, есть же Солженицын, есть Шаламов, есть «Обитель» Захара Прилепина...

– Захар Прилепин написал очень сильный роман про Соловки. Его талант писателя вне идеологии, что дает роману такие характеры, что огого... Я бы с удовольствием его экранизировал. Но, по-моему, авторских прав уже нет. И потом, как Шаламов и Солженицын безысходны, так и Прилепин безнадежен и трагичен. А в моем фильме обязательно будет веселый ГУЛАГ. Я картину еще не населил историями, но хорошо помню свои разговоры с Андреем Синявским. Когда он жил во Франции, он все время рассказывал о лагере. Я однажды не выдержал: «Вы о лагере вспоминаете так, будто это было что-то лучшее». У него дружки лагерные остались, к нему в Париж приезжали люди, с которыми он вместе сидел. Они искренне верили, что в их случае «произошла ошибка». И в качестве доказательства приводили примеры, как они после лагеря смогли, представьте себе, через суды отстоять свое жилье или репутацию. Синявский даже не думал со мной спорить. «Да, – ответил он, – в каком-то смысле это была идеальная жизнь. Ничего нет: денег нет, женщин нет, карьеры нет. Ты как бы очищен от всего и можешь общаться с людьми как с очищенными существами». Это потрясение на грани духовного голода и духовной чистоты. Я ищу его для фильма. Так еще люди вспоминают о войне: как о каком-то очищающем переживании. Тебя как будто в серную кислоту окунули, а ты – живой.

– Академик Лихачев тоже признавал, что большевики в созданной ими системе ценностей были правы, когда его и сотни тысяч не принявших советскую власть ссылали в ГУЛАГ на Соловецкие острова – для перевоспитания в «нового человека». Не кажется ли вам, что такое христианское всепрощение сегодня провоцирует реванш палачей? Меня, например, возмутил фильм Музея истории ГУЛАГа о Родионе Васькове – создателе и крестном отце Соловков и Магаданских золотых рудников. В фильме его сын Грициан, тоже офицер НКВД, со слезами на глазах спрашивает о том, за что его отца в конце жизни по доносу уpekли в ГУЛАГ на пять лет, ведь «он вокруг себя создавал не террор, а производство, давал людям работу, еду, смысл, чтобы не сойти с ума... Он смог остаться человеком и не стать надзирателем». Что бы вы ему ответили?

– XX век богат на такие феномены. Век дал мощные попытки создания и воспитания нового человека. В первых рядах шел Советский Союз, потом Германия, свой опыт был у Китая, последняя судорога была в Камбодже. В США после 1929 года тоже создавались трудовые лагеря, но там не ковали нового человека. А воспитать нового человека – это спор с Богом о человеке. Достоевский гениально передал это противостояние в «Великом инквизиторе». Забытый и покинутый людьми Христос не просто заточен инквизи-

ром в темницу. Инквизитор искушает Христа тем, что свобода – самое большое испытание и самое большое наказание для человека, что ничего так не хочет человек, как чтобы у него отняли свободу. И тогда ему не надо будет принимать решения, не надо делать выбор. Такие попытки – попытки создания нового человека – всегда были. И всегда они заканчивались крахом. Ведь для «нового человека» сначала надо сделать фарш из человека. Чтобы лепить котлеты, надо провернуть мясо через мясорубку. В этом смысле, конечно, лагеря – это школа воспитания. Кого? Сын гулаговского творца хорошо отвечает. Он искренне считает, что среди палачей его отец был самым лучшим и добрым, отрубал головы с одного удара, а не с двух, как остальные, и человек не мучился. Это один из итогов воспитания, когда происходит потеря критериев добра и зла, черного и белого. Вместо «нового человека» мы получили такой уровень его разложения, когда должны признать: идея тотального перевоспитания пагубна. Человек – «божья тварь», существо, которое не поддается лепке стороннего скульптора и любой иной пластике. Вмешательство в естество человека – самая большая опасность, которая нас ожидает. А непроговоренность и неосознанность опыта ГУЛАГа порождает непонятый феномен опричников, которые рядятся в жертв.

– Не отдаляет ли нас от понимания широты явления ГУЛАГа утвердившаяся концепция политических репрессий? Может, «политика» часто была лишь предлогом для набора в трудовую армию?

– Ну, работали в лагерях много, но плохо. Опять же мировой опыт доказывает, что рабский труд может заложить фундамент, но не может созидать. А концепция политических репрессий, я думаю, взяла верх потому, что она рациональна и объясняет, почему людей бросали в лагерь. Ее мотивацию можно понять. Чего не могу понять – всеобщих доносов, кстати, базового элемента перевоспитания «старого» человека в «нового». Я иногда читал материалы и не понимал, как такое может быть: жена перед смертью сознается мужу, что всю жизнь на него доносила? Они любили, детей родили и растили, а параллельно такие вещи... они Кафку превосходят. Настолько, думаю, что шла какая-то выбраковка. Люди твердые, негнувшиеся отбраковывались, а из тех, что бесконечно пластичны, формировалось новое население. И я понимаю, почему молодые люди отталкивают необходимость рефлексии по поводу лагерей. Жить с этим – превратиться в шизофреника. Смотреть на мир и думать: «Вот идут люди, которые могут меня посадить, вот – мучить, а вот те, что рядом – донесут?»

– Но если общество будет делать вид, что «ГУЛАГ – это не моя история», не захлестнет ли нас «война памятников», когда наряду с мону-ментами жертвам, их возводят палачам? Осенью 2016 года у входа в ИК-31 города Микунь

ЕКАТЕРИНА ЧЕШОКОВА / РИА НОВОСТИ

Павел Лунгин:
«Неотрефлексированность
испытания
ГУЛАГом не дает
обществу
свободно разви-
ваться. Изнутри
мешает, как
невыверенный
корень»

в Коми установили мемориальную доску основателям этого лагеря – самого жестокого «лагтага» 30–40-х. А в Сургуте, Иркутске и Новосибирске на открытие мемориала жертвам ГУЛАГа пришли протестующие с требованием установить памятник... Сталину.

– У нас есть такая волна «патриотизма», который оправдывает и жертвы, и злодеяния неким «величием». Неискренне, надо сказать. Мол, наши люди – кирпичи. Мы из людей создаем стены. Я много слышал таких «патриотов», которые

с гордостью признавали, что, мол, у меня и дед, и бабушка были репрессированы. И родители у меня сидели. А я вот перед вами... И ничего. Это какая-то особая смесь юродивости и, мне кажется, хитрости. Эти люди просто исповедуют силу. Когда я делал фильм про Ивана Грозного, я понимал, что Сталин – его прототип, а Грозный – фигура, которая черным облаком по-прежнему витает над нами из-за опричнины и бессмысленной жестокости. Хотя в головах многих людей он по-прежнему воспринимается как исключительно положительная сила, «объединитель земель русских». А то, что жесток был, так из рукава аргумент вынимается: «в Англии был Генрих VIII, он страну в крови потопил», «во Франции за одну Варфоломеевскую ночь больше людей погибло, чем в опричнину в России». Но в Англии не ставят памятники Генриху VIII (памятник Генриху VIII установлен в Лондоне в районе Смитфилд, у госпиталя Святого Варфоломея. – Прим. ред.), во Франции – организаторам религиозных войн. Там осознали явление братоубийственных войн на самоуничтожение как этап истории. И делают все, чтобы Генрихи Восьмые не повторялись. В этом смысле отечественная история как заезженная пластинка. Она все время заедает, соскакивает, и снова все начинается сначала. Уверен, потому, что мы не осознаем уроков истории. У нас и Возрождения из-за этого не было. Мы подходили к нему с некоторым опозданием после Европы. Возрождение начиналось в искусстве, это видно по иконам, по церквям. Его дыхание чувствовалось в мировоззрении, когда у нас была Боярская дума. Это движение было сломано Грозным.

– Вы были противником установки первого в России памятника Грозному, но памятник ему встал в Орле. Есть проекты памятников для Александрова и Рузы. Вы как художник и гражданин – проиграли?

– Писали мне авторы этих творений. Объясняли, что фильм об Иване Грозном я снимал на деньги масонов и благодаря их заговору. Против безумия и необразованности лекарства нет. Можно тысячу раз показывать книги и дневники Матильды Кшесинской и Николая II, но люди будут честно смотреть тебе в глаза и говорить: «Это ложь». Заговор.

Так и мне объясняли, что историк Карамзин – он первым заговорил о неоднозначности роли личности Грозного в истории России – потому его «оговорил», что «английский шпион». Другой великий историк, Ключевский – сформулировал и донес до нас природу опричнины – «вообще масон». Беда в том, что люди с невротами гораздо более активны, чем нормальные люди. Их нестигаемая воля больного человека действительно создает эффект. Его эхо грохочет и грохочет. Этому феномену надо последовательно, без суеты противостоять. Мне так кажется.

– Если вслед за Грозным в России встанет памятник Сталину, какую роль в возрождении духа ГУЛАГа сыграет недоговороспособность западников и славянофилов в разделении общества на жертв и палачей?

– Когда я говорю о заезженной пластинке истории, я имею в виду и недоговороспособность элит тоже. Тут важно понять, на чем крепится, я бы сказал жестче, бескомпромиссность элит. На цинизме. Всегда есть люди, которые считают, что уж они-то точно будут на стороне силы. Их тайный рефрен: «Палачи всегда нужны». Сколько ни думал об этом, прихожу к пониманию, что в движении к компромиссу сторон нужен посредник. Им может и должна стать церковь. Русская православная церковь. Мне кажется, только христианская мораль и возвращение к первоначальным идеям добра и зла, греха, стыда, раскаяния и покаяния способны вернуть человека человеку. Что смущает: хотят ли люди этого встречного движения? Может, мы опоздали?

– Люди боятся. Это ворошение в чувовищных комплексах. Как думаете, художники, например Сергей Эйзенштейн, с легкой руки которого Грозного теперь используют как метафору оценки правления Сталина, несут ответственность за разделение общества на жертв и палачей?

– Конечно. Он создавал его культ, хотя до конца не угодил. Второй его фильм о Грозном, где режиссер перешел к маниям и страхам царя, Сталин запрети. Первый фильм о Грозном почему так понравился и в Америке, и в Европе? Чарли Чаплин писал, что это лучший фильм, который он видел в своей жизни. Потому что Эйзенштейн подменил трагедию эстетизмом. Там, где надо было ре-

ИТАР-ТАСС/ИНТЕРПРЕСС/ВИКТОР ПОГОНЦЕВ

шать психологически, исторически или социально, он все заменил эстетикой вне добра и зла. Во втором фильме этот прием уже не работал, как не работал режиссер на создание образа нового человека. За что и поплатился запретом на второй фильм. Кстати, демонстрации фильмов «Броненосец «Потемкин» и «Октябрь» в Англии сопровождались акциями как поддержки, так и протестов. Ведь режиссер создавал искусство, которое через гла-

Павел Лунгин:
«Все равно жизнь прорастает. Как в «Бесах» Достоевского, сколько ни стриги ростки, чтобы головки не высывались и все было под одну гребенку, жизнь про-рас-та-ет»

за, ритмы и монтаж воздействует на психофизику. Он двигал идею искусства как способа манипулирования сознанием в кино, а значит, не штучным зрителем, а массами.

– А художник Павел Лунгин созданным образом Ивана Грозного объединил или расколол людей?

– Нельзя снять фильм о Грозном и объединить им общество. Я изначально противопоставил власть царя и власть святого. Это реальное противостояние Ивана IV и митрополита Филиппа, который отказался благословлять поход опричников на Новгород. Их противостояние описано во всех Житиях святых. Слова, которые митрополит говорит Грозному в фильме, это буквальное цитирование житийных списков. Он говорит о вечном искушении власти стать богом. И ему поддался Грозный. Но что для меня было шоком, когда читал Жития, – народ не встал на сторону святого. Народ выбрал царя. Как тут не вспомнить «Великого инквизитора» Достоевского? Думаю, вот еще оттуда прорастают корни ГУЛАГа и наше детское желание спрятаться и поскорее забыть и о них, и о лагерях. Но это есть путь к аморальности, к новым искушениям создать «нового человека» и неизбежным жертвам.

– Монумент «Стена скорби», который установлен в Москве, это шаг народа в сторону святого или компромисс с царем?

– Скорбь для меня – это консенсус. «Стена скорби» – это согласие общества с тем, что было совершено зло, и понимание того, что мы сами себе его причинили. Это был не враг, не «враги народа», не «шпионы». И то, что в Москве есть место, куда могут прийти люди, которые потеряли в лагерях близких, сами отсидели, это только начало духовного очищения. Оно формирует культуру исторической памяти, которая обернется эпохой Возрождения. И то, что на «Стену скорби» жертвовали простые люди – знак нашего выздоровления. Это тот памятник, на который хоть по 15 копеек, но должна была скинуться вся страна. Это и есть признаки того, что мы уже не делаем вид, что «все нормально».

– Но ведь делаем вид, часто искренне считая, что покаяние и искупление – это про кого-то другого, не про меня. В этом смысле показательна история москвички Веры Андреевой. Она на склоне лет раскрыла тайну семейной драмы. В 1937 году ее любимый дядя Ваня написал жалобу в НКВД на своего отца и ее деда, дворянина Дмитрия Жучкова: «Дворянин не признает революцию». Но произошло чудо. Жучков у НКВД выиграл суд, после пыток вышел на свободу в 1939 году. А дядя Ваня, изгнанный из семьи, в 1942 году погиб, защищая Севастополь от фашистов. «Он достоин смерти», – сказал о нем отец», – вспоминает Андреева. «Когда мы хоронили бабулю, дед уже лежал в земле, – рассказывает Вера Сергеевна. – Тетя Шура,

бывшая дворянка, та самая, чей муж, следовательно НКВД, предупредил деда об аресте, спросила меня, уже члена КПСС: «Как ты могла перейти на их сторону?» Я ничего не ответила. Сегодня вспоминаю ее, деда и понимаю: я не простила ту власть, как дед не простил сына. Я не умею и не знаю, как такое прощать». Павел Семенович, как такое прощать?

– Если бы я мог это объяснить словами, мне не надо было делать фильм «Остров». Я только знаю, что работа покаяния – мучительная, изнурительная и не каждому по силам. Но я верю, что чувства стыда и раскаяния делают из человека личность. Человек начинается с ощущения стыда, с боли за беды окружающих, с сострадания. Но я в одинаковом с обществом состоянии. Я смотрю вокруг и не вижу, что общество движимо осознанием прожитой истории, боли, беды. Мне иногда кажется, если бы «Остров» вышел сейчас, его бы не увидели и не услышали. Такое чувство, будто мы перешагнули через что-то. Ушли. Как ребенок, если до 6 лет не заговорил, он уже не хочет говорить. У мозга есть такая особенность: если человек от 2 до 5 лет не заговорил, то он будет как ребенок, который воспитывался у волков. Его найдут, отмоют, оденут, он научится говорить, но уже не будет свободой речи. Мозг сформировался вне языка. Так и с жертвами и палачами. Может быть, прошло время, когда рана была живая и была излечима? Как немцы после Второй мировой войны, тяжело, мучительно сопротивляясь, без желания, но осознали трагедию фашизма. Мы с трагедией ГУЛАГа выбрали путь табу, потом умолчания и умерщвления комплексов. Теперь встаем на путь осознания.

– Если мы опоздали с осознанием явления ГУЛАГа, получается – вот он сегодня, этот новый человек, который в вашем фильме «Царь» принял не позицию святого, а позицию Ивана Грозного.

– Все равно жизнь прорастает. Как в «Бесах» Достоевского, сколько ни стриги ростки, чтобы головки не высывались и все было под одну гребенку, жизнь прорастает. Конечно, современное общество – результат некоторой искусственной селекции. Но я знаю, что все пройдет. Нужны время, терпение и свободные новые поколения, вместо тех, кого убили, кто уехал. Мне кажется, эта эволюция идет, но пока мы – это такие кентавры, у которых половина гулаговского тела, а половина тела свободного. Свободное тело видит жизнь вокруг, много читает и ездит по миру. Но другая его часть... Как ни странно, уместным считаю сравнение с США. Россия крепостное право отменила в 1861 году, США рабство – в 1865-м. Когда вся эта масса, как сегодня говорят, афроамериканцев, выросла в американское общество? До сих пор вырастает, хотя в США быть расистом стыдно. Так хватает ли 150 лет для того, чтобы изжить в себе последствия рабства? Может быть, нет. Мы можем говорить о времени и эволюции. Больше не можем ничего. ■

А.П. Гайдар
с пионерами
в Артеке.
1939 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

КРЕПКОЕ СЛОВО

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

СОВЕТСКИЙ ИДЕОЛОГ ИЛИ ГЕНИАЛЬНЫЙ СТИЛИСТ? ДРУГ ДЕТЕЙ ИЛИ ЖЕСТОКИЙ УБИЙЦА? СПОРЫ О ГАЙДАРЕ НЕ ПРЕКРАЩАЮТСЯ ДО СИХ ПОР, ХОТЯ УЧЕНЫЕ УЖЕ, КАЖЕТСЯ, ДАВНО ВЫЯСНИЛИ ПРАВДУ. А ЧТО ДЕЛАТЬ С ЭТОЙ ПРАВДОЙ – КАЖДЫЙ РЕШАЕТ САМ.

ОТЕЦ АРКАДИЯ ГОЛИКОВА был из крепостных крестьян, мать – из дворян. Голиков-дед, Исидор Данилович, был в юности отдан в рекруты и 25 лет служил в солдатах, потом, вернувшись, завел семью. Голиков-отец, Петр Исидорович, с детства мечтал быть учителем. Он окончил учительскую семинарию, куда поступил против воли отца. Поначалу он в самом деле учительствовал, но, когда обзавелся семьей, стал акцизным чиновником, чтобы прокормить семью. Женился он рано, в 21 год. Невесте было 16. Наташа Салькова родилась в бедной дворянской семье, рано осталась без матери. Окончив

гимназию с золотой медалью, вышла замуж за Голикова – тоже против воли отца. Молодая семья сначала жила в Курской губернии, во Льгове,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Петр
Исидорович
Голиков.
Отец писателя

где 9 (22) января 1904 года и родился Аркадий, названный в честь деда по матери. Потом Голиковы дважды переезжали, пока не осели в Арзамасе. Наталья Аркадьевна выучилась на акушерку.

«Городок наш Арзамас был тихий, весь в садах, огороженных ветхими заборами. В тех садах росло великое множество «родительской вишни», яблок-скороспелок, терновника и красных пионов. Сады, примыкая один к другому, образовывали сплошные зеленые массивы, неутомно звеневшие пересвистами синиц, щеглов, снегирей и малиновок», – писал Гайдар в отчасти автобиографической повести «Школа».

Арзамас и сейчас мало изменился: купеческие двухэтажные домики в центре, деревянные на окраинах, огромный собор на центральной площади, множество церквей, монахи и паломники из Сарова и Дивеева.

Биограф Гайдара Борис Камов пишет, что семья сначала была очень счастливой: дома пели, читали друг другу стихи, занимались самообразованием. Но затем чувства остыли, отец стал больше думать о житейских делах, а маму огорчали вечные будни, она мечтала о яркой, богатой впечатлениями жизни.

Аркадий был старшим сыном, серьезным и заботливым братом для трех младших сестер, которых в письме к отцу однажды назвал «детishками». У отца с сыном были доверительные отношения. Аркаша очень любил отца и писал ему много и подробно, когда того забрали на фронт Первой мировой. В 10 лет он даже пытался сбежать к отцу, но не вышло.

В 9 лет мальчик пошел в подготовительное училище, в 10 – начал учебу в Арзамасском реальном училище. Особенно любил Аркаша учителя словесности Николая Николаевича Соколова, прототипа Галки в «Школе». Именно он разглядел писательский талант мальчика, снабжал его книгами, говорил с ним о литературе. Именно ему

молодой Гайдар покажет свою первую повесть – специально разыскав старого учителя в Ленинграде.

Голиков учился хорошо. Отличался феноменальной памятью. Зачитывался Пушкиным, Лермонтовым (кстати, с Лермонтовыми Сальковы состояли в отдаленном родстве), Толстым, Горьким, Львом Толстым, Жюль Верном, Диккенсом, Твенном, Гофманом. В ранних письмах отцу уже видно стремление мальчика писать литературно: «А поезд уходил все дальше и дальше, мерно стучал он по рельсам, и отрывалось от души что-то и уносилось вдаль за поездом к нему, милому и дорогому... Это один отрывок из дневника моей души».

Повесть «Школа» сохранила приметы не только сонного провинциального Арзамаса, но и дух беспокойного времени – Первой мировой и революции, взбаламутивших богомольный город. Выборы ученического комитета. Разговоры о революции, войне, большевиках и эсерах. Дезертиры. Митинги. В это время 13-летний Аркадий спрашивает отца в письме, что солдаты думают о войне, о большевиках, о Ленине, хотят ли они сепаратного мира или войны до победного конца. И предупреждает: «Пиши мне на всё ответы, как взрослому, а не как малютке». И в то же время – просит прислать ему в подарок с фронта винтовку, ведь всем же присылают.

АДЪЮТАНТ

В 1917 году Аркаша учится в четвертом классе реального училища. Его выбрали в учком. Он пропадает в кино, играет в ученическом театре, познакомился с местными большевиками и бегаёт по их поручениям. Он быстро определяется со своими политическими симпатиями. В семье они были общие. Отца после революции выбрали командиром полка, председателем полкового комитета; Петр Исидорович еще на фронте вступил в партию большевиков, Наталья Аркадьевна тоже стала большевичкой.

В январе 1918-го 14-летний Аркадий записал в дневнике:

Аркадий Голиков с мамой (стоит), сестрами Олей, Катей, Наташей и тетей Дашей.

Арзамас. 1914 год

Здание Арзамасского реального училища, в котором с 1914 по 1918 год учился Аркадий Голиков. Фото 1916 года

«Купил р-р» (револьвер). Потом он пытался убежать на фронт, не взяли, потому что слишком молод. Отцу он жаловался в письме, что Арзамас – яма: «...чтобы здесь люди жили общественной жизнью, чтобы их захватили текущие события – да никогда... Я бы с удовольствием уехал отсюда». Подросток жаждал серьезного дела, его тянет в революционный штаб, он патрулирует улицы, получает первое ранение (ночью на улице ранили в грудь ножом). В августе 1918 года он вступил в РКП(б). В ноябре мать упростила Ефимова – командира формирующегося в Арзамасе батальона – взять мальчишку адъютантом: так он мог быть при деле, но в тылу. Семья Голиковых в это время почти развалилась. Отец был на фронте. Мать работала фельдшерницей, пыталась прокормить семью. В это время она влюбилась. В Арзамасе этой любви не поняли, Наталью Аркадьевну осудили. Сын тоже воспринял мамину любовь как предательство отца; маме с фронта не писал. Наталья Аркадьевна, пристроив сына и оставив младших девочек на попечение сестры, уехала с возлюбленным в Пржевальск, где заведовала горздраводелом, затем, заболев туберкулезом, переехала в Новороссийск. Перед смертью позвала Аркадия в Крым прощаться. Он приехал – и, кажется, тогда только понял, что любил ее всю жизнь. Но всю жизнь писал о себе: я – сирота. И герои его – тоже часто сироты.

Ефимов вскоре получил назначение на должность командира железнодорожных войск Советской республики и отправился в Москву. Адъютанта взял с собой. Аркадий держал в уме большие массивы информации, дельно докладывал, легко читал карты и сам рисовал их при необходимости. Именно он получал направляемую Ефимову информацию о состоянии дел на железных

дорогах; Ефимов назначил его начальником штабного узла связи. Но юноша рвался на фронт. Командир предложил ему сначала выучиться военному делу и повзрослеть – и направил на московские командные курсы Красной армии.

Курсы вскоре перевели в Киев. Программа была очень плотная: двухгодичный курс офицерского училища за полгода. 20 августа 1919 года курсантов досрочно произвели в офицеры и отправили на фронт. По воспоминаниям журналиста Бориса Закса, Гайдар рассказывал, что в этот день наркомвоенмор Украины Подвойский проводил курсантов речью, в которой сказал, что многие из них не вернутся из боев и в честь тех, «кому предстоит великая честь умереть за Революцию», оркестр сыграет похоронный марш. Закс приводит слова Гайдара: «Мурашки бежали по телу, – признавался Аркадий Петрович. – Никому из нас не хотелось умирать. Но этот похоронный марш как бы оторвал нас от страха, и никто уже не думал о смерти». О курсантах – одна из его первых повестей, «В дни поражений и побед».

Аркадий Голиков стал сначала взводным, затем командиром 6-й роты 2-го полка отдельной бригады курсантов. В первом же бою на его глазах убили его сокурсника, полуротного Якова Оксюза, и бойцы выбрали на его место Гайдара, которому еще не было шестнадцати. Воевал он сначала с петлюровцами на Украине, потом на польском фронте.

Он переболел цингой и сыпным тифом. 6 декабря в бою у реки Уллы (это нынешняя Белоруссия) его контузило, разорвало ухо, ранило в ногу; последствия той контузии всю жизнь аукались головными болями. После лечения он получил отпуск и съездил в Арзамас; там работал в местном комсомоле, писал в местную комсомольскую газету – в том числе стихи.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Аркадий Голиков, зачисленный в комендантскую команду Штаба обороны всех железных дорог республики. Конец 1918 года

КОМАНДИР ПОЛКА

После отпуска он вернулся в армию и весной 1920 года попал на Кавказ – опять командиром взвода, через два месяца стал командиром роты. Он воевал в районе Сочи, участвуя в боях с белыми и мелкими формированиями петлюровцев; затем его роту перебросили в горы. Осенью батальон удерживал перевал возле урочища Туба, чтобы не дать противнику пройти к Черному морю...

В середине октября Аркадия командировали в Москву в Высшую стрелковую школу «Выстрел» – курсы командного состава. Курсантом он оказался отличным, выпустился в феврале 1921 года в числе лучших с правом командовать полком. Голиков писал

отцу: «Все это вышло так быстро и неожиданно: по какому-то приказу РВСР произвели экзамены и лучшую одну пятую часть выпустили для замены старого комсостава, по большей части бывшего деникинского офицерства, действующего не всегда на руку идее укрепления Советской власти...» Его командировали в Воронеж командовать 23-м запасным полком, предыдущий командир которого был арестован. 17-летний комполка не особенно был рад свалившейся на него ответственности и писал отцу: «При первой же возможности постараюсь взять немного ниже – помкомполка или же полк полевой стрелковой дивизии не такого количества...» – под началом у него оказалось 4 тысячи человек. Борис Камов пишет, что главные решения юного командира полка в это время были связаны с вопросами дисциплины, санитарии и гигиены.

Полк не участвовал в боевых действиях, скоро был расформирован. Голикова назначили командиром 58-го отдельного полка, который занимался борьбой с антоновским мятежом в Тамбовской губернии. Публицисты время от времени приписывают Аркадию Голикову зверства при борьбе с антоновцами; Владимир Солоухин прямо обвинил его в геноциде русского народа. Никакими архивными документами эти зверства не подтверждаются. Камов, со ссылкой на комиссара 58-го полка Сергея Лаута, сообщает, что именно Голиков предложил командарму Тухачевскому оповестить укрывающихся в лесу вооруженных крестьян

Командование 2-й повстанческой армии. В центре – начальник штаба А.С. Антонов. Село Кобыяки Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Ноябрь 1920 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

через их семьи, что им ничего не угрожает в случае добровольной явки и сдачи оружия. В результате властям сдалось около 6 тысяч человек, а Голиков получил направление в Академию Генерального штаба.

В академию он прибыл, готовился сдавать экзамены, но в сентябре его отозвали: он получил назначение в Башкирию. Оттуда его направили в Иркутск, затем в части особого назначения Енисейской губернии. Борис Камов пишет, что уже в Москве у Голикова на медосмотре перед приемом в академию диагностировали его болезнь – травматический невроз, который даст о себе знать позже.

В Тамбовской губернии Аркадий был снова контужен, дважды ранен в руку. В госпитале он познакомился с молодой медсестрой Марией Плаксиной, которая за ним ухаживала, и женился на ней. У них родился сын Женя. Но брак скоро распался: молодой командир постоянно мотался с места на место, жена жила с ребенком, они почти не виделись. Мальчик умер двухлетним. Но в память о Марии Плаксиной в гайдаровской прозе осталось имя Маруся – на самых нежных ее страницах.

ХАКАССКИЕ МИФЫ

Если в советское время роль Гайдара преувеличивали, сделав его победителем бандитизма, лично ликвидировавшим банду Соловьева, то в 1990-х годах, напротив, ему стали приписывать все беззакония, которые творились красными в Хакасии при установлении советской власти.

В 1994 году Владимир Солоухин издал роман «Соленое озеро», в котором рассказал о зверствах Гайдара в Хакасии в 1921 году, который якобы лично казнил людей с особой жестокостью. Сенсацию о Гайдаре-сидисте подхватила пресса; даже в новейших публикациях, посвященных Гайдару, миф о его кровожадности повторяется снова и снова. Собственно, личность Гайдара и его творчество тут мало кого интересовали: для одних он подлежал разоблачению как советский символ; другие целили, скорее, в его внука, автора радикальных экономических реформ Егора Гайдара, и стремились доказать, что он, как и его дед, патологическая личность, склонная к садизму и массовому истреблению мирных граждан. Исследователи давно установили, что версия Солоухина не подкреплена реальными исто-

Бойцы-повстанцы одного из полков Объединенной партизанской армии Тамбовского края

рическими документами. Но особенно интересна работа абаканского историка Александра Шекшеева «Гайдар и красный бандитизм: последняя тайна», основанная на документах из местного архива. «Красный бандитизм» – это следствие Гражданской войны, расшатавшей все представления о дозволенном и недозволенном: «революционная законность» оправдывала любое насилие. Архивные документы упоминают о множестве таких эксцессов в Хакасии с участием красноармейцев и милиции. Однако Голиков пробыл в должности начальника Второго боевого участка Ачинско-Минусинского боевого района два с половиной месяца, с конца марта по начало июня 1922 года, и к этим безобразиям не причастен. Его задача состояла в подавлении мятежа, возглавляемого Иваном Соловьевым; безуспешными поисками Соловьева он и был занят все это время. Однако в июне 1922 года в Минусинский уисполком поступила жалоба на комбата Голикова: расстрелял людей, трупы побросал в реку. Голикова сняли с должности и начали расследование.

Как показывает Шекшеев, у вступившего в новую должность Аркадия Голикова не сложились отношения с местными Советами и с местными уполномоченными губотдела ГПУ. Он был вынужден сам вербовать себе агентуру из местных жителей при помощи избиений и запугивания. Он – как и многие другие – проводил реквизиции у мирных жителей, пьянствовал, подчиненные жаловались на его методы руководства. Наконец, документально установлена причастность Аркадия Голикова к гибели пятерых местных жителей, обвиненных в бандитизме: трое были расстреляны по его приказу, одного он убил при попытке побега, еще одного при попытке побега ранил, и тот утонул. Особый отдел губотдела ГПУ возбудил уголовное дело. Гайдара долго допрашивали, он давал показания: за скот расплачивался мукой или давал расписки, по

которым можно было получить муку; по каждому факту гибели пленных дал подробные пояснения. Признал себя виновным в «несоблюдении формальностей»: аресты, приговоры и расстрелы не были оформлены должным образом – некому и некогда. Его отстранили от командных должностей – не потому, вероятно, что не нашли его вины, а потому, что такова была общая практика и дело, увы, не было из ряда вон выходящим на общем фоне. И на два года исключили из партии.

ТРАВМАТИЧЕСКИЙ НЕВРОЗ

После всего этого у него обострился травматический невроз. Он вернулся в Москву, где лег в Коммунистический госпиталь; по заключению врачей Реввоенсовет дал молодому командиру отпуск. В анамнезе, составленном врачом со слов Аркадия Голикова, говорилось, что именно в Енисейской губернии он почувствовал ухудшение состояния: «Тут появилась раздражительность, злобность, жестокость. Появилось ухарство, наплевательское отношение ко всему, развинченность... Стали появляться приступы тоскливой злобности, спазмы в горле, сонливость, плакал».

Травматический невроз – это не нарушение мозгового кровообращения, как пишет Камов. Но и не маниакально-депрессивный психоз, упомянутый Заксом. И уж тем более не сумасшествие, на которое намекают Солоухин и его сторонники. Этот диагноз был хорошо известен врачам начала XX века: особенно богатый материал для наблюдений им дала Первая мировая война. В литературе и публицистике он также известен как «вьетнамский синдром», «афганский синдром», «чеченский синдром». А в современной психиатрии он называется «посттравматическое стрессовое расстройство». Оно обычно появляется у жертв войн, терактов, преступлений и у солдат, получивших травматический опыт и испытавших состояние полного бессилия. Их преследуют страшные воспоминания,

А.П. Голиков –
комбат ЧОН.
1922 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

мучительные сновидения. Среди симптомов – тревога, депрессия, суицидальные мысли, самоповреждения и злоупотребление алкоголем, неуравновешенность, приступы гнева. Гайдар сам писал, что бывает «неуравновешен и дик», о нем говорили, что в гневе он страшен. Борис Закс заметил, что он и трезвым иногда становился странен: заплетался

язык, подкашивались ноги, он отправлялся за алкоголем, после чего напивался и начинал буйнить. Все это укладывается в клиническую картину ПТСР.

Что Гайдар никакой не психопат и не садист – совершенно ясно видно уже из его первых повестей, отчасти автобиографических («В дни поражений и побед» и «Школа»). Их герои рвутся в бой, но, сталкиваясь с жестокой реальностью войны, оказываются совершенно к ней не готовы, ошарашены, смяты. Гайдар никогда не всматривается подробно в сцены казни, в лица убитых. Он всегда отводит глаза и умолкает – в его художественном арсенале нет таких сильнодействующих средств, в отличие, например, от Бабеля. Это само по себе снимает вопросы о пресловутом «садизме» Гайдара. В истории Бориса Горикова, автобиографического героя «Школы», нет никакого веселого героизма, есть цепь ошибок и их трагических последствий, есть острое ощущение неготовности нормального подростка к тому

Обложка первого
отдельного
издания
рассказа
А. Голикова
«Р.В.С.».
1926 год.
Художник
А. Пахомов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НОВАЯ МИССИЯ

Аркадий Голиков еще несколько раз пытался вернуться на службу, пока не был комиссован по болезни осенью 1924 года. Он так и остался военным в душе – носил военную форму, не имел вещей (из протокола допроса: «Имущество? – Никакого»), не имел даже постоянного дома, очень долго кочевал из города в город, с одной съемной квартиры на другую. Написал однажды: «В сущности, у меня есть только три пары белья, вещевой мешок, полевая сумка, полушубок, папачка – и больше ничего и никого, ни дома, ни места, ни друзей. И это в то время, когда я во все не бедный, и вовсе уже никак не отверженный и никому не нужный. Просто – как-то так выходит».

Лишившись профессии, он нашел себя в журналистике, а потом в писательстве, которое рассматривал как серьезную задачу: «Пусть потом когда-нибудь люди подумают, что вот, мол, жили такие люди, которые из хитрости назывались детскими писателями. На самом же деле они готовили красноречивую крепкую гвардию». «Писатель очевидно хотел дать подросткам то знание, которого был в их возрасте лишен сам, отчего перенесенные им уроки оказались столь тяжелыми», – замечает Мария Литовская. Он в самом деле как будто готовит детей к жизни в условиях большой войны: учит распознавать чужих, доверять старшим, дорожить товарищами и вообще оставаться людьми... И, может быть, это и было самое нужное – потому что большая война пришла.

Ничей, потерявший все – дело жизни, жену, ребенка, мать (она умерла осенью 1924 года, через три года умер отец), – он занялся осмыслением своего опыта. Первую повесть, «В дни поражений и побед», привез в Ленинград, показал писателям – Федину, Семенову, Слонимскому. Они и стали его первыми литературными учи-

опыту, который ему пришлось получить. В дальнейшем у него никогда не получалось рассказать о Гражданской войне – «Бумбараш» так и остался незаконченным. Он нигде, строго говоря, даже не рассказал о том, что за травматический опыт пришлось ему пережить (записал однажды в дневнике страшное: «снились люди, убитые мною в детстве»). Насколько в этом смысле автобиографична «Школа» – неизвестно.

Общим местом текстов о Гайдаре в постсоветские времена стало напоминание, что безмятежную «Голубую чашку» написал убийца. Убийцей Гайдар был ровно в той же мере, что любой ветеран любой войны, принимавший участие в боевых действиях. А «Голубую чашку» написал человек, хорошо знающий, что такое смерть, и умеющий ценить жизнь – даже не жизнь в замечательной Советской стране, а просто жизнь.

Литературовед Мария Литовская пишет, что Гайдар, отходя от описания собственного опыта в ранних текстах, «практически полностью переключается на рассказ о жизни детей и подростков 1930-х годов, выбирает себе роль старшего, чей трагический опыт становится своеобразным залогом достоверности сказанного им, источником переживания, которое невозможно получить никаким иным путем». И мир, который конструирует Гайдар в своей

поздней прозе – это мир беспокойный, тревожный, но его всегда охраняют сильные и умные люди. И дети, подрастая, учатся у них, чтобы со временем занять их место. Война всегда есть в его текстах – иногда она где-то далеко, как в «Голубой чашке», где есть фашисты, от которых бежала Берта с родителями. Иногда подходит близко, как в «Команданте снежной крепости». Воюют родители его юных героев, идут учения, куда-то едут бронепоезда. Не коммунисты, не партийцы – страну, покой детей, счастливую мирную жизнь берегут военные – взрослые люди, понимающие жизнь, не боящиеся смерти, хранящие слово и знающие Военную Тайну. И пока они на страже – ничего плохого не случится.

Иллюстрация к рассказу А. Гайдара «Голубая чашка». Художник Р. Столяров

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка книги А.П. Гайдара «Школа». Издание 1974 года. Художник А. Парамонов

телями, возились с ним – особенно Семенов, который, по словам Гайдара, разбирал с ним каждую строчку. Федин ему сказал тогда: «Писать вы не умеете, но писать вы можете и будете». И в самом деле, дальше он писал все лучше. И вместо Голикова появился Гайдар – не «всадник, скачущий впереди», как писали в советских книжках, а «Голиков Аркадий из Арзамаса», «Г. А-й д'Ар» – этой версии придерживались и школьный друг писателя Гольдин, и его сын Тимур.

Осенью 1925 года Гайдар уехал в Пермь, где работал в газете «Звезда» и собирал материалы для повести «Жизнь ни во что». А из Перми, получив гонорары за три опубликованные повести, вдруг уехал в Среднюю Азию вместе с другом Кондратьевым. Это вообще было в его духе – внезапно сорваться с места, куда-то уехать, где-то путешествовать, работать, привезти новые корреспонденции. В дороге друзья издержались, Гайдару пришлось зарабатывать всем подряд – от публикаций в ташкентских газетах до работы грузчиком в Астрахани.

В Перми он познакомился со своей второй женой, Рахилью Соломянской, которую из Рали быстро переименовал в Лялю-Лилию-Лию, так ее все и звали потом. В декабре 1926 года у Лии Соломянской родился сын, которого Гайдар назвал Тимуром. Семья прожила вместе недолго: в 1931 году жена ушла от Гайдара к журналисту Разину. В 1937-м Разин был арестован, вслед за ним арестовали и Соломянскую; Гайдар лично звонил Ежову и убеждал в ее невиновности. Ее отпустили в 1940 году.

С женитьбой разъезды не закончились: в 1927 году Гайдар с семьей переехал в Москву, где работал в газете «Красный воин». Затем уехал в Архангельск, где у Соломянской жила мать, работал в газете «Правда Севера». В 1930-м вернулся в Москву; оттуда – после ухода жены с сыном, которого он

Сотрудники редакции газеты «Звезда». Снизу вверх: А. Гайдар, Л. Неверов, Б. Назаровский, А. Плеско, В. Блок. Пермь. 1926 год

очень любил, – уехал как можно дальше, в Хабаровск, где работал в газете «Тихоокеанская звезда». Здесь он почувствовал себя плохо и лег в психиатрическую больницу; там же начал «Военную тайну». Позднее он обычно лечился в больнице в Сокольниках, где его хорошо знали. Лечение было тяжелым: в одном из писем другу он упо-

С сыном Тимуром. 1939 год

Аркадий Гайдар – корреспондент «Тихоокеанской звезды». 1932 год

минал, что лечат его инсулином – тогда в психиатрии практиковали инсулиновый шок. К 1933 году он уже известный писатель, но все такой же бесприютный. Перебравшись в Москву, он снял комнату у детской писательницы Анны Трофимовой, которая стала для него «Нюрой», гражданской женой. К ней и ее дочерям Ире и Светлане он относился с нежной заботой, писал им прелестные письма: «Здравствуйте, плохие люди! Почему вы мне не пишете? Напишите про свою жизнь... Я вчера ходил в лес. Медведя, волка и лисицу не видел, но зато видел на заборе живого воробья. У нас здесь живут люди с двумя ушами. По ночам они ложатся спать, а днем их кормят сырыми яблоками, вареной картошкой и жареным мясом. Мыши здесь ночью не ходят, потому что все заперто...» А Нюре он писал: «К чему я ни притронусь, с кем бы я ни был – всем через меня одни неприятности, в то время, когда я вовсе сам этого не хочу. <...> Лучше бы куда-нибудь провалиться на год минимум, чем делать друзьям и тебе, в первую очередь, всякие мучения. Все равно у нас ничего хорошего не будет – отдыха не будет, дела не будет, за границу меня не пошлют, квартиры не будет и покоя никогда не будет. Такая уж проклятая судьба».

ТРЕВОГА

Друзья вспоминали его добрым и сильным. Сын писал, что отец терпеть не мог хамства – «тогда становился даже опасен». Копить не умел. Любил делать чудачества и дарить подарки, с детьми он общался легко и просто, на равных. Свой дом он обрел только под конец жизни, когда женился на дочери хозяина, у которого снимал жилье в Клину, Доре Чернышевой. Ее дочь Женю он удочерил – и потом Тимуром и Женей, именами своих детей, назвал главных героев «Тимура и его команды». Союз писателей в 1938 году выделил ему комнату в коммуналке.

Последние предвоенные годы не были для Гайдара безоблачными. Ощущение безмятежной радости жизни, которого полна «Голубая чашка», сменилось всепроникающим страхом. Это время нашло отражение в «Судьбе барабанщика»: «Но тревога – неясная, непонятная – прочно поселилась с той поры в нашей квартире. То она возникала вместе с неожиданным телефонным звонком, то стучалась в дверь по ночам под видом почтальона или случайно запоздавшего гостя, то пряталась в уголках глаз вернувшегося с работы отца». Сережа ждет, что весной они с отцом поедут в Крым, но весной отца отдадут под суд. В первой ре-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

дакции «Судьбы барабанщика» отца главного героя арестовали по доносу, но написать об этом было невозможно, и Гайдару пришлось исправить рукопись. С одной стороны, повесть – отражение параноидального времени с его шпиономанией, поиском диверсантов и вредителей. С другой – первая попытка говорить по-человечески с осиротевшими детьми арестованных родителей. На книгу был написан донос в ОГПУ, повесть была за-

На фронте.
1941 год

прещена, набор рассыпан; сам Гайдар ждал ареста. Спасением от него стал полученный в 1939 году орден «Знак Почета», который он с тех пор считал своим талисманом. Гайдара снова стали печатать.

«Тимур и его команда» тоже подвергался жесткой критике из-за того, что писатель подменяет пионерское движение какой-то подпольной самодеятельностью, но настоящие тимуровские отряды очень скоро стали реальностью. И оказалось, что гайдаровская выдумка не только жизнеспособна, но и очень нужна стране – особенно когда началась война.

«Война будет долгой», – запомнила Женя слова Гайдара. Он хотел на фронт, но по состоянию здоровья считался негодным к военной службе. Но все-таки уехал на фронт – корреспондентом «Комсомолки». Успел написать и опубликовать несколько очерков о боях на киевском направлении. В сентябре 1941 года он попал в окружение; ему предлагали место в последнем самолете, улетающем из Киева – но он отказался: стыдно. Остался в партизанском отряде пулеметчиком. Утром 26 октября он вместе с четырьмя другими бойцами ходил за провиантом для отряда. На привале у украинской деревни Леплява пошел набрать воды, взобрался на железнодорожную насыпь, увидел немецкую засаду, успел крикнуть «Немцы!» – и был убит пулеметной очередью. Сведения об обстоятельствах его гибели долго добивались до Москвы из оккупации. После войны могилу Гайдара нашли, тело перезахоронили на берегу Днепра в городе Каневе.

А закончить надо, наверное, не рассуждениями о советской и постсоветской судьбе произведений Гайдара, не рассказом о слухах и сплетнях вокруг его могилы. Не советское в нем главное в конце концов. Главное в нем – крепкое, ладное и надежное гайдаровское слово, которое строит ладный и надежный гайдаровский мир. ■

С женой Дорой
Матвеевой.
Клин. 1940 год

РЫЦАРЬ ПЛАСТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН НАШ ХУДОЖНИК
КУЗЬМА СЕРГЕЕВИЧ ПЕТРОВ-ВОДКИН!
КТО ЕЩЕ ОСМЕЛИЛСЯ В 1920–1930-Х ГОДАХ
СКРЕЩИВАТЬ ИКОНЫ С БОГОБОРЦАМИ,
ХРИСТИАНСТВО И РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ, ВОЙНУ
И ГУМАНИЗМ? САМА ИДЕЯ СОВМЕЩЕНИЯ –
ЧИСТАЯ ЕРЕСЬ, КАК НИ ПОСМОТРИ!

РУССКИЙ МУЗЕЙ, обладающий самой большой коллекцией произведений художника, представил грандиозную выставку работ Петрова-Водкина. В экспозиции были собраны картины и рисунки живописца из 20 музеев и частных коллекций. Выставка стала прекрасной возможностью познакомиться с наследием художника, 140 лет со дня рождения которого будет отмечаться в ноябре нынешнего года.

«Крестьянин Саратовской губернии по происхождению, Петров-Водкин принадлежит к числу тех исключительно одаренных русских талантов, которые придают особый оттенок современной нашей живописи, – заметил в 1921 году искусствовед, поэт, мирискусник и издатель журнала «Аполлон» Сергей Маковский. – Пожалуй – и не только современной живописи: оттенок почвенной, варварски-свежей силы, насыщенной, однако, западноевро-

пейским эстетизмом, характерен для многих явлений всей нашей сравнительно молодой художественной культуры. Не этот ли оттенок обнаруживает органическую двойственность (если не раздвоенность) – какую-то противоречивость ее природы: элементарность, так сказать, «от земли» и одновременно изощренность, явно заимствованную и почти всегда лишь поверхностно ассимилированную?.. Не отсюда ли, главным образом, и вопиющие, очень русские, недочеты по части формы? <...> Большинство русских сезаннистов и кубистов самым наглядным образом подтверждают это замечание. <...> Между ними нет мастера, который бы приобрел широкое влияние на современников...<...> Но разве не мастер Петров-Водкин? Думается мне – больше, чем кто-нибудь из художников последнего призыва»...

Узнал ли Кузьма Сергеевич о столь высокой оценке, высказанной авторитетнейшим зна-

током, но эмигрантом? Россия переживала тогда сложнейшие годы, от искусства требовалось «идеологическое содержание», безоглядно ломались каноны. Петров-Водкин участвовал в формировании нового искусства до такой степени, что непонятно, как он выдерживал постоянное напряжение: преподавал и реформировал, назначался на ответственные посты и продолжал работать.

«Я сделал все, что только мог, и теперь жду результатов. <...> Ты была права насчет тех мелких людей, которые спекулируют на искусстве и заграждают мне путь, – писал художник 23 мая 1933 года жене. – В Москве хуже, чем у нас, странная озлобленность, жестокая конкуренция и политическая хитрость. На 25 мая объявлен «Творческий вечер Петрова-Водкина», на котором мне будут фальшиво льстить и перемывать мои кишки. Черт его знает, зачем я все это переносю... Вчера я был у Иванова, его жена посоветовала мне написать Сталину – этого я не сделаю. Во всяком случае, не грусти из-за этих глупых властей. Судьба устроит все к лучшему».

Дочь художника Елена вспоминала: «Завистники, наверное, чувствовали, что он выше немножко их всех. Потому что он понимал иначе все. <...> Были карикатуры. В Академии рисовали, как папа сидит на высокой скамейке в классе, где он преподавал, а Корин подпиливает ножку»...

НАБРОСКИ

На свет он появился 24 октября (5 ноября) 1878 года в одном из хлебных центров Поволжья, городе Хвалынске Саратовской губернии. Отец – грузчик на Волге, мать – домработница, из бывших крепостных крестьян Тульской губернии. Ощущение Родины пришло к будущему художнику с холмистых берегов великой русской реки, щедрых полей, тягот и праздников крестьянской жизни.

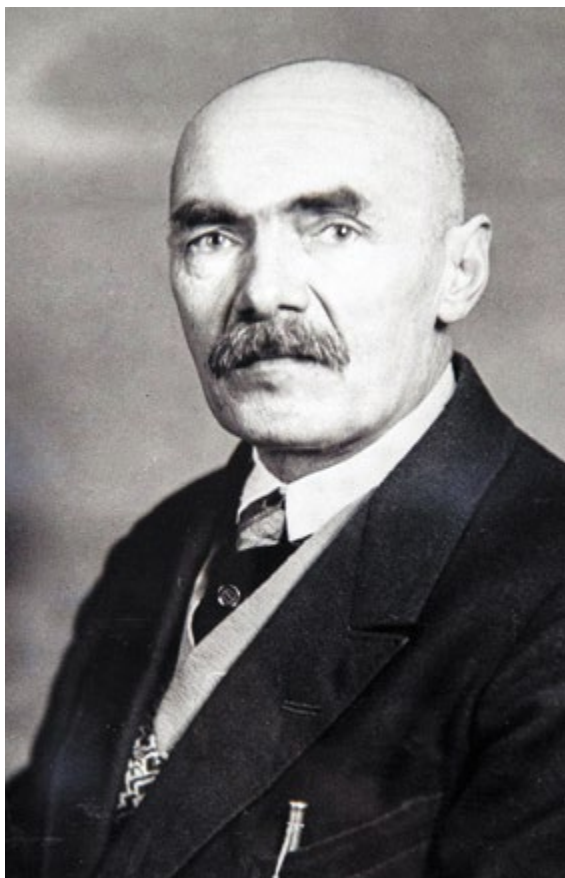
В конце 1880-х Кузьма получил первые уроки «живописания» у иконописцев: «С моей первой пробой по иконному делу, когда я изобразил Богоматерь с гневающимся Младенцем, произошло такая история: бабушка Федосья принесла ее в собор и поставила, как полагалось, у алтаря на подсвечник <...> протопоп отвернул свое лицо от ликов материнства, подал изографию бабушке и прибавил вслед:

– Плясовица... Глазами стрекает: святить не буду!..

У Крестовоздвиженья вышло наоборот. Правда, здесь и бабушка была другая – Арина. После случая в соборе пошла она с моей изографией как на смертный бой, готовая любому строптивому попу иконой голову разбить, но отец Николай не только не принял сражения, но даже умилился над молодым задором изображения и рассказал присутствующим историю композиции с гневающимся Христом и склоняющей его к жалости матерью».

Народную икону, то есть не канонически написанную, но от души и по сердцу, церковнослужители не всегда поощряли, хотя именно в таком творчестве проявлялись благочестие и служение прихожан общине.

Местные меценаты определили Кузьму в классы живописи и рисования к известному художнику-самарцу Федору Бурову. Но тот через год умер, и мальчик вернулся домой. Его мать Анна Пантелеевна была горничной у сестры знатной местной помещицы Казариной, пригласившей

Кузьма
Сергеевич
Петров-Водкин

столичного архитектора Роберта Мельцера построить ей дом. Когда тот увидел рисунки Кузи, то взял над ним опеку и увез с собой: в 1895-м самородок оказался в лучшей школе того времени – Центральном училище технического рисования барона А. Штиглица. Ежемесячно хвалынские купцы и Казарина присылали земляку по 25 рублей...

Юный волжанин проводил немало времени в Эрмитаже, постигая тайны «образования живописных форм» в работах мастеров Возрождения. Через два года он перешел в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, учился у Серова, Левитана, Коровина.

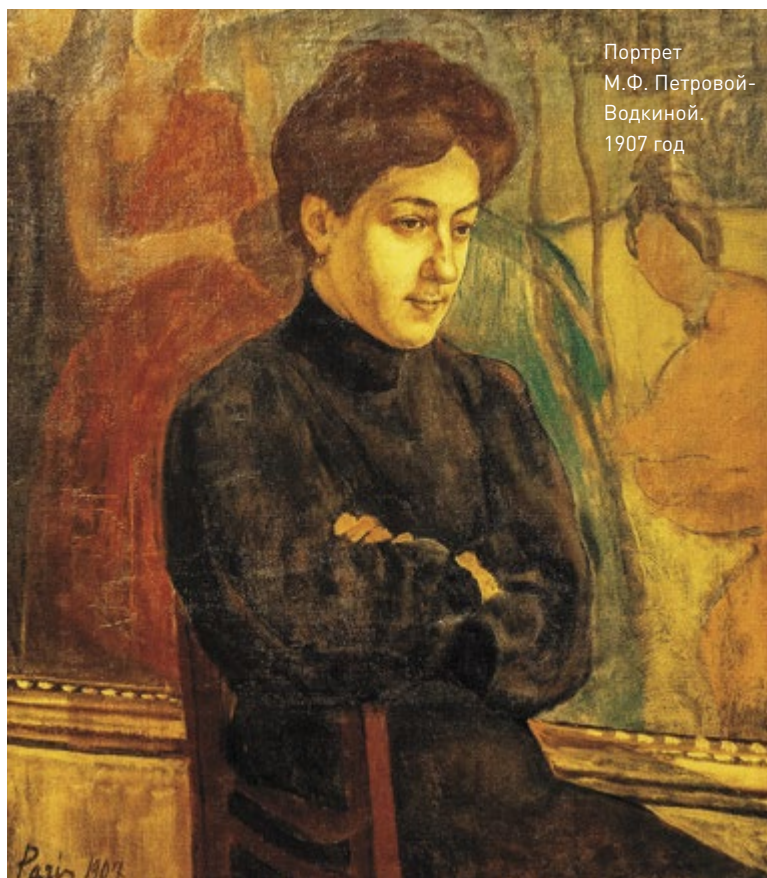
Влияние Серова и Борисова-Мусатова заметно в ранних работах Петрова-Водкина, который и не скрывал своей творческой зависимости и восхищения творчеством мастеров. Близи к нему были Иванов и Венецианов, что отразилось даже в поздних его работах. Кумиром его был и Михаил Врубель, подражать которому просто невозможно.

РАСШИРЕНИЕ ТЕЛ И ЗАНОЗЫ

Газета «Русское слово» опубликовала 10 апреля 1901 года снимок отважных путешественников: студенты МУЖВЗ Петров-Водкин и Сорохтин едут в Европу на велосипедах! Вещей с собой Кузьма взял немного: географическую карту, ящик с красками, альбом, смену белья, чайник, тигровой окраски плед, вельдог (револьвер) и 14 золотых пятирублевых. Матери написал: «Денег я думаю заготовить рублей 80 или 100, хотя все говорят, что это очень мало, а я говорю, что с деньгами с большими и дурак за границей побывает».

Дорога не задалась: у Сорохтина сломался велосипед, так что он поехал на поезде, а Петров-Водкин в одиночку крутил педали до Бреславля. Здесь приятели поменялись местами: до Мюнхена Кузьма добирался поездом, а Сорохтин – на велосипеде. Остановку в Дрездене, где Петров-Водкин хотел увидеть шедевры Дрезденской галереи, он проспал. В Лейпциге его оштрафовали, так что в Мюнхен в начале мая он прибыл без копейки... Хорошо, что там были русские художники, которые собрали для новоприбывшего небольшую сумму. Так что Кузьма смог поменять свой дорожный костюм: «темно-зеленую блузу, выпцветшую под дождем и солнцем, штаны, забытые в высокие сапоги, клетчатую кепи и тигровый плед, висящий на плече» на «очень милую тройку какой-то полосатой материи, башмаки красной кожи, широкополую шляпу, рубашку и даже фильдекосовые носки»...

Поначалу он был очарован и взбудоражен, работал в мастерской художника Антона Ашбе. Но вот он увидел современное искусство: «Первое, что меня ошеломило в молодых французах – это отсутствие классической светотени, – свет и тень у них теряли значение белого и черного, они сохраняли ту же спектральность краски, что и цвет. Ярмарка какая-то, – недоумевал я, – вот они – барбизонцы и понт-авенцы, о которых доносились к нам вести в Москву!

Портрет
М.Ф. Петровой-
Водкиной.
1907 год

Изгнание из рая.
1911 год

СВОЙ СТИЛЬ

Петров-Водкин примкнул к когорте русских мыслителей и художников, которые искали ответ на вопрос: что такое человек, кто есть я сам? Духовная жизнь рассматривалась ими в неперенной связи с божественным бытием, в стремлении понять жизнь, нравственные принципы мироздания и – преобразовать несовершенство. Все это начиная с 1910-х годов легло в основу творческих поисков Петрова-Водкина – так появилась монументальная серия на библейские сюжеты, к которой стилистически примыкает цикл аллегорических «мальчиков»...

На всех картинах того периода одинаковый условный фон, все они чем-то похожи друг на друга и не отягощены признаками времени и места как определением эпохи, географии, народности, что может ввести нас в заблуждение: дескать, какие-то мальчики, какие-то далекие библейские персонажи. Но нет – «Се человек», в чистоте и пороке одновременно, диалектика заложена изначально в каждом, а потому все близко и понятно любому зрителю. Вечная борьба внутри своего «я» – каждый

Долго ворочался и ежился я возле них, но, когда, обозленный, пошел я в соседние залы с классическим благополучием, мне и там стало неприятно от рельефно вылезающих на меня персонажей, никакого сношения с краской не имеющих. Лучше пойду обратно, прислушаюсь, – ведь галдят же о чем-нибудь эти крикливые французы... Много полезных, но острых заноз в себе унес я с этой выставки. Она поселила во мне разлад и с самим собой, и с Мюнхеном, и с московским училищем»...

Он узнал, что бывают другие способы видения и выражения: «Двадцатый век наступил не просто... Главным признаком новой эры намечилось движение, овладение пространством. Непоседничество, подобно древней переселенческой тяге, охватило вступивших в новый век. Расширением тел еще можно было бы назвать эту возникшую в людях тенденцию».

В 1905-м Петров-Водкин окончил МУЖВЗ и снова поехал мир познавать – Турция, Греция, Ита-

лия, Франция, Алжир. За четыре года странствий он открыл для себя и сокровища мирового искусства, и многообразие современных течений, посещая занятия в частных студиях и участвуя в выставках. В 1909 году он показал в Петербурге 200 своих работ недоверчивому эстету Сергею Маковскому, получил его благосклонное покровительство и предложение устроить в редакции журнала «Аполлон» первую персональную выставку – «Париж-Бретань-Пиренеи-Африка». В 1910 году Петров-Водкин вступил в общество «Мир искусства» и начал преподавательскую деятельность.

Доходный дом
И.Б. Лидваль
в Петербурге, где
Петров-Водкин
жил в 1909 году

Декоративная тарелка «Серафим» – единственное изделие из керамики, выполненное К.С. Петровым-Водкиным. 1922 год

решает вопрос нравственности и бытия для себя.

Стилистически сплавив Античность, Возрождение и древнерусскую иконографию, откликаясь на перемены внутри и вокруг себя, Петров-Водкин создает в 1910-х годах символистские аллегории «Сон», «Изгнание из рая», «Играющие мальчики», «Купание красного коня», «Жаждающий воин», «Две», «Юность (Поцелуй)», «Утро. Купальщицы», «Богоматерь Умиление злых сердец», а во второй половине 1920-х – «Фантазию», «Купающихся мальчиков», «На берегу»...

«Его картины-панно приблизились, ритмической своей замкнутостью, к фрескам итальянских кватрочентистов, но остротой рисунка и яростью красок напоминали и о современном плакате, – писал Маковский. – Восприятие Петрова-Водкина подлинно индивидуально; в сознательной «неправильности» его анатомии – большая убедительность. Это не стилизация, а стиль, не деформация академической пластики по тому или другому рецепту, а непосредственное формотворчество. Метод

его работы близок к методу старинных мастеров... <...> При этом – не повторяя никого из древних, воплощая видение, «непостижное уму». Верный рыцарь своего пластического идеала, он в то же время и прирожденный монументалист».

Мозаичное панно «Богородица с младенцем», первая работа Петрова-Водкина в Петербурге. Ортопедический клинический институт

РАЙ НА ЗЕМЛЕ

Во всю эту круговерть как-то очень гармонично вписалась личная жизнь: в 1906 году Петров-Водкин познакомился в Париже с сербкой Маргаритой Жозефиной Йованович, увлеченной камерным пением. Уже через полгода они поженились. Об их отношениях лучше всего рассказывает переписка. 12 июня 1907 года Петров-Водкин писал из Туниса в Париж супруге, в замужестве ставшей Марией Федоровной: «Друг мой, жена моя, ты должна знать, какую большую обузу ты взяла на себя, полюбив своего Кузю, и какую большую ответственность для твоего нежного сердца. Для тебя я буду великим и малым, хорошим и плохим, ты возьмешь меня целиком. Ты единственная, которой я откроюсь весь. Сегодня ты сказала мне в своем письме: «я разделю с тобой все твою горе и радости» – это красиво; сильно; право, я вижу мою жену, моего товарища, которая рука об руку со своим Кузей будет принимать участие в жизненном бою. Мы будем деятельны и энергичны и будем работать для человечества».

Так они и зажили, сражаясь «в жизненном бою». В одном из писем другу художник заметил, что жена «принесла ему деятельную любовь и тигрицей стала на защиту его сердца». Долгих шестнадцать лет у них не было детей, в 1912-м Марии Федоровне понадобилась сложная операция. Наконец в октябре 1922 года у Петровых-Водкиных родилась дочка Ленушка. Они были невероятно счастливы, хотя и ожидали мальчика, которого собирались назвать Андреем. Долгожданный и выстрадавший ребенок был окружен бесконечной нежностью.

А в 1927-м они приняли приглашение Максимилиана Волошина, приехали в Коктебель и чуть не стали жертвами землетрясения. «Папа меня завернул в одеяло, вытащил на улицу. Трубы летят с крыш, вообще жутко было. Папа отвел меня в сторону, а там уже какая-то трещина. Мама пришла. Люди

РИА НОВОСТИ

СМЕНА ФОРМАЦИЙ

Любая война – это кризис гуманистической философии. От увлечения символизмом в живописи художник пришел к осознанию ценностей и событий реального мира – уже бушевало пламя Первой мировой. Он переосмысливает свое полотно «Играющие мальчики» (современники видели в них Каина и Авеля – по сюжету, а по композиции и краскам – отголоски «Танца» Матисса. – Прим. авт.): один подросток, крепко держа за руку другого, замахивается на него камнем, а тот защищается свободной рукой. В 1916-м появились два варианта картины: на акварельном эскизе между двумя прежними героями появляется третий мальчик, готовый принять удар на себя, а в живописном решении – нет камня, но центральный мальчик третирует двух других, а позади них – три ангела. Заметим, что в этих «мальчиках» автор впервые разрабатывает мотив жертвоприношения.

Знаменитое «Купание красного коня», написанное в 1912 году, поначалу воспринималось как поэтическая мечта: сильный, умный и прекрасный конь олицетворяет природу, вводит в мир что-то яркое, новое. Кто-то даже считал эту работу новым прочтением древнерусского образа Георгия Победоносца. С началом Первой мировой в картине стали видеть пророчество о грядущей бойне. Ну а после Октябрьской революции стали говорить, что конь – это народ, а мальчик – интеллигенция и в работе аллегорически изображен их долгожданный союз во благо новой страны. Кстати, окончательной версии трактовок не существует до сих пор... Герой картины «На линии огня» запечатлен в момент осознания, что его жизнь кончена. Его образ часто сравнивают со святым, но самое страшное здесь то, что в штыковой атаке русские люди бегут не только навстречу своей смерти, но и на зрителя, по логике, становясь его противником... Гума-

уже стали уезжать, паника <...> Папа спрашивает: «Что, мы поедим?» А мама говорит: «Нет, мы останемся. Такое событие раз в жизни бывает, все-таки мы вместе и это очень интересно». И он стал рисовать картину в это время, в землетрясение. Я, когда смотрела, как он рисовал, весь страх ушел в картину. Там ру-

шится все, там детей тащат куда-то... Папа вообще всю жизнь мне говорил, что природу не бояться надо, а любить. На все он обращал внимание в природе. Мне нравилась гроза, когда я маленькая была, папа говорил, что это Богородица играет с Младенцем, шарик катает», – вспоминала Елена...

Купание
красного коня.
1912 год

Играющие
мальчики.
1911 год

нистический посыл художника состоит в этом, но мог ли он предчувствовать революцию и Гражданскую войну?

«Он ведь первое время, когда началась революция, был «за». А с 1918 года стал писать натюрморты, – вспоминала дочь художника. – И говорит, что Блок погиб потому, что не понял, как себя поставить. «Я, – говорит, – занялся этим делом, чтобы понять, что происходит».

Его натюрморты – виртуозные, изысканные, поразительные, но это – бегство от ужасающей действительности, которую художник не в силах оправдать. Лишь в 1920-м появляется первая «тематическая» работа – «1918 год в Петрограде», которую сам автор характеризует так: «Мадонна Петрограда» так кротка и столько в ней глубины». Но сколько напряжения, тревоги, страха в этом образе! Петров-Водкин и раньше обращался к теме материнства, она была одной из главных в его творчестве, но

На линии огня.
1916 год

Селедка.
1918 год

сейчас за спиной мадонны не идиллический пейзаж или уют теплой избы, а – город, народ, «текущие реалии», которым она должна принести жертву... И осуждающим взглядом она смотрит на зрителя. В творчестве художника осознанно за-

рождается мотив жертвенности, но пройдет еще три года, и в длинной череде свободных от идеологии натюрмортов и портретов появится многолетний программный цикл: «После боя», «Смерть комиссара», «1919 год. Тревога», «Новоселье (Рабочий

Петроград)», в котором за актуальными сюжетами встают перед современниками вопросы морали...

С 1919 года Петров-Водкин входил в организованный Максимом Горьким совет литературно-художественного творческого союза «Дом искусств», стал одним из членов-учредителей Вольной философской ассоциации на основе альманаха «Скифы», просуществовавшей до мая 1924-го. Он создает четырехлетнюю «Программу живописного факультета Академии художеств» по своей теории «трехцветия» и «сферической перспективы», работает для театра, входит в состав экспедиции комитета при Наркомпросе по делам музеев и охране памятников искусства в Самарканде, становится проректором по учебной части и входит в правление Вхутемаса. Он – в числе немногих коллег, которых в 1924 году пригласили в Колонный зал Дома союзов на церемонию прощания с Лениным... Во второй половине 1920-х Петров-Водкин так понимал свое предназначение: «Болтовню о «своих песнях» надо бросить! Дело не в том, чтобы пропищать «свою» песню, а в том, чтобы песня была услышана коллективом Земли. А слышится... Землей только то, что всем – «свое». Художник – тот же сеятель на ниве человеческого духа. И его задача – выходя за пределы обыденности, открывать человеку многомерность этого мира, освещать своим искусством путь человеческой жизни». Но вместе с тем Петров-Водкин искал объяснения происходящему с людьми в те страшные времена, случайно он пишет в дневнике: «Если бы не сосредоточие всего моего внимания на проблеме пространства, которое, в сущности, и было по-настоящему пережито за эти годы, со мной было бы то, что с Блоком. (Блок понял мои искания и бродяжничество лишь как интуитивную отдачу себя природе, а не как работу над природой, потому ему и не удалось выбраться из одуре-

1918 год
в Петрограде
(Петроградская
мадонна).
1920 год

Дочь художника.
1923 год

ния человеческой атмосферы.) Конечно, эти явления были массовые и эпидемические. Встреченные в их массе были трогательно хорошими людьми. Кажется, никогда до этой поры не воспринимался так глубоко человек, какие бы внешние маски ни носил он. Тем не менее, разрыв, иллюзия одного от всех были в каждом. Человеческие типы обострялись, потому и был каждый естественен и на своем месте...»

ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ

Петрова-Водкина власть ценила, его продвигали, в 1930 году наградили званием заслуженного деятеля искусств РСФСР, но, конечно, он не был царедворцем и карьеристом, потому что компромисса со своей совестью не допускал. В начале 1927-го он пишет в дневнике: «Давно не имел я такого состояния духа, как в это последнее время. Люди невозможны между собой. Недоверие и шкурничество междуусобное... Выплывают специально интрижные типы, которых революция как-то сдерживала и которые теперь подбочились, как волки, чувствующие падаль. Злоба со всех сторон беспричинная. Сверхпартийная, путаная злоба». Уже будучи очень больным человеком – в 1928-м у него обнаружили первые признаки туберкулеза после перенесенной чахотки, – он не сбавляет темп, работает, торопясь, не щадя себя... Американцы в 1933 году заказали ему групповой портрет писателей: «Я сажаю на задний стул Шишкова, а на передний стул сажаю Андрея

Белого, он держит в одной руке спички, а в другой папиросы. Я пишу, пишу и ничего не выходит. В один прекрасный день вместо Толстого, я думаю, не посадить ли Пушкина, что будет? Но было пустое место, и мне показалось, что нужно сесть самому на это место... Не знаю, что сделали с ним американцы...» Получился портрет: Пушкин, Андрей Белый, Петров-Водкин.

«Последняя картина папина – «Новоселье». Это уже 1937 год, в Ленинграде мы жили, – вспоминала дочь художника Елена. – Три раза приезжало жюри из Москвы, чтобы принять картину, и не принимали ее. То нож не туда повернут, то цвет не тот. В общем, всякую ерунду. <...> Он говорит: «А у меня картины без танцев, без музыки. Тут разговаривают, тут люди что-то решают, дискуссия какая-то идет». Потому что это 1937 год, когда дали ему квартиру, комнату дали рабочему, они рады, но они не знают, как дальше будет. Одну

ночь – воронок увозит одного, другую ночь – вся семья пропадает, расстреливают. Так что тут он мне сказал: «Вот, поче-

Новоселье
(Рабочий
Петроград).
1937 год

Пушкин на Неве
(Пушкин
в Петербурге).
1937 год

му мою картину не приняли. Потому что там нет радости, такой эйфории. А тут – то, что люди думают. Вот я и говорю, что люди любят и танцы, любят и пение, но любят и думать». Я молчала...».

В книге «Прикосновение к душе» Елена Кузьминична пишет: «Однажды к нам позвонили. Дверь пошла открывать мама. Незнакомый мужчина спросил Кузьму Сергеевича и представился его учеником Васильевым, но так как отца не было дома, попросил передать ему пакет. Придя домой и открыв пакет, папа сел на диван и тяжело вздохнул, как будто он знал о его содержимом. Мы с мамой подошли и увидели изображение святого Кузьмы на куске дерева, видимо, оно составляло часть картины или иконы, о чем свидетельствовал свежий спил по сторонам. Изображенное лицо было продолговатым, худым, с впадинами на щеках. Особенно на нем выделялись глаза, как бы светящиеся. Волосы

сказала отцу, кто принес, а он ей ответил: «Это безразлично, я все равно его не знаю». Сидя на диване и глядя на эту вещь, он говорил: «Пришел, как к Моцарту, но ничего не заказал, а принес». Мы отцу говорили, что просто у него так много было учеников, что он запомнил только тех, которые были с ним долго, а быстро исчезающих не запомнить.

– Нет, это мой «черный человек...»

Кузьма Сергеевич скончался в 23 часа 30 минут 14 февраля 1939 года. Елене тогда было 16 лет: «...в больнице я стою в ногах кровати и принимаю последнее дыхание отца. Когда я вышла на улицу и услышала играющее радио и смех людей, у меня не было слов... мне хотелось кричать: «Отец умер, как может продолжаться жизнь?!»

«После смерти Кузьмы Сергеевича мы с женой почти ежедневно навещали Марию Федоровну, – записал в своем дневнике друг семьи Людвиг Урлауб, Петров-Водкин был крестным отцом его дочери Татьяны. – Как-то, придя к ней, мы увидели на столике у окна стеклянный прямоугольный ящик и в нем... голову, да, голову Кузьмы Сергеевича... Оказалось, что это была посмертная маска, но несколько необычного вида – целая голова телесного цвета и даже со следами волос покойного. Впечатление было потрясающее. В дальнейшем Мария Федоровна сделала на этот стеклянный ящик зеленые шелковые занавески, которые скрывали внутренность его». Дочь художника тосковала по-своему: «Долгое время после смерти отца я подходила и гладила эту голову. Прикасаясь рукой, ощущала исходящее от нее тепло, и мне казалось, что он еще жив». Обе женщины посвятили свою жизнь Кузьме Сергеевичу, сохранив его наследие для России. Последний приют художник обрел на Волковском кладбище Петербурга...»

спали неровными прядками на лоб, небольшая борода или многодневная щетина. Фон картины в темно-коричневых тонах, а сама голова чер-

ная. Впечатление от этой вещи было неприятным. Мы даже не могли определить почему, – наверное, глаза... Они смотрели пронзительно и зло. Мама

Автопортрет.
1927 год

Кировский
(ныне – Каменно-
островский)
проспект,
дом 14 – здесь
Петров-Водкин
прожил послед-
ние три года
своей жизни

АНГЕЛ ВАРЕНЬКА

АВТОР

ДМИТРИЙ УРУШЕВ

СУДЬБА АКТРИСЫ ВАРВАРЫ НИКОЛАЕВНЫ АСЕНКОВОЙ – ЭТО СУДЬБА ОДАРЕННОГО ЧЕЛОВЕКА, НЕПОНЯТОГО СОВРЕМЕННОКАМИ. РАДИ ХЛЕБА НАСУЩНОГО ОНА, АРТИСТКА БОЛЬШОГО ТАЛАНТА, БЫЛА ВЫНУЖДЕНА ПЕТЬ И ТАНЦЕВАТЬ В ПОШЛЫХ ВОДЕВИЛЯХ.

Варвара
Асенкова
в роли
Эсмеральды.
Литография
1838 года
с акварели
В. Гау

АСЕНКОВА ПРИНАДЛЕжит к числу актеров, избежавших забвения.

О ней писали и при жизни, и после смерти. Ей посвящен фильм «Зеленая карета», снятый в 1967 году режиссером Яном Фридом по сценарию Александра Гладкова. В фильме роль Асенковой исполнила Наталья Тенякова.

Три книги написаны об Асенковой. Одна из них – театроведа Татьяны Родиной – заканчивается так: «Асенкова стала воплощением замечательного типа русской актрисы, чье вдохновенное искусство и высокие человеческие качества, сливаясь, образуют один прекрасный и светлый образ».

ДЕБЮТАНТКА

Она могла сыграть любую роль. Недаром драматург Рафаил Зотов писал: «Средства ее обширны, почти неистощимы, разнообразие удивительно, чувства – бездна». Актер и драматург Петр Каратыгин, хорошо знавший ее, вспоминал: «Не говоря уже о прекрасном и разнообразном даровании этой молодой артистки, я не могу умолчать о ее милом и любезном характере. Добродушие и кротость ее доходили до детской наивности. Я не замечал, чтоб она кому-нибудь завидовала. Не слыхал, чтобы с кем-нибудь повздорила, что так обыкновенно в нашем закулисном муравейнике».

Образ Вареньки чист, светел и глубоко трагичен. Не только потому, что последние годы ее короткой жизни омрачились болезнью и клеветой, но и потому, что великолепная актриса, способная к драматическим ролям, была вынуждена непрерывно играть в водевилях. Дирекция императорских театров, находившаяся в ведении Министерства императорского двора, наживалась на таланте, молодости и красоте Вареньки. Она хотела играть Офелию и Корделию, а вместо этого пела и танцевала в комедиях с переодеванием.

Впрочем, судьба Асенковой несчастливо сложилась с самого рождения – 10 (22) апреля 1817 года. В ее метрическом свидетельстве значилось: «Незаконнорожденный младенец Варвара». Ее отец Николай Иванович Кашкаров был капитаном лейб-гвардии Семеновского полка, а мать Александра Егоровна Асенкова – известной в Санкт-Петербурге артисткой. По неписанным правилам, господствовавшим тогда в обществе, офицеры не могли жениться на актрисах.

В советской литературе Кашкаров изображался чуть ли не декабристом. Причина – участие капитана в восстании Семеновского полка 1820 года. Весной того года в полк был назначен новый командир – полковник Шварц, человек грубый и строгий до жестокости. Его самодур-

ство привело к беспорядкам. Первая («государева») рота, которой командовал Кашкаров, оказалась подчиняться Шварцу. Александр I велел распустить полк, перевести всех солдат и офицеров в разные части и набрать новый Семеновский полк. Началось следствие. Кашкаров, знавший имена зачинщиков восстания, не назвал их. Следствие закончилось в 1826 году, уже при Николае I. Новый император отправил Кашкарова с сохранением чина в Кавказский корпус. Офицер участвовал в русско-персидской и русско-турецкой войнах, в обеих блестяще проявил себя и был произведен в полковники. В 1832 году он женился на дочери статского советника Екатерине Молчановой. К Асенковой «декабрист» не вернулся.

Пока отец находился под следствием, сидел в крепости и воевал на Кавказе, Варенька росла. Мать видела для нее только одну будущность – сцену. Поэтому в 1828 году Александра Егоровна отдала дочь в Петербургское театральное училище.

Девочка подавала надежды. «Имеет чистый выговор, хорошее чтение и обещает быть способной по драматической части», – говорилось в рапорте начальника класса декламации. Но в 1830 году Варенька была отчислена из училища с заключением: «Возвратить матери, так как она необыкновенных способностей не оказала».

Несмотря на денежные затруднения, Асенкова-старшая поместила девочку в закрытый частный пансион. Проучившись три года, Варенька самовольно вернулась домой и заявила: пансион – пустая трата денег и времени, поэтому она намерена работать, чтобы содержать себя и помогать семье.

Александра Егоровна попросила своего близкого друга, прославленного актера Ивана Сосницкого, подготовить дочь к поступлению на службу в Александринский театр. Поначалу учеба не шла. На занятиях Варенька оставалась скованной

Александринский театр. Гравюра 1834 года

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ АС. ПУШКИНА

и застенчивой. А затем неожиданно талант пробудился: она блестяще справилась с ролью Фанни из драмы «Фанни, или Мать и дочь – соперницы».

Сосницкий ввел Асенкову-младшую в свой бенефис на главные роли в водевилях «Сулейман II, или Три султанши» Шарля-Симона Фавара и «Лорнет, или Правда глаза колет» Эжена Скриба.

Предоставим слово современнику – писателю Дмитрию Сушкову: «21 января 1835 года с неимоверной робостью, почти дрожа от страха, Асенкова вступила на сцену. При первом появлении публика, очарованная обаянием красоты и молодости дебютантки, приветствовала ее громкими и продолжительными аплодисментами. И едва она заговорила, едва решилась поднять свои потупленные прекрасные глаза, в которых было столько блеска и огня, партер еще громче, еще единодушнее изъяснял свое удивление шумными восторженными криками «Браво! Браво!».

Каратыгин вспоминал: «Успех дебютантки был самый блестящий. Покойный государь Николай Павлович по окончании спектакля удостоил ее милостивым своим вниманием и сказал ей, что такой удачный дебют ручается за будущие ее успехи на сцене».

КОМЕДИЯ И ВОДЕВИЛЬ

Так началось служение Вареньки искусству. Поначалу, писал Каратыгин, «Асенкова смотрела на сценическое поприще теми же глазами, какими бедные девушки смотрят на выгодную партию. Она решилась поступить в театр, как решаются идти замуж за нелюбимого, но богатого человека». Впрочем, сама Асенкова признавалась: «На мне оправдалась пословица: стерпится – слюбится. И я вскоре страстно полюбила театр».

Любовь к театру стала для Вареньки единственной. Сценическая жизнь заменила ей жизнь личную. Хотя ее окружало множество поклонников. «Собой она хотя не была красавицей в строгом смысле, – вспоминал

Титульный лист второй книги «Репертуара русского театра» (СПб., 1840)

Каратыгин, – но миловидность ее была до того симпатична, что собирала около нее толпу поклонников и вздыхателей из так называемых театралов».

Но «вздыхатели» напрасно искали любви Асенковой. То есть любви к поручику Юрию Глебову, изображенной в «Зеленой карете», не было. Не было и шикарной квартиры, в которую создатели фильма поселили Вареньку. Вообще, доходы актрисы были невелики. Сначала Дирекция театров заключила с Асенковой контракт с жалованьем в 3 тысячи рублей в год. В январе 1836 года молодая артистка обратилась с просьбой о прибавке к жалованью, «которое я большей частью издерживаю на гардероб».

В дело вмешался сам император. Он посчитал, что прибавка невозможна, ибо «госпожа Асенкова во все это время никаких успехов не сделала». Это было объявлено Вареньке. И она согласилась подписать контракт на три года «на общем положении».

За кулисами впервые поползли слухи о бездарности Асенковой-младшей, не делающей успехов

и держащейся на сцене исключительно благодаря покровительству некоего значительного лица. В феврале 1839 года Варенька подписала новый трехлетний контракт. Теперь ее жалованье составляло 4 тысячи рублей в год. На них нужно было содержать семью, снимать квартиру и дачу, шить платья, в том числе и для театра. Дополнительный заработок давали сверхурочные спектакли.

«Асенкова прослужила на сцене всего шесть лет, – писал Каратыгин, – и только за год до своей кончины заключила контракт, по которому ей Дирекция назначила самую ничтожную поспектакльную плату по 5 рублей ассигнациями за каждую сыгранную роль». Неудивительно, что Варенька старалась играть каждый день по два-три раза. А на Масленицу – шесть-восемь разных спектаклей на разных сценах.

Александр Вольф, составитель подробнейшей «Хроники петербургских театров», писал о таланте Асенковой: «У нас еще не было до тех пор артистки, соединявшей в себе все качества, необходимые для амплу первого сюжета для комедии и водевиля – красоту, ловкость, прекрасную мимику, изящные манеры, приятный, хотя и слабый орган [голос]».

Только «амплу первого сюжета для комедии и водевиля» разглядела в Вареньке и Дирекция. Ее необыкновенный талант был растрачен на роли в легкомысленных пьесах. Вот говорящие сами за себя названия ряда спектаклей, в которых Асенкова восхищала Петербург: «Бабушкины попугаи», «Влюбленный рекрут», «Гусарская стоянка», «Девушка-гусар», «Жена, каких много», «Женская натура». Вольф называл некоторые спектакли «пустыньскими водевильчиками», а некоторые роли Асенковой – «весьма скабрёзными».

Среди этих спектаклей особое место занимают водевили и комедии с переодеванием. В них Варенька выступала в амплу травести – играла или девочек,

Казанский собор.
Гравюра
1815 года

переодевающихся в мальчиков, или мальчиков, как правило, гусар. Современному зрителю этот жанр знаком мало. До наших дней от него сохранились только пьеса Гладкова «Давным-давно» и снятый по ней фильм «Гусарская баллада».

Легко представить, какой восторг вызывала у зрителей Асенкова, певшая и танцевавшая в гусарском мундире. «Высокая ростом, – писал Сушков, – стройная, несколько худощавая, она была чрезвычайно грациозна, и все движения ее, быстрые, небрежные, никогда не лишённые благородства и живописности, были прелестны». Добавим к этому кивер, доломан, ментик, рейтузы, сапожки и саблю. Театр ревел от восторга и взрывался аплодисментами. На лицах мужчин играли нескромные улыбки. Женщины бросали завистливые взгляды.

Вот, к примеру, водевиль «Полковник старых времен». В нем представлена Франция XVIII века, когда богатый дворянин мог купить любой чин или титул. Асенкова выступала в роли маркиза Юлия де Креки, которому отец купил полк. Офицеры и солдаты ждут появления нового командира. И он приезжает, «резвый, веселый, живой

и такой беленький, точно переодетая девушка». Маркиз потешается над подчиненными, шалит, сажает под арест офицеров и своего гувернера. Белинский, побывав на «Полковнике», писал об Асенковой: «Она играет столь же восхитительно, сколь и усадительно, словом, очаровывает душу и зрение. И потому каждый ее жест, каждое слово возбуждали громкие и восторженные рукоплескания. Куплеты встречаемы и провожаемы были кликами «Фор!»». Особенно мило выговаривает она «Черт возьми!». Я был вполне восхищен и очарован, но отчего-то вдруг мне стало и тяжело, и грустно».

В апреле 1838 года на гастроли в Петербург приезжал знаменитый Щепкин. Он выступал на сцене Александринского театра и смотрел шедшие здесь спектакли. После представления «Полковника» Асенкова спросила у Щепкина, понравилась ли она ему в роли маркиза. Актер ответил: «Почему вы не спрашиваете меня, каковы вы были в роли молодой светской дамы, которую я тоже видел? Потому что я знаю, вы ждете похвалы. Ну так утештесь, вы в «Полковнике старых времен» были так хороши, что гадко было смотреть».

БЕДНАЯ ЭСМЕРАЛЬДА

Асенкова и сама понимала: на многие ее роли гадко смотреть, они вызывают низменные чувства. Она родилась не для двусмысленных водевилей, а для благородной драмы. Родилась не в свое время и была непонята современниками. Многие из них воспринимали театр как развлечение. Серьезные спектакли казались им нудными, драматические роли – скучными.

Но именно в серьезных ролях талант Вареньки раскрылся по-настоящему. Хотя зрители и критики, привыкшие видеть ее в комедии и водевиле, не ценили игру Асенковой – драматической актрисы. Даже Гоголь не оценил исполнение ею роли Марьи Антоновны в первой постановке «Ревизора», состоявшейся 19 апреля 1836 года. Недоумение от игры Асенковой он описал в «Театральном развезде». Два господина *comme il faut*, выходящие из театра, говорят о Вареньке:

«Первый *comme il faut*. Хорошо, если бы полиция не далеко отогнала мою карету. Как зовут эту молоденькую актрису, ты не знаешь?

Второй *comme il faut*. Нет, а очень недурна.

Первый *comme il faut*. Да, недурна. Но все чего-то еще нет».

В «Горе от ума» Грибоедова Варенька чаще играла молодую даму Наталью Дмитриевну Горич, но иногда – Софью Фамусову. Роль Софьи критики хвалили: «До Асенковой на нашей сцене не было еще Софьи Павловны».

Но первой крупной драматической удачей Вареньки стала Эсмеральда в инсценировке романа Гюго «Собор Парижской Богоматери». Пьесу «Звонарь из Нотр-Дама» написала Шарлотта Бирх-Пфейфер, известная немецкая актриса и драматург, гастролировавшая в Петербурге. Актер Василий Каратыгин, брат Петра Каратыгина, вместе с женой Александрой перевел и переименовал пьесу, назвав ее «Эсмеральда, или Четыре рода любви».

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А.С. ПУШКИНА

Бирх-Пфейфер и чета Каратыгиных до неузнаваемости изменили замысел Гюго. Действие переносилось из Парижа в Антверпен. Собор Парижской Богоматери перестраивался в антверпенский магистрат. Развратник Феб становился благородным рыцарем. А Клод Фролло из священника превращался в синдика – члена магистрата. Цыганка Эсмеральда оставалась в живых.

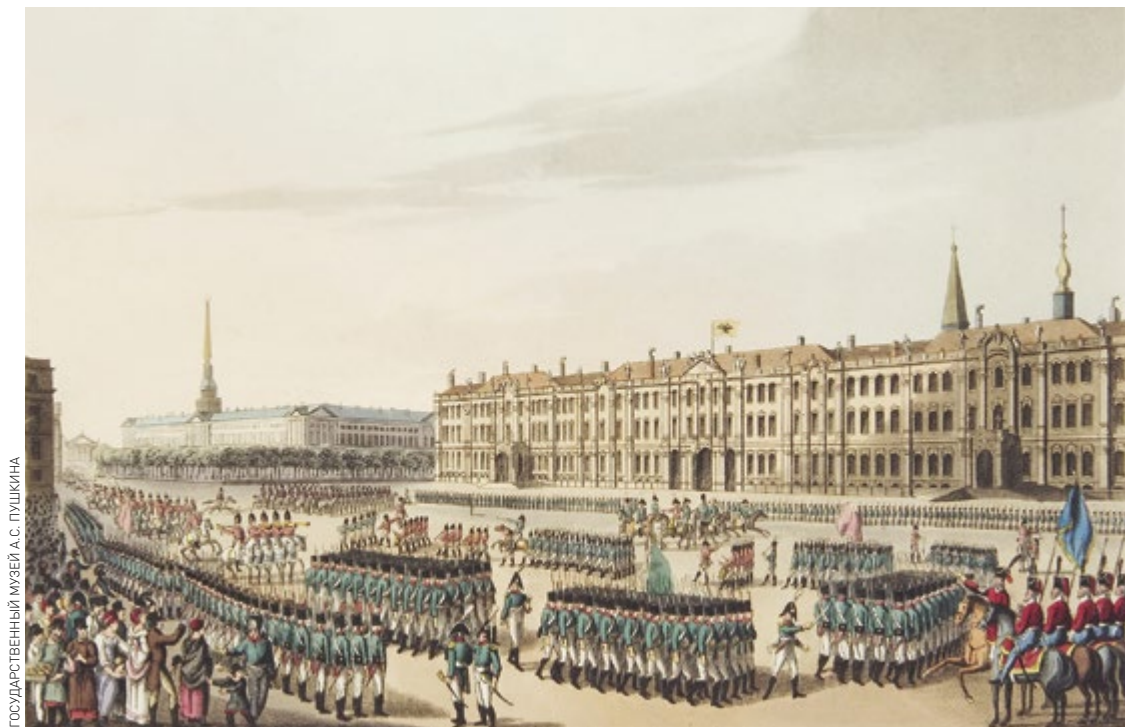
В 1837 году драма вышла на русскую сцену. Василий Каратыгин играл Клода Фролло, используя весь набор внешних средств старого театра. Явившись в тюрьму к цыганке, он столь яростно добивался ее любви, что критик опасался за «бедную Эсмеральду, которую Клод Фролло таскал по сцене без всякой жалости и которая несколько раз едва могла устоять на ногах от неистовых его порывов».

Варенька иначе подошла к роли: внешним приемам предпочла сосредоточение на внутреннем мире Эсмеральды, на ее любви к Фебу. Но критики не оценили ее игру: «В ней есть чувство, но ей недоставало средств».

Снова поползли слухи о бездарности Асенковой. Стали поговаривать, что Дирекция, по распоряжению князя Волконского, министра императорского двора, не возобновит с ней контракт. Расстроенная Варенька бросилась к Александре Каратыгиной, вхожей в дом князя. И та хлопотала за Асенкову перед Волконским...

В том же, 1837 году на сцену вышел «Гамлет» в переводе Николая Полевого. Роль Офелии блистательно исполняла Варенька. «В Офелии Асенкова была поэтически хороша, – отмечал Сушков, – особенно в сцене безумия... Это была Офелия Шекспира, грустная, безумная, но тихая и потому трогательная, а не какая-то беснующаяся, как того требовали от нее некоторые критики».

Вслед за Офелией Асенкова сыграла Корделию в «Короле

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А.С. ПУШКИНА

Лире». Но от Вареньки по-прежнему ждали только куплетов и танцев в гусарском мундире. Критики писали: «Этой прекрасной водевильной артистке, как уже неоднократно замечено нами, роли в серьезных драмах не удаются. Ей недостает многого, очень многого».

ТРАГИЧЕСКИЙ ФИНАЛ

Пора творческого расцвета Асенковой совпала с появлением первых признаков чахотки. Варенька и прежде нередко простужалась, кашляла. Но с весны 1838 года страшная болезнь обозначилась совершенно определенно. Однако Асенкова продолжала играть, хотя теперь театр стал смертельно опасен для нее – плохо отапливаемый зал, копоть ламп, пыль, сквозняки за кулисами и в уборной. Но Варенька не могла жить без этого.

Вот книга «Репертуар русского театра», выпуск за февраль 1840 года. В ней напечатаны пьесы, во многих из которых тогда играла Асенкова: сочинения Полевого «Параша-сибирячка» и «Дедушка русского флота», водевили «Ножка» и «Катерина, или Золотой крестик», драма

«Эсмеральда». Из них только пьесы Полевого не лишены художественного достоинства. В «Параше» Асенкова исполняла главную роль – благородную девушку Парашу, пешком отправляющуюся из Сибири в Петербург, чтобы испросить у царя Александра I помилования ее сосланному отцу – разжалованному офицеру.

В «Дедушке» Асенкова играла Корнелию – внучку голландского мастера Брандта, строителя ботика – «дедушки русского флота». Она влюблена в Питера – подмастерья оружейника. Этой любви предстоит пережить небольшое приключение, но, благодаря покровительству царя Петра I, все кончится хорошо.

Признаки чахотки – блестящие глаза и нездоровый румянец – были всем очевидны. Они украшали Вареньку, особенно в роли Офелии, но одновременно свидетельствовали о приближающемся конце. Сушков вспоминал: «Ее почитатели жадно ходили смотреть ее с каким-то тайным страхом, торопясь насладиться».

Почитателей было великое множество. Но никто из них не мог похвастаться, что покори́л серд-

Парад на Дворцовой площади.
Гравюра 1815 года

це актрисы. И вот по Петербургу пополз слух, окончательно подорвавший здоровье Асенковой. Шептались, что она сделалась любовницей, страшно сказать, самого императора.

Варенька стала получать анонимные письма с непристойными стихами и пошлыми карикатурами. А 23 мая 1840 года в театре произошел скандал. Пьяные молодые люди на спектакле «Капризы влюбленных» стали, как вспоминал Вольф, «говорить артистам разные глупости сначала вполголоса, а потом все громче и громче... Особенно досталось бедной Асенковой. Ей пришлось выслушать самые непечатные циничные выражения. Наконец, она не выдержала, разрыдалась и убежала за кулисы».

Петр Каратыгин вспоминал другой «пасквильный, грубый эпизод из ее жизни». Влюбленный и отвергнутый офицер, желая изуродовать Вареньку, кинул в ее карету зажженную шутиху. «По счастью шутиха попала в шубу актера Григорьева, сидевшего тут же, и он успел ее потушить... Но этот пылкий юноша не унялся и прислал Асенковой грозное письмо, что если ему не удалось на этот раз ее обезобразить, то он решится на более отчаянную меру». В дело вмешались власти, и офицера отправили на Кавказ повоевать и поостыть.

Всего этого Варенька не смогла перенести и совершенно разболелась. В последний раз она вышла на сцену 16 (28) февраля 1841 года: играла в водевилях «Пятнадцатилетний король» и «Новички в любви».

Вскоре наступил день рождения Асенковой – ей исполнилось 24 года. На 14 апреля был назначен ее бенефис. Но актриса уже не вставала. Бенефис прошел без нее.

Варенька умерла 19 апреля (1 мая) 1841 года. Похоронили ее 22 апреля на Смоленском кладбище. В тот день шел дождь. Но гроб актрисы провожала огромная толпа. Много лет спустя Не-

Варвара Асенкова.
Гравюра 1840 года
с акварели
И. Алексеева

красов записал: «Помню похороны. Похожи, говорили тогда, на похороны Пушкина. Теперь таких вообще не бывает».

А Сосницкий получил из Москвы от артиста Дмитрия Ленского письмо с такими словами: «Будем жить по-прежнему, в ожидании другой жизни, где, может быть, встретимся с ангелом, который здесь гостил под видом актрисы и под именем Варвары Николаевны Асенковой».

И после смерти судьба Вареньки, точнее ее останков, складывалась несчастливо. В 1938 году ее прах был перенесен в Некрополь мастеров искусств Александровской лавры. Но на новом месте Асенкова не обре-

ла покоя. В 1941 году ее могилу уничтожил немецкий снаряд. Она была восстановлена только в 1955 году.

Нет, не будем заканчивать кладбищем. Пусть Варенька останется для нас вечно живой, юной и прекрасной. Пусть, как 21 января 1835 года, она выпорхнет на сцену, и мы с восторгом повторим вслед за Некрасовым: *Я помню: занавесь взвилась, Толпа угомонилась – И ты на сцену в первый раз, Как светлый день, явилась.*

Театр гремел: и дилетант, И скептик хладнокровный Твое искусство, твой талант Почтили данью ровной. ♣

ТАРЕЛОЧКА С ОКАЕМОЧКОЙ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

НИКОГДА БЫ НЕ ПОДУМАЛ, ЧТО ВООЧЬЮ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ЛЕТАЮЩЕЙ ТАРЕЛКОЙ ПРИДЕТСЯ НЕ В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ, А В ПОДМОСКОВНОМ МУЗЕЕ НЕПОДАЛЕКУ ОТ НАУКОГРАДА ЧЕРНОГОЛОВКА. ВСЕГО-ТО В 40 КИЛОМЕТРАХ ОТ МОСКОВСКОЙ КОЛЬЦЕВОЙ АВТОДОРОГИ.

ТАКОЕ БЫВАЕТ. ЗВонит поздним вечером добрый приятель и предлагает наутро поехать в Подмоскovie на интересное мероприятие. В каком-либо ином случае – почему бы и не отказаться, так как никаких подробностей не сообщено. Но добрый приятель на тот момент, ни много ни мало, – начальник Геральдической службы Вооруженных сил России. И не доверять ему – нет причин. Равно как и сейчас. Полковник в отставке Олег Кузнецов занимает должность главного геральдмейстера Москвы.

Едем. Дорога – на Нижний Новгород. На бетонке уходим на север, в сторону Черноголовки. Минуем поворот в известный всему научному миру городок, где находится с десяток всяческих хитрых НИИ и известный всей России своими напитками, которые требуется пить без остановки. Далее, среди могучих сосен вдоль обочины, указателей мало. Село Макарово, село Ивановское и вот, как неожиданно выяснилось, искомое – Военно-технический музей.

О наличии подобных музеев в Москве и Подмоскovie людям интересующимся известно. От-

крытая площадка Музея Вооруженных сил на площади Суворова, экспозиция на Поклонной горе, Музей авиации в Монино, частный музей Вадима Задорожного в знаменитой вотчине князей Юсуповых Архангельском. Но о коллекции всяческой техники в селе Ивановское до упомянутой оказии слышать не приходилось. Сейчас его официальное название – «Государственное бюджетное учреждение культуры Московской области «Военно-технический музей».

За три года, что минули с первого визита, в Ивановском довелось побывать с десяток раз. Разных людей удавалось заманить с собой в Черноголовку. Москвичей, питерцев, минчан, даже жителей далекого от России итальянского Тироля. Последняя встреча с этим удивительным музеем состоялась в компании с бессменным товарищем по репортерским приключениям фотографом Александром Бурым. Строго говоря, подборка фотографий способна рассказать о

музее сама по себе. Но, как говорится, жанр требует слов. Собственное первое впечатление было наполнено скепсисом. Знакомые с далекого детства с наваренными красными звездами железные ворота, которыми оснащались все без исклю-

чения пионерские лагеря. Будка билетеров. Одно веселит – потертый боями и временем легендарный танк Т-34, мнувший гусеницами останки германской легковушки. Скепсис развеялся моментально, едва позади остался турникет.

Чем больше фары, тем лучше видно. Из коллекции автомобилей «форд»

НЛО КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ

В нескольких десятках метров от входа – натуральная летающая тарелка. Сам сначала не поверил, а в следующие приезды с жаром знатока разубеждал привозимых гостей. Да, тарелка! А что такого? Ну, привыкли мы к мысли, что подобные аппараты – явление неземное. Но привычка не есть истина. Еще в 1911 году американский изобретатель Чэнс Воут сконструировал из ткани и дерева летательный аппарат, по виду напоминавший зонтик. Более об этом продукте ничего не известно. Зато тот самый Воут в 30-х годах прошлого века по заказу НАСА и ВМФ США создал крутлый самолет. На практике он оказался неубедительным, и разработки были прекращены после Второй мировой войны. Неугомонный и жестокий лидер Третьего рейха также не остался равнодушным к идее создания летающей тарелки. Правда, документов, подтверждающих наличие таких аппаратов, пусть и экспериментальных, в составе Люфтваффе, не имеется.

Манекен бойца РККА около «живого» «студебеккера»

Советский проект ЭКИП (аббревиатура от слов «экология» и «прогресс». – Прим. авт.) был затеян в начале 80-х годов XX века. У его истоков стоял изобретатель Лев Шукин. Не стоит вдаваться в технические подробности 9-тонного аппарата, тем более что в самом конце прошлого столетия государственное финансирование этого чуда техники прекратилось. Похоже, всяческие инициативы Саратовского авиастроительного завода по поиску стороннего инвестора также завершились ничем. Но две машины все-таки были собраны. – Одна из них находится у нас, – поведал директор музея Дми-

трий Дорогойченко. – Понятно, что получить разрешения от многочисленных профильных организаций для приобретения «тарелки» было непросто. Само собой, было извлечено все секретное нутро, и взлететь при всем желании аппарат не сможет. Но когда-то поднимался в воздух. Во время испытаний на Волге...

Стоящие неподалеку крашенные серебряной красной гипсовые пионер с пионеркой удивляться соседству с летающей тарелкой не способны. А вот живые посетители, будь то пионеры или миллионеры, диву даются.

Машины
Второй мировой
войны

ОТ ТАЧАНОК ДО ТАНКОВ

На территории бывшего пионерлагеря летом многолюдно. Мальчишек не оттащишь от разнообразной военной техники, которая стоит на приколе под открытым небом и в ангарах. Некоторые образцы вполне доступны. Если очень хочется, можно поиграть, например в зенитчика. А вот упомянутому выше Олегу Кузнецову по дружбе разрешили забраться в германскую танкетку. Не понаслышке знакомый с танковым делом полковник, не страдающий лишним весом, с трудом втиснулся в люк. И с не меньшим трудом из него «вытиснулся». Стоявший рядом Вячеслав Фомичев, один из основателей музея, выдохнул:

– Как они умудрялись еще и воевать?

Замечание тем ценное, что и Вячеслав Васильевич – кадровый офицер.

Что до военной техники, то какой в музее только нет. Танки разных времен и народов, бронетранспортеры, военные грузовики, самоходная и буксируемая артиллерия, включая гаубицы очень серьезного калибра, танкетки, мотоциклы, пулеметы, минометы, стрелковое оружие. Разумеется, все это не стреляет, но многие экспонаты, имеющие колеса или гусеницы, способны перемещаться своим ходом. Потому и востребованы на парадах, выставках и, само собой, на киностудиях. Ну где еще найдешь для съемок грузовик «вольво» НВТ на гусеничном ходу, который аж в 1928 году у производителя покупала шведская армия? Шведская! Или полноприводной кубельваген «Штёвер», дебют которого пришлось на гражданскую войну в Испании? Кстати, на него подозрительно похож отечественный газик, он же «козел». Нелегко сыскать и ЗИС-5 с прожекторной установкой в кузове. Именно с помощью этих машин освещали небо над Москвой в 1941-м во время налетов фашистских бомбардировщиков. Вот как описывалось боевое применение прожекторов: «С берегов

На бронетехнику
по лесенке

Москвы-реки бьют в ночное небо лучи зенитных прожекторных станций. Одиночные лучи принадлежат станциям-искателям, которые наводятся на цель по данным от звукоуловителя. Они должны найти и непрерывно высвечивать самолет противника, до тех пор, пока его не подхватят две другие прожекторные станции – «сопроводители», которые держат самолет в перекрестке лучей, обеспечивая ведение прицельного огня зенитчикам. После этого луч искателя гаснет, до получения указания цели на следующий самолет.

Наверное, это одно из главных достоинств музея. Здесь не только коллекционируют военные раритеты, но и возвращают им жизнь. При музее имеются разнообразные мастерские, в которых мастера способны реанимировать любое чудо техники. А кое-что создают буквально с нуля.

Время от времени мимо посетителей проносятся тачанки. Ну, может быть, по поводу «проносятся» автор и погорячился. Но применительно к лошадям, тачанкам и пулеметам на задке сказать «проезжают» как-то обидно. Тачанки в мастерских делают по тем технологиям, по

которым эти стреляющие коляски производили век назад. Равно как и ландо, двуколки и пролетки. Это для тех гостей, кто не очень-то любит пулеметы.

Обычные посетители в мастерские не ходят, нет такой услуги. Но, пользуясь служебной необходимостью, довелось. Больше всего поразила работа мастера, шлифовавшего деревянный корпус автомобиля. Да не простого автомобиля. Элитного, германского, времен Второй мировой войны. Кто бы мог подумать, что лет восемьдесят назад корпуса холеных «мерсов» и «хорьхов» делали из дерева! Танки, правда, лепили из бронированной стали.

«Студебеккер» советской гвардии. Чем ленд-лиз не шутил!

Всем известный пулемет максим. С ударением на первый слог

МЫ – МИРНЫЕ ЛЮДИ

Те, кто к военному делу относится с пиететом, после знакомства с боевой техникой и прогулки на тачанке могут пострелять. Из пейнтбольных пистолетов, ружей и даже автоматов. Тем же, кто по складу характера склонен к миролюбию, в музее тоже есть на что посмотреть.

В отдельном ангаре на полу и на специальных подвесах вплоть до потолка стоят легковушки производства «Форд». Правда, нет ли, но поговаривают, что музею повезло. В начале нынешнего века автомобильная столица Соединенных Штатов 5-миллионный Детройт стал испытывать настолько серьезные финансовые трудности, что в 2013 году был объявлен банкротом. Довелось бывать в этом городе в 90-е. Трудно поверить, что в центральных парках и скверах жителям после банкротства стали выделять сотки земли для выращивания овощей и фруктов. Среди прочих разорился и Музей Форда. А в музее села Ивановское об этом вовремя узнали и выкупили коллекцию раритетных авто в несколько десятков штук. Теперь эти чудеса автомобилестроения, многим из которых более ста лет, экспонируются в Подмоскowie!

В том числе и знаковая для корпорации «Форд» модель «Т», первые экземпляры которой были выпущены в 1908 году. Ради любопытства стоит привести технические характеристики этой модели, сделавшей революцию в автопромышленности и, более того, превратившей в реальность тезис Остапа Бендера о том, что «машина не роскошь, а средство передвижения». Длина 3,4 метра, объем двигателя 2,9 кубических сантиметра, мощность 22 лошадиные силы, масса 700 килограммов, максимальная скорость 72 километра в час. Еще одна коллекция была передана в Ивановское знатоком истории московского такси Виталием Ключевым. Было время, когда в таксопарках столицы трудились только «Волги». Сначала – 21-е, потом – 24-е. Эту тягу городских властей к унификации легко объяснить. Оптовые закупки всегда дешевле. Но куда важнее, что «Волги» были вместительны и безопасны. Это сейчас к вам по заказу может приехать все, что угодно, от четырехколесного «велосипеда» до элитного монстра. Оказывается, в то время, когда «Волг» в СССР не было и в помине, существовала точно такая же практи-

Коллекция
«фордов»
из Детройта

Коллекция
швейных
машинок
из Германии

ка. В коллекции Ключева представлены не только «Победы» бизнес-класса, но и сверхкомфортабельные ЗИСы и ЗИМы – машины, которых не чурались министры, академики, секретари всяческих обкомов и выше. Такси, равно как и другая мирная автотехника, старинные холодильники, пишущие и швейные машинки, телефонные аппараты, проигрыватели и прочие бытовые «мелочи» располагаются в двухэтажном

здании, в котором угадывается прежний жилой корпус пионерлагеря. «Победы» и «Волги», «москвичи» и ЗИСы ждут посетителей и на втором этаже. Всякий раз невольно задумываешься, как они там оказались. Ведь в оконный проем даже 3-метровый «запорожец» не засунешь. Но это так, к вопросу о креативности сотрудников музея. Где авто, там и мото. В комедии-фарсе постперестроечного образца «Ширли-мырли» глав-

С таким бампером и радиатором ничего не страшно. На Заводе имени Сталина знали, что делают

дениям, о многих из которых и слухом не слыхивал. Например, что такое ТИЗ АМ-600? Оказывается, с 1936 по 1941 год в Таганроге производили самый мощный советский байк. В музее представлен экземпляр, покрытый заводской краской. А что такое М-72? После подписания пакта Молотова – Риббентропа в 1939 году СССР и Германия начали было интенсивное экономическое сотрудничество. В частности, у завода BMW была выкуплена лицензия на производство мотоцикла с коляской R71. Производство наладили скоро, и вскоре техника стала поступать на вооружение Красной армии.

Надо думать, в Германии сильно пожалели о решении, связанном с продажей лицензии. Ведь именно М-72 стал основным боевым мотоциклом РККА в годы Великой Отечественной войны. В сущности, именно наличие в армии этой машины позволило создать мотоциклетные войска. Вид войск, которыми так кичился вермахт в начале войны.

Мотоцикл М-72 в боевой раскраске

ный преступник в исполнении Армена Джигарханяна доносит до зрителя собственное отношение к различным формам выплат: «Я этим чекам как-то не доверяю». Намекая тем самым на глубокую сим-

патию к наличным. Так вот, автор этих строк точно так же не доверяет мотоциклам, ибо пару раз с них падал на скорости. Но в Ивановском невольно проникаешься интересом к этим двухколесным произве-

ОГОНЬ И ВОДА

Коллекция пожарной техники в Ивановском уникальна. Правда, глядя на древние модели, например на «пожарную трубу» Густава Листа образца второй половины XIX века, мы с Александром Бурым переглянулись с некоторым недоумением. Костер на берегу озера после приготовленной ухи с помощью этого прибора, видимо, можно потушить. Но не более того. Хотя, кто знает, голь на выдумки хитра. Судя по техническим данным, струя насоса была на высоту до 15 метров. А пожарный расчет составлял восемь бойцов дореволюционного МЧС.

Пожары по нынешним временам – истинный бич. Впрочем, и раньше выгорали целые города. Смотришь на современную технику – диву даешься. Лестницы в десятки метров, гидранты, в которые человек влезет, аки в торпедный аппарат, специальные самолеты с тоннами воды на борту. А вот пожарных мотоциклов что-то не видать. Разве что в Военно-техническом музее. Имелось, оказывается, и такое.

Несколько лет назад сторел дом на соседском участке. Подчистую. За сорок минут. Пожарные расчеты прибыли, но подобраться к огню смогли не сразу. Точнее, подобрались тогда, когда тушить уже было нечего. Может быть, и пригодился бы тогда пожарный мотоцикл с коляской, производство которого наладили в 1976 году на Киевском мотоциклетном заводе. Для справки: последние комплектующие и оборудование с его территории были вывезены в феврале 2018 года. Завода больше нет. Жаль, хорошую вещь там когда-то делали.

В другой части музея находятся не менее редкие экспонаты. Коллекция транспортных средств – по-другому и не скажешь, – созданных конструктором Виталием Грачевым. Странно, что создателей самолетов у нас знают почти все. Какие фамилии: Ильюшин, Туполев, Яковлев, Сухой, Микоян, Гуревич! А вот по части автомоби-

Коллекция пожарной техники

лестроителей – сплошное белое пятно. Даже великий Иван Лихачев известен как блистательный администратор. Но конструктором он не был.

Грачев – один из самых ярких советских автомобильных конструкторов, создатель школы проектирования внедорожных и полноприводных автомобилей в нашей стране. В середине 90-х годов прошлого века на российских дорогах все чаще стали появляться громоздкие и грубоватые авто, получившие благодаря чьему-то слабоумию прозвище «джип». Еще во время

Отечественной войны в СССР по ленд-лизу поставляли из США внедорожники производства фирм «Форд» и «Виллис». У происхождения слова «джип» несколько толкований, но ни одно из них не имеет никакого отношения к торговой марке вплоть до 1950 года, когда компания «Виллис» была выкуплена у прежних хозяев и получила новый бренд – Kaiser Jeep.

Грачев на основе американских разработок сумел создать пригодный для серийного производства механизм, позволяющий производить полноприводные грузовые и легковые автомобили. Первый полноприводной автомобиль Грачева, легковой ГАЗ-61 (на базе «эмки»), показал чудеса проходимости. До массового производства дело не дошло, так как началась Великая Отечественная война. Некоторое количество опытных образцов успело повоевать в качестве артиллерийских тягачей и служебных автомобилей высшего генералитета. В частности, маршал Георгий Жуков ездил на внедорожнике отечественного

Стиральная машина недавнего прошлого

Коллекция специальной техники, назначение которой до сих пор секрет

производства, в отличие от, скажем, Константина Рокоссовского, пользовавшегося «виллисом». Под руководством Грачева созданы и более простые и дешевые внедорожники – ГАЗ-64 и знаменитый ГАЗ-67.

Начавшаяся космическая эра поставила новые задачи не только перед создателями орбитальных спутников, ракет и прочего небесного добра. Оказалось, что нужна техника, которая будет работать на земле. Грачев получил задание разработать специальные транспортные средства для поиска спускаемых аппаратов космических кораблей и спасения их экипажей. Между прочим, в комиссии, выдававшей Грачеву техническое задание, работал Юрий Гагарин. Сухой текст на портале Военно-технического музея перенасыщен аббревиатурами, которые подавляющему большинству людей не говорят ничего. Автомобиль-амфибия ПЭУ-1, средние шнекоходы ПН-67 и ПН-68, амфибия-гигант ПЭУ-2, большой шнекоход ЗИЛ-4904/ПЭУ-3, легкая грузо-пассажирская амфибия ЗИЛ-49042, мобильный

спасательный комплекс «Синяя птица», состоящий из двух амфибий – пассажирской ЗИЛ-49061, грузовой ЗИЛ-4906, малогабаритный шнекоход ЗИЛ-2906 с двумя двигателями от «жигулей». Многие из этих чудо-машин до недавнего времени эксплуатировались МЧС. Хотя, кто ведает, может быть, и до сих пор некоторые на ходу. Но вот часть из них находится в Ивановском. Кому как, а по мне, ежели проснешься среди этих махин звездной ночью, никаких Спилбергов не требуется.

ЩИ ДА КАША

Казалось бы, название «военно-технический» не предполагает ничего, что не связано с войной и техникой. Но в коллекции есть вещи иного порядка. Их приносят доброты, изыскивают в ходе экспедиций члены разнообразных поисковых отрядов, базирующихся при музее, находят на блошиных рынках и аукционах. Пострелять шариками с краской из автомата, промчатся меж берез и сосен в ландо, залезть на «тридцатчетверку» – оно, конечно,

здорово. Но и узнать, что такое рубель, макогон, рогач, сковородник и уж тем более парь эрзянский, никому не помешает. Может, в практической жизни и не пригодится, а все ж таки – эрудиция. Так на слух вряд ли запомнится. Но если столкнулся лоб в лоб с эрзянским парем – навек не забудешь. Даром что обычная кадушка для хранения вещей и вещей.

Аппетит в Ивановском нагуливаешь быстро. Ведь значительная часть местных богатств – на природе. Рядом дышит влагой пруд, в котором полно карасей. А они, говорят, любят воду чистую и запахи свежие. Опять-таки, Черноголовка рядом. Если уж не пить без остановки, то поесть чего-нибудь внушительного хочется. Как-то еще один мой добрый приятель, Алексей Грицина, человек в музее далеко не чужой, обронил после очередной прогулки промеж танков и вездеходов:

– Жил бы поближе, приезжал бы сюда завтракать. Уж больно вкусную тут гречневую кашу готовят. ☺

В ПОИСКАХ РУССКОГО СТИЛЯ

Майоликовый камин
Михаила Врубеля
«Встреча Вольги
Святославовича
с Миколой Селяни-
новичем». Абрам-
цевская гончарная
мастерская. 1899 год

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В ЦЕНТРАЛЬНЫХ ЗАЛАХ ГЛАВНОГО ДОМА УСАДЬБЫ ОСТЕРМАНОВ ВСЕРОССИЙСКИЙ МУЗЕЙ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО И НАРОДНОГО ИСКУССТВА ОТКРЫЛ НОВУЮ ПОСТОЯННУЮ ЭКСПОЗИЦИЮ: «РУССКИЙ СТИЛЬ: ОТ ИСТОРИЗМА К МОДЕРНУ». ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ЗРИТЕЛЯ ИЗ ЗАЛА В ЗАЛ СРОДНИ ПУТЕШЕСТВИЮ ВО ВРЕМЕНИ ПО ОСНОВНЫМ ВЕХАМ ЗАРОЖДЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОГО СТИЛЯ: СНАЧАЛА ПРИМЕРНО НА ТРИСТА ЛЕТ НАЗАД – К ПЕРВОИСТОКАМ И НАРОДНОМУ ИСКУССТВУ, ЗАТЕМ НА ПОЛТОРА СТОЛЕТИЯ – В ЭПОХУ ИСТОРИЗМА. И, НАКОНЕЦ, В ЭПОХУ РУБЕЖА ВЕКОВ – ВО ВРЕМЕНА ГОСПОДСТВА НЕОРУССКОГО СТИЛЯ, ЗНАЧИМОЙ ГРАНИ МОДЕРНА.

послание или пожелание. Каждый элемент и завиток рисунка имел определенное значение и располагался особым образом. Гуси, лебеди и утки считались душами ушедших родственников, летающими поблизости от живых людей и приходящими на помощь в трудный момент. Солярный знак выступал символом мира небесного. Мастера использовали в декоре и многочисленные знаки плодородия – вспаханные поля, корни, цветы, плоды и семена.

Эти же символы повторялись и в вышивке, и при окрашивании тканей методом набойки – одного из древних видов народного декоративно-прикладного искусства. Для нее изготавливали специальные набойные доски с узором: деревянные резные (манеры) или наборные, в которых узор набирается из медных пластин, гвоздиков или проволоки. Набойным промыслом занимались деревенские красильщики, а набойными досками с самыми разными простыми и причудливыми узорами торговали на всех крупных ярмарках. Там же мастера выкладывали и многометровый холст с отпечатками всех имевшихся досок – узорник, или манерник. По нему принимали заказы на изготовление набойки с нужным орнаментом.

В создании узоров проявлялось особое искусство мастера – не только профессиональное мастерство и следование традиции, но и его понятия о прекрасном. Поэтому прятки, доски, узорные ткани и вышитые изделия постепенно из утилитарных превратились в самостоятельные произведения искусства, которые сегодня выставляются в музеях. В экспозиции можно увидеть немало подобных предметов, к которым художники XIX века, стремящиеся к самобытности в декоративно-прикладном искусстве, обращались как неиссякаемому источнику идей, мотивов и образов.

ПОИСКИ РУССКОГО стиля можно начать в первом зале экспозиции, посвященном народному искусству. Большой частью он наполнен экспонатами из собрания Кустарного музея, который – со времени его организации в 1885 году – обладал самой крупной в России коллекцией. Здесь есть набойные и пряничные доски, расписные прятки, праздничные женские костюмы, вышитые полотенца, кружевные изделия, отрезки тканей и домашняя утварь – изделия по сути утилитарные, полезные в работе и быту. Однако талантливые мастера из народа старались придать им красивую форму, украсить орнаментом, превращая обычные вещи в произведения искусства, наделенные «красотой пользы и пользой красоты».

К примеру, в старину народную одежду изготавливали из домотканых материй, поэтому прядением и ткачеством женщины занимались с раннего детства и до старости. Так что прялка была важным элементом домашнего обихода – за ней мастерица проводи-

ла много времени. А значит, внешний вид предмета должен был радовать глаз. Поэтому и обычные, и подарочные прялки декорировали резьбой и росписью. В узор художники вкладывали целый рассказ, а для близких оставляли

Первый зал экспозиции – «Народное искусство». Предметы из собрания Кустарного музея

Пряничная доска. Дерево, резьба. XIX век

Блюдо
и тарелки
из сервиза
великого князя
Константина
Николаевича
по эскизам
художника
Федора
Солнцева

ИСКУССТВО «НА САМОРОДНОМ КОРНЕ РАСЦВЕТАЮЩЕЕ»

Второй раздел выставки связан с искусством эпохи историзма, когда в поисках русского стиля как раз и происходит широкое обращение художников к народной культуре.

Начальный этап, совпавший с правлением Николая I, неразрывно связан с национальной идеей, выраженной знаменитой триадой министра народного просвещения Сергея Уварова – «православие, самодержавие, народность», и носит название «русско-византийский». Это время интереса к древнерусскому культурному наследию. В экспозиции можно увидеть созданные в этом ключе блюдо и тарелки из сервиза великого князя Константина Николаевича по эскизам знаменитого художника Федора

Набор для напитков
с орнаментом в русско-
византийском стиле
Императорского
стекольного завода
по эскизам Ипполита
Монигетти

Солнцева (см.: «Русский мир.ru» №10 за 2016 год, статья «Солнечный мастер». – Прим. ред.). А еще братину и ковш в «псевдорусском стиле» с зооморфными мотивами и надписью «Чару пить здраву быть» по эскизам художницы Елизаветы Бём или набор для напитков с орнаментом в русско-византийском стиле Императорского стекольного завода по эскизам Ипполита Монигетти.

По словам куратора выставки, ведущего научного сотрудника Третьяковской галереи Элеоноры Пастон, в середине и второй половине XIX века поиски национальной самобытности «заклучались прежде всего в необходимости создать искусство, «на самородном корне расцветающее». При этом изделия «крестьянской самодельщины» – так в середине

Кабинетные часы в русско-византийском стиле. Фабрика А.Е. Соколова. 1870–1880-е годы

Серебряная солонка в форме деревянной солоницы. 1880-е годы

стаканник с надписью «Гостю дорогому. Пить на здоровье» и серебряная солонка в форме деревянной солоницы с декором в виде крестьянской вышивки. Причем о практическом назначении предмета с первого взгляда сложно догадаться.

Эпоха историзма в искусстве не закончилась с окончанием XIX века. Одним из ярких примеров этого можно считать большой костюмированный бал 1903 года – знаменитый маскарад, на котором императорская семья и представители знати присутствовали в роскошных и искусно выполненных костюмах времен царя Алексея Михайловича. Поиски русского стиля для создания образов участников бала привели художников к тщательному изучению исторических источников: от гравюр до подлинных предметов XVII века. По признаниям современников, бал стал не просто «великолепным зрелищем, но цельным произведением искусства». Фотографии участников маскарада в старинных одеждах представлены в экспозиции на мультимедийном экране.

XIX века называли предметы народного искусства – использовались как собрания «образцов» для заимствования». Интерес художников к народному творчеству выражался в перенесении орнаментов, например крестьянской вышивки, на изделия из стекла, фарфора, мебель или в подражании форме народных изделий. В экспозиции есть и совсем неожиданные примеры: кресло по проекту Василия Шутова «Тише едешь – дальше будешь», спинка которого сделана в форме конской дуги, подлокотники – в виде топоров, а крестьянские рукавицы как бы брошены на

сиденье. В свое время кресло имело огромный успех и было отмечено бронзовой медалью на Всероссийской мануфактурной выставке 1870 года, а мастер из-за большого количества заказов даже получил привилегию на его изготовление от Департамента торговли и мануфактуры сроком на десять лет. Привлекает внимание витрина с прикладными изделиями ювелирных фирм, в которых восхищает изящество замысла и мастерство исполнения. Особенно выделяются работы одного из крупнейших ювелирных предприятий Москвы – фирмы Павла Овчинникова. Это под-

АБРАМЦЕВСКИЙ КРУЖОК

Дальнейшее развитие русский стиль получил как национальный вариант общеевропейского стиля модерн. А начиналось все в уникальной творческой лаборатории – Абрамцевском художественном кружке, организованном предпринимателем и меценатом, «творцом художественной среды», купцом Саввой Мамонтовым. Строго говоря, кружок не был организацией с четко прописанными правилами и уставом. Скорее, это было сообщество близких по духу и творческим замыслам людей, которые вдохновенно трудились на «самой лучшей на свете даче», в Абрамцеве. Именно здесь будут созданы выдающиеся произведения русского искусства: «Аленушка» и «Богатыри» Виктора Васнецова, «Девочка с персиками» Валентина Серова, «Видение отроку Варфоломею» Михаила Нестерова, лиричные пейзажи Василия Поленова и Исаака Левитана. Поставив перед собой цель «подхватить еще живущее народное творчество», участники кружка устраивали экспедиции в

Изделия
Абрамцевской
столярной
мастерской.
Конец XIX –
начало XX века

окрестные деревни и села Ярославской, Владимирской, Ростовской губерний для изучения памятников старины и собирания подлинных образцов, которые затем составили коллекцию «домашнего» музея. Для возрождения народных промыслов в Абрамцеве были организованы столярно-резчицкая, вышивальная и гончарная мастер-

ские, в которых знаменитые художники увлеченно работали наравне с крестьянами и их детьми. В разделе экспозиции, посвященном деятельности Абрамцевского кружка, представлены предметы мебели и домашней утвари (деревянные сундуки, шкафчики, стулья), созданные по эскизам Елены Поленовой, руководившей сто-

Скульптуры
Михаила
Врубеля
из серии
«Египтянка»
[«Тайна»].
Абрамцевская
гончарная
мастерская.
Начало 1900-х
годов

лярной мастерской, и Виктора Васнецова.

Соединение современности с традицией в изделиях абрамцевских мастерских пришлось по вкусу самым разным слоям общества, очень быстро они вошли в моду. В одном из писем Елена Поленова писала: «Наши вещи... идут хорошо, я полагаю исключительно благодаря новизне, оригинальности и стильности модели». А историк искусств Алексей Греч так описывал абрамцевскую продукцию: «Все эти резные и точеные, висячие и стоячие шкапчики, резные и расписные столы и стулья, разрисованные балалайки, шкатулки, вышивки, безделушки, производящие фурор на заграничных выставках и в обеих столицах...»

Не меньшей популярностью пользовались изделия гончарной мастерской, которой руководил Михаил Врубель. Его работы, созданные в Абрамцеве и представленные на выставке («Девушка в венке», керамическая сюита «Снегурочка», «Египтянка», «Берендей», изразцы и вазы, камин), воплощают идею «возрождения майолики со всей присущей ей красотой русской экзотики». Обращаясь к традициям народного искусства в поисках новых стиливых решений, участники Абрамцевского кружка создали оригинальные произведения в русском стиле, завоевавшие немало наград на всероссийских и международных выставках. Путешествуя дальше по экспозиции, попадаешь в затемненную нишу и неожиданно становишься зрителем театрального действия. Под музыку Римского-Корсакова на экране оживают эскизы декораций к домашним спектаклям Абрамцевского кружка и Русской частной оперы Саввы Мамонтова. «Снегурочка», «Садко», «Сказка о царе Салтане» – знакомый с детства сказочный мир пленяет зрелищностью, созданной «певцами русского стиля» эпохи модерн: Васнецовым, Коровиным, Головиным. Выдающиеся художники сами писали декорации, афиши

Скульптура
Михаила
Врубеля «Царь
Берендей». Абрамцевская
гончарная
мастерская.
Конец 1890-х –
начало 1900-х
годов

Шкафчик
«Охота
на оленей». Художественно-
столярная
мастерская
Московского
губернского
земства.
1910-е годы

и сценарии, создавали костюмы и нередко выступали в качестве актеров любительских спектаклей кружка. В них, кстати, также участвовали Константин Станиславский и Федор Шаляпин. Своим творчеством художники открыли новый путь в оформлении спектаклей на «русскую тему», обнаружив новые грани в понимании русского стиля.

ОТ МАЛА ДО ВЕЛИКА

Впечатляющим экспонатом выставки, отражающим поиски русского стиля в героическом эпосе и фольклоре, является созданный по заказу Саввы Мамонтова камин Михаила Врубеля «Встреча Волги Святославовича с Микулой Селяниновичем». Согласно былинам, Микула Селянинович – легендарный пахарь-богатырь, одной рукой поднимавший сумку со «всей тягостью земной», – олицетворяет спокойную крестьянскую силу, подпитываемую родной землей. Волга Святославович – самый древний и неоднозначный персонаж русского фольклора – увидел в Микуле могучего богатыря и позвал в свою дружину. Сюжет из былинного эпоса занимал Врубеля задолго до создания ставшего знаменитым камина. Предыстория замысла его росписи интересна и противоречива. «Еще в Киеве, во время работ во Владимирском соборе, Михаил Александрович сочинил акварельный эскиз своего «Богатыря», – вспоминал сын архитектора Прахова Николай Прахов. Позднее, написанное специально для самой крупной дореволюционной Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде, панно

«Микула Селянинович» вместе с «Принцессой Грезой» подверглись резкой критике куратора художественного отдела Альберта Бенуа, написавшего, что «панно Врубеля чудовищны» и их необходимо убрать. На помощь пришел безоговорочно веривший в талант художника Савва Мамонтов. Он выкупил оба панно, выстроил для них на выставке отдельный павильон, где они демонстрировались под вывеской «Выставка декоративных панно художника М.А. Врубеля, забракованных жюри Императорской Академии художеств». Шумиха в прессе была немалая.

В дальнейшем панно «Микула Селянинович» послужило основой для росписи камина, который в 1900 году вместе с майоликовыми скульптурами художника был удостоен золотой медали на Всемирной выставке в Париже. «Золотой медалист» был продан сразу по

Богородская скульптурная композиция «Катание в санях». Мастер А.Я. Чушкин. Конец XIX – начало XX века

окончании выставки и находится в Лионе, а в музее представлен один из экземпляров с подлинной подписью Михаила Врубеля на одном из изразцов. Этот камин в 1910 году попал в собрание мецената Сергея

Тимофеевича Морозова и был сохранен для потомков благодаря усилиям музейных работников и реставраторов.

Изюминкой выставки стал не только большой роскошный камин Михаила Врубеля,

Сергей Тимофеевич Морозов (справа) в интерьере магазина кустарных изделий. 1925 год

ской девушки в традиционном сарафане с петухом в руках. Дебют новой игрушки перед широкой публикой состоялся в 1900 году на Всемирной выставке в Париже. Ее ожидало всеобщее внимание и успех, а еще – бронзовая медаль. Очень скоро матрешка стала едва ли не главным национальным символом России. В дальнейшем деревянные разъемные куклы воплощали узнаваемые крестьянские образы, а также изображали представителей разных сословий и профессий. Однако матрешки не единственные игрушки в экспозиции. Расписные дымковские игрушки из глины радуют глаз яркостью и нарядностью образов. А резные из дерева богородские, напротив, чаще всего не окрашенные, чтобы развивать воображение детей. Скульптурная богородская композиция «Катание в санях» представляет довольно живую картинку зимних забав. Притягивает взгляд и необычный, немного шокирующий «Казак, глотающий турок». Это так называемая игрушка с движением, сделанная в Сергиевом Посаде в начале XX века. Сюжет посвящен Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, в которой кубанское и донское казачество самоотверженно сражалось за веру и Отечество.

но и совсем малые по размеру матрешки. Это одни из первых созданных и дошедших до наших дней деревянных игрушек. Организаторы выставки мечтали о подобных экспонатах, и их мечтам суждено было сбыться практически перед самым открытием экспозиции. Нам кажется, что матрешка существовала с древних времен и неразрывно связана с народ-

ной культурой и творчеством. Однако она намного моложе, и у нее есть конкретные создатели – яркий представитель неорусского направления в искусстве художник Сергей Малютин и токарь-умелец Василий Звездочкин. Самая первая матрешка появилась в конце XIX века в мастерской «Детское воспитание» и была сделана в виде милой улыбающейся крестьян-

Игрушка с движением
«Казак, глотающий турок».
Сергиев Посад.
Начало XX века

Одна из первых сохранившихся матрешек по эскизу Сергея Малютина.
Конец XIX – начало XX века

Изделия Талашкинских
художественных мастерских.
1900-е годы

ТАЛАШКИНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

В 1893 году княгиня Мария Клавдиевна Тенишева (см.: «Русский мир.ru» №1 за 2012 год, статья «Жар-птица русского Возрождения». – **Прим. ред.**), вдохновленная успехами художественного кружка в Абрамцеве, приобретает имение Талашкино, где создает совершенно особую творческую атмосферу, привлекавшую сюда людей талантливых, одаренных, ищущих. Среди них Николай Рерих, Сергей Малютин, Александр Бенуа, Константин Коровин, Михаил Врубель, Игорь Стравинский и многие другие.

«Мне давно хотелось осуществить в Талашкине еще один замысел, – писала княгиня Тенишева. – Русский стиль, как его до сих пор трактовали, был совершенно забыт. Все смотрели на него, как на что-то устарелое, мертвое, неспособное

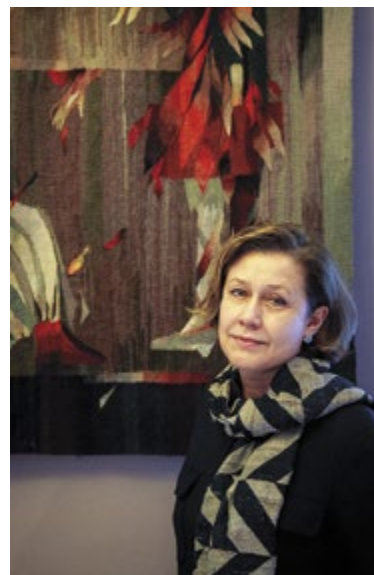
возродиться и занять место в современном искусстве... мне хотелось попытаться свои силы в этом направлении, призвать к себе в помощь художника с большой фантазией, работающего над этим старинным, русским сказочным прошлым».

возродиться и занять место в современном искусстве... мне хотелось попытаться свои силы в этом направлении, призвать к себе в помощь художника с большой фантазией, работающего над этим старинным, русским сказочным прошлым».

Этим художником стал Сергей Малютин, который возглавил созданные в Талашкине художественные мастерские. По эскизам Малютина здесь было выполнено большое количество предметов быта, мебели, декора. Позднее дело продолжит молодой художник Алексей Зиновьев.

Основным видом художественных работ мастерских была резьба по дереву. Но, в отличие от абрамцевских, в изделиях талашкинских мастеров прослеживается более творческое отношение к старине, свобода интерпретации. Их работы уже целиком лежат в русле стиля модерн. В экспозиции можно увидеть рамки для фотографий с говорящими названиями «Всадник», «Богатыри», «Город», предметы мебели и домашней утвари, например ковш-ендову, созданный по рисунку Марии Тенишевой.

Директор музея
Елена Викторовна Титова

КУСТАРНЫЙ МУЗЕЙ

Завершающий раздел экспозиции связан с деятельностью Кустарного музея, ставшего в начале XX века, по выражению куратора экспозиции Элеоноры Пастон, «крупнейшим художественным центром, соединявшим в себе разнообразные направления деятельности – собирательской и хранительской, популяризаторской, творческо-художественной, образовательной и коммерческой, не имеющим аналогов в мировой музейной практике». Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства в ходе исторических перипетий стал его правопреемником. А начиналось все в 1882 году, когда страстный любитель старины, прекрасный знаток искусства, предприниматель и благотворитель Сергей Морозов приобрел всю коллекцию изделий народных промыслов, представленную на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве. Через три года открылся Торгово-промышленный музей кустарных изделий Московского губернского земства, состоявший из бюро по содействию промыслам, торгового отделения и «Музея образцов», своего рода творческо-экспериментальной лаборатории.

Возглавивший его Морозов привлекал к сотрудничеству интересных и ярких художников – братьев Васнецовых, Головина, Поленова, по эскизам которых мастера создавали высокохудожественные образцы кустарных изделий. В дальнейшем эти работы становились победителями крупнейших российских и международных выставок. В итоге Кустарный музей стал важнейшим центром, сохранявшим национальные традиции и продвигавшим на отечественном и мировом художественных рынках моду на русский стиль. Отвечая на вопрос: «Есть ли русский стиль сейчас и в чем он выражен?» – директор музея Елена

Экспозиция
«Карта развития
неорусского
стиля как грани
модерна»

Здание музея –
усадьба
«Дом Остермана».
Конец XVIII века

Викторовна Титова заметила: «Пока понятие «русский стиль» не является каким-то культуро-образующим явлением, но направление в работах художников и в общих трендах, конечно, есть. И это не просто мода или вынужденная обстоятельствами история про то, что все в едином порыве вдруг начали изучать все русское и, соответственно, модное, да к тому же то, что поддерживается... Просто настал момент, когда всем наконец стало ясно, что именно традиционное искусство может являться источником идей для новых стилей. Я не возьму на себя смелость утверждать, что сегодня уже сформировался новый русский стиль. Но этого стало так много, что нужно опять присматриваться, отбирать лучшее, определять направления, чем, собственно, и призван заниматься наш музей».

Экспозиция «Русский стиль: от историзма к модерну» продлится до 2022 года, поэтому еще есть время увидеть рукотворные произведения художников рубежа прошлого и позапрошлого веков, а также попытаться понять, что такое «русский стиль», какой след он оставил в искусстве конца XIX – начала XX века и каким он будет в ближайшем будущем.

УЗКАЯ КОЛЕЯ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ГУДОК. ПОЕЗД РЕЗКО ДЕРНУЛСЯ И СТАЛ НАБИРАТЬ ХОД. ПОД НОГАМИ ЛЯЗГАЛО И СТУЧАЛО. ВАГОН КРЕНИЛСЯ ТО В ОДНУ, ТО В ДРУГУЮ СТОРОНУ. КОГДА ПЕРЕД ПОСАДКОЙ В ПОЕЗД Я С СОМНЕНИЕМ РАССМАТРИВАЛ РЕЛЬСЫ КАРИНСКОЙ УЗКОКОЛЕЙКИ, НА СПОКОЙНУЮ ЕЗДУ, ЕСТЕСТВЕННО, НЕ РАССЧИТЫВАЛ. НО ЧТОБ ТАК ТРЯСЛО!

«Э ТО ПОЕЗД ЕЩЕ ровно идет. Год назад хуже было! – сочувственно глядя на меня, успокоил один из пассажиров, Анатолий. – Сейчас можно хотя бы отдохнуть!» Пытаясь удержаться на сиденье, я попытался представить, как было «год назад», и внутренне содрогнулся.

Вокруг – корзины, ведра, сумки, рюкзаки, мешки, коробки, ящики, какие-то рулоны линолеума... При взгляде на весь этот скарб вопрос о том, почему местные предпочитают ехать не автобусом, а старым поездом, отпал сам собой.

Одна из пассажирок, заметив, как я с удивлением рассматриваю горы багажа, объяснила: «Если не будет дороги, то мы бросим свой сад!» «Я тоже брошу, – подхватил Анатолий, – разве упрешь на автобусе все это?» «Двадцать лет ездим! Все выходные. Ну и что, что трясет? Зато сорок минут – и мы в Карин-

торфе. Лучше транспорта туда, чем узкоколейка, нет и не будет. Спросите у кого угодно! – продолжала убеждать меня женщина. – Это сейчас два вагончика идут. А весной и осенью их пять или шесть прицепают!»

«Я помню время, когда двенадцать вагонов шло по узкоколейке. Все забито было, яблоку негде упасть!» – подключилась к разговору бабушка с большим мешком. «До семнадцати подцепляли, и все равно на крыше ехали, – вторил ей Анатолий. – И курить можно было. В первом и последнем вагоне. А сейчас в тамбуре запрещают дымить!»

Я вспомнил тамбур размером со спичечный коробок и удивленно покачал головой. Да тут и вагоны крошечные. Тесно. Стены в «заплатах», зато недавно покрашены. Доски в деревянных лавках разные, потому что износившиеся заменены новыми. «Это Касаткин порядок навел, – говорят пассажиры, – а до него сарай настоящий был!»

ЧЕРНИКА И НАХАЛЬНЫЕ БОБРЫ

Поселок Каринторф отделен от города Кирово-Чепецка полями, лесами и рекой Чепшой. В половодье и после затяжных дождей Каринторф связывает с остальным миром только Каринская узкоколейная железная дорога. Раньше она была частью местной единой сети узкоколейных дорог протяженностью более 100 километров. Первый участок этой сети был построен еще в 1942 году. По ней долгое время перевозили торф и пассажиров. В вагончик я заскочил в Кирово-Чепецке, на разъезде «Новый». «А раньше был переезд через улицу Ленина. Путь шел на ТЭЦ-3, куда из Каринторфа почти семьдесят лет доставлялся торф. Но от разработок торфа отказались, а пассажирская узкоколейка в Каринторф пока работает», – рассказывала глав-

ный хранитель Музейно-выставочного центра Кирово-Чепецка Елена Загайнова. Она-то проводила и посадила меня в вагон узкоколейки, которой и сама часто пользуется: ездит в гости к своей добровольной помощнице, краеведу и учительнице местной школы Татьяне Гайсиной. И постоянно привозит из Каринторфа какой-нибудь новый экспонат для военной экспозиции центра. То женское пальто, которое было прежде шинелью немецкого офицера из числа военнопленных, которые после войны трудились на торфяных разработках. То старые толстые книги переводчиков торфопредприятия, заполненные каллиграфическим почерком. «На подножке не сидите. Кусты глаза выцарапают. Поезд среди зарослей идет, – предупреждает Елена на прощание. – Сойдете в Каринтор-

фе – не удивляйтесь, окунетесь в 40–50-е годы прошлого века». ...Первые 3 километра маленькие вагончики грохотали по окраинам городской застройки. Две остановки. Первая, «Вернисаж», названа в честь близлежащего магазина. Вторая именуется «Боево» – из-за стоявшей здесь раньше деревеньки, на месте которой вырос городской квартал. После «Боева» пассажиров прибавляется. Ближние к тамбуру лавки заполняют грибники, которые высаживаются на промежуточных станциях. Садоводы-дачники, едушие в Каринторф проведать свои яблони и груши, рассаживаются в середине вагона.

Когда поезд въезжает на железнодорожный мост через реку Чепцу, вагончик подпрыгивает и снова начинает раскачиваться из стороны в сторону. «Только бы не свалился!» – проносится у

Правнуки первых строителей Каринской узкоколейки на своих современных велосипедах соревнуются в скорости со стареньким поездом

меня в голове. Но мост быстро заканчивается, и в вагоне темнеет: поезд въехал в густой лес. Ветки, шурша, царапают стенки вагона. Если выглянуть в окно, то можно увидеть, что к самой колее подходит черная стоячая вода, из которой поднимаются сосны. А вот и болота, заросшие мхом и травами с длинными острыми листьями. Пока я разглядываю необычный пейзаж, пассажиры горячо обсуждают самый актуальный вопрос: каковы виды на урожай в этой трясине? Большинство считает, что из-за нынешней жары прогноз неутешительный...

«Зато в наших лесах земляника растет, черника, клюква, брусника, малина. А грибы? Вот когда грибы пойдут, то корзины тут так проход забьют, что не продерешься! Можно много набрать, если не лениться. Там, где вырубка, сейчас и лисички, и черника. Правда, в этом году она мелкая – от жары», – объясняет мне пассажирка, представившаяся Ларисой Николаевной. И вдруг, перекрывая лягз и грохот, кричит: «Посмотрите налево! Налево! Хатка бобров! Если ехать ранним поездом, то можно увидеть, как бобры сидят и рассматривают вагоны».

Жительницы поселка тревожно посматривают в сторону железной дороги: цела ли?

К обсуждению нахальных бобров присоединяется весь вагон. У каждого из пассажиров – а все они жители Каринторфа или прилегающих к нему селений – есть своя история о том, как бобры построили плотину и вода затопила их огород или сад. После того как несколько лет назад здесь прекратились торфоразработки, канавы, отводившие болотную воду с торфяных полей, забросили. Их тут же оккупировали бобры, которых развелось видимо-невидимо. Люди сносят плотины бобров, но грызуны с завидным упорством отстраивают их заново. По каким-то причинам больше всего бобрам нравится устраивать свои хатки рядом с остановкой «Пойма». Только что на ней в вагон ввалились новые пассажиры – рабочие в кирзовых сапогах и спецовках, пропахших маслом и мазутом. Они шпалы меняют.

«Недавно бобры осину свалили прямо на рельсы! – вклиниваются в разговор рабочие. – Мы пилой не можем свалить, а они – зубами! Хорошо, машинист увидел. В кабине у него на этот случай есть и топор, и бензопила. Вместе с помощником распилил дерево и оттащил в сторону куски».

Едем дальше. Лариса Николаевна рассказывает, что уехала из этих мест жить и работать в Ленинград, а вернулась сюда уже из Санкт-Петербурга. За Каринторфом есть поселочек Землянки, где она и живет. Раньше туда тоже ходил поезд, но потом узкоколейку в Землянки ликвидировали, так что ей приходится 2 километра пылить пешком вдоль заброшенной насыпи. «Боишься, как бы и эту дорогу не разобрали. Обещают вместо понтонного моста через Чепцу капитальный построить. И тогда конец узкоколейке!» – сокрушается она. «Василий Афанасьевич не позволит! – вдруг заявляет молчавшая до того пассажирка. Выясняется, что Вера Алексеевна Нагаева двадцать лет отработала на этой узкоколейке. – На него, на Касаткина, надежда!»

Этот архитектурный стиль, в котором застроены все улицы, переносит в атмосферу 1940-х годов

«НА ТОРФУ»

Сегодня трудно представить, что каких-то лет пятнадцать назад в Каринторфе на заросшей травой площадке под сонами стоял двухэтажный деревянный вокзал с балкончиком, залом ожидания, буфетом, помещением для смены машинистов и монтеров пути, комнаткой диспетчеров и кабинетом начальника вокзала. Несколько узкоколейных путей было заставлено грузовыми вагонами с торфом. А мимо вокзала шмыгал маленький маневровый тепловоз. Теперь остались лишь сосны, сухая хвоя которых засыпает последние рельсы узкоколейки и старенькие вагоны.

Мои соседи по вагону потихоньку разбредаются, кого-то забирают родственники на стареньких мотоциклах или мотороллерах. Поезд дальше не идет. Остановка «Техническая» – конечная. Следующий рейс обратно пойдет вечером. Ощущение полного захолустья...

А прежде поезд стоял на станции «Техническая» в Каринторфе час. Потом отправлялся дальше – в лес, развозя людей по станциям с поэтическими названиями «Белая Холуница», «Добыча», «Шестаково», «Маланино», «Прокопий», «Речной»... Иногда поезда не соблюдали расписание: вперед пропускались составы с торфом. Они шли с Прокопьевского, Бурмакинского и Васкинского торфопредприятий. Самой дальней станцией считалась «Октябрьская» – за полсотни километров от Каринторфа. Но пути туда разобрали. И от узкоколейки осталась узкая просека, ведущая в темный лес: светлая лесенка на земляной насыпи – след от снятых шпал, семафоры и пара-другая заросших травой стрелок...

«Мой муж, когда ездил снимать шпалы на разъезд «Белая Холуница», сокрушался: какие крепкие – плясать можно!» – рассказывает встретившая меня учительница истории каринторфской школы Татьяна

В бригаде монтеров пути, которые меняют шпалы узкоколейки, трудятся и женщины

Въезд на мост через Чепцу под контролем охранника

Гайсина. У нее «на торфу» работали отец и мать. А ее супруг Мансур ушел на пенсию с должности помощника машиниста тепловоза Каринской узкоколейной железной дороги. Это он в феврале 2012 года со своим товарищем Валерием Шикаловым вывез с Каринторфа последний состав торфа. Перед этим историческим событием, означавшим закат узкоколейки и ее демонтаж, прошел большой митинг. Прощались с торфяной эпохой со

слезами. А нынешней осенью по инициативе Татьяны в поселке собираются открыть памятник труженикам тыла Каринторфа. Уже выбран и куплен для установки на постаменте старый тепловоз ТУ-7. Лобовым прожектором тепловоз обратят в сторону Кирово-Чепецка. Рядом вроят уцелевший семафор и железнодорожную стрелку. Сейчас решают, в какой цвет выкрасить тепловоз. Татьяна предлагает золотой. Старший мастер же-

Перевод стрелки на Каринской узкоколейке осуществляется вручную

лезнодорожного участка, а по сути начальник Каринской узкоколейки, Василий Афанасьевич Касаткин настаивает на серебряном. Он тоже вышел встретить наш поезд и теперь придиричиво разглядывает отбегавший свое тепловоз. Услышав слова Татьяны про шпалы, хмурится. «Раньше шпалу, – говорит он, делая ударение на последнем слоге, – мы сами сланцевым маслом пропитывали. Имелась своя шпалорезка. А теперь кладем сырые бруссы. От жары они рассыхаются и выпрыгивают из решетки». 70-летний Василий Афанасьевич работает на узкоколейке 47 лет. Видел ее расцвет в конце 1960-х, когда внедрялось все передовое, что было в МПС, – автосцепка, автоблокировка, радиосвязь. Он застал на узкоколейке еще два действующих паровозика! Один отправили в

Закарпатье, другой использовали для подачи пара в депо, за что он и получил прозвище «бочка с дымом». Эх, как эту «бочку с дымом» старожилы Каринторфа умоляли оставить на памятник! Но руководство дороги ради выполнения плана по сдаче металлолома сдало антикварный паровозик в утиль. «Вот бы из паровоза вышел памятник труженикам тыла!» – вздыхает Василий Афанасьевич.

Кусковой торф в вагоны носили корзинами. Снимок 1943 года из экспозиции Музейно-выставочного центра города Кирово-Чепецка

ЖЕНСКИЕ РУКИ

...В Музейно-выставочном центре Кирово-Чепецка Елена Загайнова показала карту СССР, выпущенную еще в 1930-е годы. Из-за потертостей и стибов не разобрать названий городов. Зато линии, начерченные красным карандашом, до сих пор хорошо видны. Ими инженер-строитель конторы управления «Каринстроя» Петр Сухареv отмечал линии фронтов в 1941 году. Сберегла и передала карту Татьяне Гайсиной дочь инженера-строителя, жительница Каринторфа Людмила Петровна Малых. «Наносились стрелки при свете керосинового фонаря, – рассказывала Елена Загайнова. – Электричества в Каринторфе не было вообще». Шедшее здесь кое-как строительство Каринского торфопредприятия форсировали сразу после начала войны – оно

должно было стать основной топливной базой строящейся Кирово-Чепецкой ТЭЦ-3. Иначе оборонные заводы, эвакуированные в Киров, не смогли бы нормально работать. По решению Государственного Комитета Обороны ток от первой очереди электростанции ожидался в ноябре 1942 года. Узкоколейка стала спасением, ведь ни дорог, ни подъездных путей от поселка Каринторф до ТЭЦ-3 не было. Одновременно возводили 300-метровый мост через реку Чепцу. Из эвакуированных из Брянской области торфопредприятий в сентябре 1941 года сюда прибыли паровоз, мотовоз, железнодорожные платформы и 7 тысяч тонн узкоколейных рельсов. Зимой 1942 года на реке Чепце ручными копрами со льда забивали сваи. На дно реки опускали ряжевые опоры, груженные кам-

От забот об узкоколейке Василий Афанасьевич Касаткин уже давно стал седым

Только на пульте в диспетчерской можно увидеть схему бывшей когда-то огромной железнодорожной сети, по которой вывозился с месторождений торф

нем. Весной и летом собирали пролетные строения моста. Для выравнивания трассы узкоколейки, которая проходила по пересеченной местности, создавали большие насыпи и выемки. Рельсы доставляли по реке и несли в места укладки на плечах. Устройство балластной при-

змы, укладка рельсов тоже шли вручную. Держался этот колоссальный трудовой фронт исключительно на женских руках. В поселке Каринторф труженица тыла Екатерина Петровна Ощепкова рассказывала мне, как 17-летней девушкой приехала в Каринторф осенью

Машинист локомотива Александр Шикалов продолжает семейную традицию. Его отец тоже всю жизнь водил тепловозы по этой узкой колее

1941 года добывать торф из болота. Молодые женщины работали по пояс, а иногда и по шею в воде. Торф носили к вагонам в корзинах. Но еще тяжелее приходилось женским бригадам путейцев. Они таскали на своих плечах рельсы и шпалы. В декабре 1942 года всем «торфушкам», вспоминает Екатерина Петровна, торжественно объявили о первом пробном поезде с кусковым торфом в восьми вагонах с Каринского торфопредприятия.

«Мне старики из депо признавались, – поделился Василий Афанасьевич Касаткин, – что первый состав с торфом тянули сутки. Раза три-четыре женщины вагами поднимали сходявшие с рельсов вагоны! В 1980-е годы, когда при мне меняли рельсы на новые, еще оставались те старые, проложенные в 1941-м. Запомнил клеймо на шейке рельса – «Демидовский сталелитейный завод». Год выпуска – 1888-й. Век прослужили, а не стерлись!»

Эвакуированные в Киров и область предприятия выпускали детали для «катюш», автоматы, снаряды, боевые катера, аэросани, амуницию, авиабомбы. В Кирово-Чепецке работал завод по выпуску рубашек для

гранат. И все это – благодаря электроэнергии, полученной из торфа, добытого в болотах и доставленного по Каринской узкоколейке.

После войны Каринская узкоколейная железнодорожная сеть выросла в одну из крупнейших в Советском Союзе. В 1990-е отдельные участки Каринки про-

Когда 17-летней девочкой Екатериной Петровной Ощепкова пришла на добычу торфа осенью 1941 года, строительство узкоколейки лишь начиналось

работали еще несколько лет. А когда главный потребитель торфа, Кирово-Чепецкая ТЭЦ, перешел на газ, машинист Валерий Шикалов и его помощник Мансур Гайсин провели последний грузовой поезд. После этого большую часть узкоколейной сети разобрали. Продолжает работать лишь участок «Новый» – «Техническая», по которому пять раз (туда и обратно) в день курсирует пассажирский поезд. Консервация ждала и этот, последний участок Каринской узкоколейки. И если б не Василий Афанасьевич Касаткин... «Да уж, не думал, что пенсионером возглавлю коллектив пенсионеров на железной дороге, которая тоже пенсионер», – шутит он. Так и есть: 90 процентов работающих сегодня на узкоколейке – пенсионеры.

БУДНИ УЗКОКОЛЕЙКИ

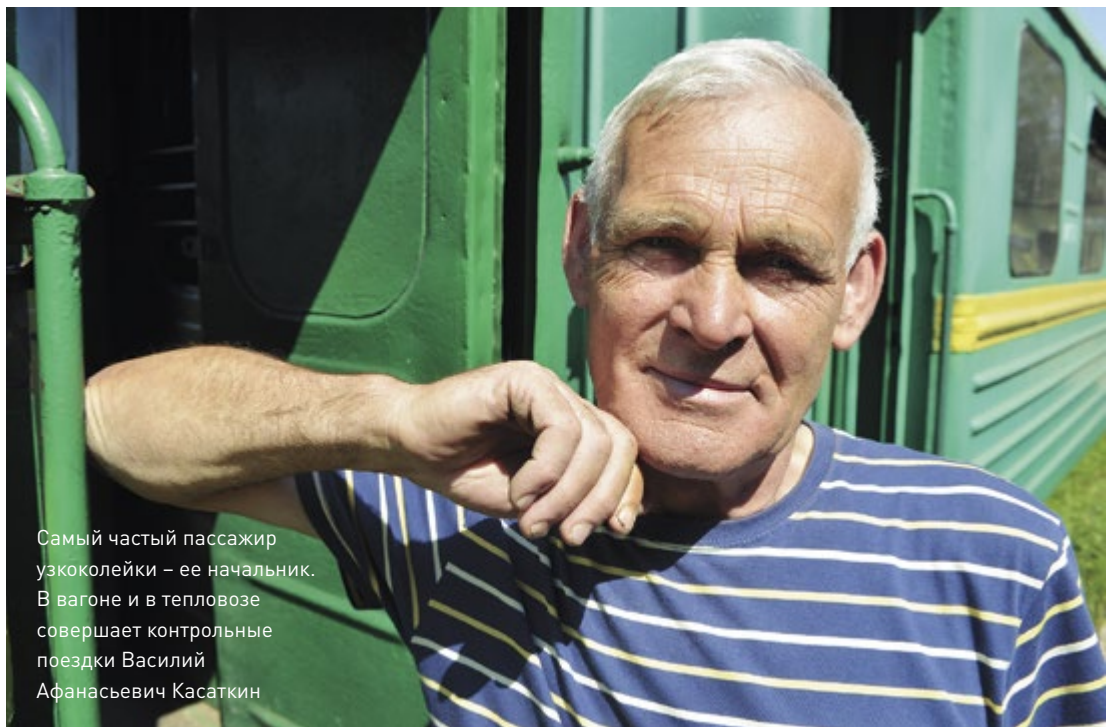
Когда осенью и весной переправа через Чепцу закрывается, то продукты и хозяйственные товары для 2 тысяч жителей Каринторфа доставляют вагончики узкоколейки. В поселке есть фельдшерский пункт, но, бывает, что тяжелобольных нужно срочно отправить в Кирово-Чепецк. Тогда звонят Василию Афанасьевичу, он вызывает машиниста с помощниками, те выводят тепловоз, цепляют вагончик и везут больного. Бывало, в вагончиках узкоколейки даже рожали. «Последний малыш родился на свет в таких обстоятельствах буквально этой весной!» – говорит Татьяна Гайсина. Счастье, что машинисты, обслуживающий персонал и сам Василий Афанасьевич живут в Каринторфе. И спрашивать ему разрешения сверху тоже ни у кого не надо.

Отработав на Каринской узкоколейке всю жизнь, Василий Афанасьевич, выйдя на пенсию, подрабатывал сторожем в локомотивном депо Каринторфа. Говорит, в последние годы на узкоколейку зачастили туристы. Экзотика! Касаткин рассказывал им о дороге. Например, что во время войны в депо вы-

ступала сама Любовь Орлова. Гордился. А потом вспоминал, что зазоры на стыках между рельсами увеличились до неприличных размеров. Что шпалы не меняют, а рихтовкой пути занимаются от случая к случаю. Что очередной начальник узкоколейки, садясь в тепловоз, клал на приборную доску спичечный коробок и на тех участках, где он от тряски падал, приказывал бригаде монтеров пути равнять рельсы. Что машинисты даже стекла в тепловозе мыть перестали. И что билеты в вагончиках – вот уж стыд-то был! – продавались автобусные. Перевозчиком-то было автобусное предприятие. Касаткин считал, что при таком бедственном положении узкоколейки ему и с должностью сторожа придется расстаться. Поэтому, когда узкоколейка попала в руки нового перевозчика и его пригласили в контору, он приехал в город с уже написанным заявлением. Но домой вернулся не сторожем, а начальником узкоколейки! Жена только руками всплеснула: «Мало тебе Каринка нервов помотала!»

Так в 70 лет Василий Афанасьевич взялся спасать легендарную дорогу. А весь Каринторф вздохнул с облегчением. Раз Касаткин опять на узкоколейке, значит, вагончики бегать будут.

Два раза в неделю он делает контрольный выезд в кабине тепловоза по дороге. Сегодня его главная забота – успеть заменить 1500 шпал до конца осени. Вагончики он отремонтировал, тепловозы тоже. Да еще остается напасть с бобрами, которые оккупировали подступы к узкоколейке и валят осины на рельсы. Конечно, строительство капитального моста через Чепцу поставит под вопрос жизнь узкоколейки. Но когда это будет? И у местных еще теплится надежда, что их дорогу превратят в туристический маршрут. Ведь приезжали сюда туристы – и иностранцы, и свои. Отправлялись в самую глубь торфяных полей – по «временкам», где еще шла добыча. При-

Самый частый пассажир узкоколейки – ее начальник. В вагоне и в тепловозе совершает контрольные поездки Василий Афанасьевич Касаткин

Растопить дровами буржуйку в холодное время тоже обязанность проводника-кондуктора

езжал в Каринторф известный российский ферроэквинолог Сергей Болашенко, удивился и расклеил в вагончиках схему Каринской узкоколейки. «Кирово-Чепецкий метрополитен», – удивленно читали ее название пассажиры. «Пошутил

над нами», – сетует кондуктор Вера Костерина. Она пыталась отодрать схемы, но не получилось. Ей больше по душе развешанные в вагончиках акварели детей из каринторфской школы. По инициативе Татьяны Гайсиной ребята нарисовали своих прадедов, бабушек и родителей, которые строили дорогу и добывали торф.

Кондуктор Вера тоже работающий пенсионер. На этой узкоколейке она трудилась и путейцем, и истопником, и стрелочником. Вера – человек добрый. При ней и кур с гусями в пассажирском вагоне возили, и сено, и коз, и овец. И даже телят. А как-то раз весь вагон ловил поросят, вырвавшихся из мешка. На Каринской узкоколейке Вера – настоящая звезда. Про нее говорили: «Едет с батогом девка!» В прежние годы находились озорники, которые не хотели платить за проезд и пытались проехать на крыше вагончиков. Вера гоняла их длинной палкой. «Это при Касаткине стало порядка больше, – говорит она. – А то узкоколейку и за дорогу-то перестали считать! То завалят пути мусором. То встанет машина и не пускает. Сейчас к узкоколейке вернулось уважение».

Поругивает Вера только грибников, из корзин которых разлетаются комары и слепни. Однажды пришлось ей сражаться со змеей, заползшей в вагон. Болота ж кругом. Пассажирам узкоколейки Вера нравится своей честностью. Забытые зимой

варежки и шарфики она обязательно возвращает хозяевам (а для вещей, чьи хозяева не объявились, есть камера хранения в депо). Не говоря уж о телефонах и документах. Сонных мальчишек, которые едут учиться в Кирово-Чепецк, она будит

Краевед и учительница местной школы Татьяна Гайсина вместе с учениками много лет ведет сбор сведений о трудовом подвиге жителей Каринторфа в годы войны

на нужной остановке, а на обратном пути спрашивает об оценках. Позволяет им зимой сушить варежки и носки на печке-буржуйке, установленной в углу вагона. Топить ее дровами – обязанность кондукторов узкоколейки. А прошлой весной Вера отчитала жениха, который вез в Кирово-Чепецк на бракосочетание невесту в свадебном платье. Та, бедная, аж посинела от холода! «Им приспичило, а больше выбраться из Каринторфа не на чем. Мальчонку вскорости родила», – ворчит всезнающая Вера, выдавая мне белый билетик, на котором изображен веселенький паровозик. Этот билет я сохранию на память о последнем действующем участке пассажирской Каринской узкоколейной дороги, эхо от стука колес которой все еще разносится в глубине вятских лесов. 🚂

Действующих пассажирских узкоколеек в России единицы. Направление на Каринторф пока действует...

30 ЧАСОВ В НЕДЕЛЮ

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

В САМОМ КОНЦЕ ПЕДСОВЕТА КОЛЛЕГИ ДРУЖНО НАБРОСИЛИСЬ НА АНДРЮШКУ НЕЯ ИЗ ДЕВЯТОГО «Б». ДЕРЗИТ, ХАМИТ, МНОГО НА СЕБЯ БЕРЕТ. ДА И УЧИТСЯ... ОТ СЛУЧАЯ К СЛУЧАЮ. ОСОБЕННО НЕГОДОВАЛА МОЛОДЕНЬКАЯ БИОЛОГИЧКА МАРГАРИТА ВЛАДИМИРОВНА: «СОВСЕМ МЕНЯ НЕ УВАЖАЕТ И НАГЛО РЖЕТ НА УРОКАХ. КАК КОНЬ РЖЕТ, ТОВАРИЩИ!»

МАРГО – ТАК ЕЕ ПОТИХОНЬКУ звали в школе и учителя, и ученики – призвала к единству коллектива в борьбе с Неем: «Чтобы мы все, как один, тогда он быстро успокоится и уймется...» Коллектив привычно не возражал.

Только завуч по воспитательной работе почему-то заметила: – Вы бы, Маргарита Владимировна, обратили внимание на стенды в вашем классе. Висят криво, того и гляди грохнутся. К тому же... Когда вы их в последний раз обновляли? О ноябрьском Пленуме партии у вас ничего нет. Расписание субботников болтается с прошлого года. А ведь вы – классный руководитель... И так запускаете наглядное оформление. Нехорошо, знаете ли... Скоро родительское собрание по итогам четверти. Придут мамы и папы, дедушки и бабушки, послушают, помотают головами по сторонам. Думаете, не заметят уровень оформления класса? Еще как заметят, будьте спокойны. Родители, к общему сведению, все и всегда замечают, это я вам говорю как педагог со стажем.

На этой тираде педсовет закончился.

На ступеньках я угостил Марго сигаретой и мягко сказал:

– Ты бы попросила Нею... Он тебе и стенды новые нарисует, и повесит их на отлично. Закрепит на дюбелях. Он ведь рукастый парень и со вкусом.

– Ах так... Ты еще издеваешься? Чтобы я просила?! – Учительница биологии бросила сигарету на асфальт и припустила к школьным воротам. Окурочек, испачканный красной помадой, догорал у моих ног.

Ней был у нас оформителем школьного театра. Театром этим руководил я. Ней умел все. Ему надо было только правильно поставить задачу. Способы ее выполнения он придумывал буквально на лету.

Если нужен был каскад лампочек, загорающихся и гаснущих постепенно в такт музыке – это к Нею. Если не хватало мебели на сцене, а изображался на сцене маленький американский бар – тоже к нему.

– Где взять барную стойку?

– Сделаем.

– А стулья? Столики?

– Возьмем в кафе у метро, есть знакомый... Конечно, за так... После спектакля вернем. Три столика, семь стульев? Хорошо. Запись водопада? И это не было для Андрюшки проблемой. Водопад так водопад. Ней умел все, и на репетициях наших с ним заминок не возникало.

Еще он мог дать толковый совет по части костюмов. Его мама работала в женском ателье.

У премьерной афиши с утра собиралась толпа. Афиша висела на стене, в вестибюле, как раз напротив школьной раздевалки. Мимо не пройдешь. Афишу эту придумывал и исполнял Ней. Набросков не показывал. Цветовую гамму и композицию – тем более. Это всегда был сюрприз.

Накануне спектакля афиша волновала не только зрителей, но и самих актеров. Волновала и бодрила! Афиша была символом праздника и итогом нашего трехмесячного труда.

Начало в 17.00.

Сегодня!

– С премьерой?!

– С премьерой!

Как и где он наострил изготавливать программки к спектаклю, не знал даже я.

Вдруг появились небольшие программки, почти как в настоящем театре, и надо было лишь попросить двух-трех малышей, чтобы они раздавали их у входа в зрительный зал.

Театр школы №... представляет... Название... Действующие лица и исполнители... Слева направо... Режиссер... Автор пьесы... И в самом низу меленько – техническая поддержка и оформление спектакля – А. Ней.

Малыши взялись за дело с восторгом! Программки разошлись в пять минут! Директрисе школы программки, правда, не хватило. Поздновато пришла. Никто не виноват.

Что мы ставили в школе в те разухабистые, обманчивые, загадочные, лживые, обещающие, перестроечные годы?

Историю Галилея.

Наш Галилей был молодым и пошел на договор с инквизицией лишь потому, что дома ждала единственная, та самая, без которой лучше не жить. Галилей предпочел любовь истине. Он отрекся от истины во славу любви. Текст пьесы мы сделали сообща, каждый актер писал свою роль сам, а вот музыкальные партии разработал

и, главное, обеспечил на должном уровне Андрюшка Ней.

Звучало не хуже, чем в Ленкоме, дорогие друзья! Привет, Тиль и прочие донны Анны... Районные хулиганы и те притихли на прочувствованных соло и после долго жали руки актерам. Аншлаг! Затем мы поставили Агату Кристи. Агату Кристи в СССР еще не печатали массовыми тиражами. Никто не знал, чем кончится «Мышеловка», ни один человек в зале!

У нас она заканчивалась тихой мелодией «Битлз», медленным танцем всей труппы.

Тут уже – не будем стесняться – успех перерос в триумф. Ребята и девчонки, последние особенно, оказались и талантливы, и непосредственны, и красивы. Я и друзей пригласил на Агату. И жену с дочкой. Хвалили.

Кто не знает о роли света и звука при постановке детектива? У нас звук и свет получились на высшем уровне. Никто не увидел крадущегося убийцы... Зато шаги его гулко неслись до самой галерки. Жуть.

На премьеру лирического спектакля по американским новел-

лам в нашу школу нагрянуло телевидение! Никто его не ждал, не приглашал, никто в нем не нуждался.

Нам вполне хватало микрорайона, двух премьер в год, вечерних неспешных репетиций... Разговоров за жизнь. Крепкого черного чая с кексом из местной «Кулинарии». За внешней славой мы не гнались. Нам хватало успеха дома. То есть в родной школе.

Телевизионные дяденьки оказались несколько пьяны. И нахальны. Где, мол, тут розетки? А сортир где? Какое напряжение? Вот этот ряд надо срочно убрать, мешают... Когда начало? Сюжет идет прямо в эфир. У нас семнадцать мгновений весны на все про все, не больше. Кабель давай, тяни!

Короче, мы их турнули из зала в пять минут. Они были поражены: «Мы же вам рекламу делаем! Обалдели?!» Но нам тогда было плевать на рекламу! Как передать атмосферу любви со сцены в зал? На сцене люди просто сидят и разговаривают. Движения мало. Короткие случайные встречи... Постановка

камерная... Именно для этого спектакля брали мы напрокат и совершенно бесплатно столы и стульчики в кафе у метро. А уж барная стойка... Сияла серебром.

На одной из репетиций говорили о будущем.

Ней сказал:

– Я бы хотел иметь собственную мастерскую. Такая мечта. Чинить там машины. Хорошо зарабатывать. А в отпуск поехать в Шотландию. Мама говорила, наши предки прибыли в Россию из Шотландии, еще в семнадцатом веке. Или в восемнадцатом. Я точно не запомнил. Надо глянуть, как там, в Шотландии? Но главное, чтобы здесь, дома, никто в мои дела не лез, не командовал, чтобы я сам себе – начальник. Я уже даже копить начал на мастерскую. Первоначальный капитал. Как у Карла Маркса сказано. Что вы думаете об этом, Пал Саньч? Выйдет у меня?

Кстати сказать, актерам и актрисам нашего школьного театра середины восьмидесятых годов больше нравился вовсе не Цой,

а Бугусов, не «Кино», а «Наутилус Помпилиус». И я был вполне солидарен с ними.

Платили мне за театр – 10 рублей в месяц. Такова общесоветская ставка за любой школьный кружок. 10 рублей. И за факультатив, который я тоже вел – те же 10 рублей. Но самое поразительное, что и за классное руководство ставка была – коронные 10 рублей.

Каждый знает, что труднее классного ничего в школе нет. И вот такие расценки... В начале девяностых классное руководство, кажется, стало оцениваться в 30 рублей. Но я в эту пору уже ушел из школы.

А вот часов у меня – ровно 30 в неделю. Каждый день по шесть уроков. В четверг – методический, свободный, по сути, выходной день. Зато по субботам школы везде и всюду работали. Шестидневка!

За месяц я зарабатывал рублей 220, 200 «чистыми» у меня всегда выходило. Поди плохо...

Я преподавал историю и обществоведение в старших классах. И жалел, что не имею права пре-

подавать литературу. Чем глубже накатывала перестройка, тем сильнее тянуло к литературе. Но диплом обязывал преподавать именно историю и обществоведение. Плюс «государство и право».

И еще была у меня мятая и суровая справочка. Она позволяла лейтенанту запаса и выпускнику военной кафедры МГПИ имени Ленина преподавать в общеобразовательной школе начальную военную подготовку. И однажды я взял да и воспользовался этой дурацкой справкой. И на целый учебный год стал себе вдруг военруком. Вот как это случилось.

Первый год учительства после окончания исторического факультета оказался самым сложным. Ничего удивительного! На истфаке с любым заслуженным профессором ты разговаривал на равных. Уважительно и серьезно. Атмосфера – самая демократичная.

Администрация школы смотрела на равенство, демократию очень косо. Почти как Ленин на буржуазию. Мне тут же попыта-

лись навязать классное руководство в седьмом «А».

Я возразил. Сослался на неопытность. На то, что в школе-новостройке, работающей первый год, я – единственный историк и на мне все классы, с четвертого по десятый. Сколько подготовки к урокам! Лучше меньше, да лучше, процитировал я вождя!

– Лучше сразу и гуще! – ответила мне директриса.

И мне этот ответ как-то не понравился. Даже не сам ответ, а предложенный уровень полемики.

От классного руководства я отказался наотрез. И, конечно, попал на карандаш.

Тут умер Леонид Ильич Брежнев. Генеральным секретарем стал Юрий Владимирович Андропов. А я не спешил вступать в партию...

– Историк не имеет права быть беспартийным. Тем более в наше тревожное время, – заявила мне как-то завуч Вера Ивановна, преподаватель физики.

Я промолчал. Я боялся физики с самого детства. Так и не понял, как образуется электрический ток. И до сих пор не понимаю.

Затем меня обвинили в том, что я уделяю слишком много внимания махновщине. Целых полчаса рассказывал о Несторе Ивановиче! А этого нет в школьной программе!

Затем директриса посетила мой урок о Петре. На разборе заметила:

– Вы уверены, что при Петре Первом были мануфактуры? Я думаю, тогда преобладало натуральное хозяйство и ни о каком всероссийском рынке и речи пока быть не может.

И вот тут я не выдержал. Я дождался конца учебного года и перевелся в военруки. Уволить меня, как молодого специалиста, в течение трех лет не имели права. Уволиться по собственному желанию права не имел уже я. Для молодого специалиста путь был один – перевод в другую школу. Закон есть закон.

Зато новая школа была в самом центре. Внутри бульварного кольца.

Я наивно полагал, что при четырех уроках в неделю буду свободным и счастливым человеком. Уж как-нибудь справлюсь со сборкой и разборкой АКМ, строевой подготовкой и действиями личного состава после применения противником ядерного оружия. Все сидят в противогасах и никаких псевдоисторических дискуссий! Хорошо.

Не тут-то было.

Вначале мне предложили стать материально ответственным лицом. Предложили строго. Принять немедленно на хранение то, что осталось от прошлого военрука. А от него мало что осталось. Ведомость на 73 единицы хранения, которую я должен был подписать, никак не совпадала с имеющимися в сейфе предметами. Там и АКМ-то никакого не было! И ВПХР не было! И учебной гранаты РГД-5 (муляж) тоже не нашлось. И много чего еще...

Ведомость я подписывать отказался. Не хотел материально отвечать за то, чего нет. И сразу стал личным врагом дирек-

тора, двух завучей и районного методиста НВП отставного подполковника Петра Петровича. Лишь капитан из местного райвоенкомата относился ко мне участливо. Однажды посоветовал:

– Тут на углу, в местном сельпо, краснодарский чай выбросили. Хороший, я покупал. Иди возьми, пока я этим старперам лекцию о международном положении зачту. Хрен тебе, историку, мои лекции слушать?

В нашей школе не было комнаты оружия. Что логично, ведь и учебного оружия в ней тоже не было. Мне предложили поправить это дело. Найти рабочих. Составить план постройки. Уточнить смету. Провести сигнализацию. Обеспечить проверку построенной комнаты всеми инстанциями вплоть до районного архитектора. И затем получить оружие, включив таким образом школу в разряд успешных по важной линии НВП.

Стоит ли говорить, как я не спешил с этим делом? К тому времени я уже понял, как скучаю по урокам истории, как не хочу быть военруком, как сложно мне с администрацией и как легко с детьми.

С ребятами из десятого класса курс НВП мы прошли неплохо, ездили в воинскую часть на учебные стрельбы, маршировали в школьном дворе, разбирали и собирали АКМ, который я одолжил на недельку у военрука школы из Вадковского переулка. Особенно удался норматив «по нахождению взвода в противогазе». Юноши сидели в противогазе 45 минут, девушки – 30. Строго по программе начальной военной подготовки. Никто и не пикнул...

К июню, когда комнатка оружия в подвале была достроена и оставалась еще одна, самая последняя разрешительная подпись, я получил учебное оружие, завез его «временно» методисту Петру Петровичу и ушел в отпуск. И принял срочное искать новую школу, где нужен учитель истории. И нашел ее

с помощью старых друзей по истфаку.

Директриса этой школы мне сразу понравилась. Она не задавала мне обязательного вопроса:

– Как же вы будете ездить к нам с юго-востока на северо-запад? Этот географический вопрос я уже слышал не раз.

Она сказала:

– У нас три восьмых, два девятых и два десятых класса. Учитель был, и хороший, но ушел в КГБ. Справитесь? На среднюю школу историк у нас имеется.

– Справлюсь, – сказал я и немедленно получил на руки запрос о переводе из военруков в историки.

– И в трудовой лагерь с детьми летом поедете?

– Поеду.

Как жаль, что эту замечательную директрису родина вскоре направила в одну из дружественных стран Африки. Поднимать тамошнее образование на должный уровень. Плюс учить наших посольских и околопосольских детишек.

В этой же московской, ею созданной школе я проработал долгие и счастливые пять лет. Преподавал историю в старших классах, с факультативом, театром, походами, стенгазетой, рок-вечерами, субботниками, футболом – всем тем свободным творчеством, что может выдать учитель, если ему не мешать.

У меня было 30 часов еженедельно, и домой я частенько возвращался поздно вечером, после театральных репетиций. Мне не было скучно и хотелось придумывать для ребят что-то новое, необычное, живое. Мне тогда не было и тридцати, важное обстоятельство.

...Вспоминать теперь о той жизни – и весело, и больно.

Вот рассказали недавно, что удачливый бизнесмен и мечтатель, бывший оформитель нашего школьного театра, мастер на все руки Андрюшка Ней разбился насмерть в конце девяностых, разрезая на японском мотоцикле ночную красоту – Москву. 🍷

ПОД СЕРЕБРЯНЫМ НЕБОМ

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В МАЛЕНЬКОМ РИМСКОМ РЕСТОРАНЧИКЕ GOGOL НЕ БЫЛО НИКОГО, КРОМЕ НАС. В ОЖИДАНИИ ЗАКАЗА МЫ РАСКРЫЛИ КУПЛЕННУЮ НАКАНУНЕ В МОСКВЕ КНИГУ ВЕРЕСАЕВА «ГОГОЛЬ В ЖИЗНИ». ОТЫСКАЛИ ПЕРЕПИСКУ 1837 ГОДА. В ПИСЬМЕ СВОЕМУ ДРУГУ ДЕТСТВА АЛЕКСАНДРУ ДАНИЛЕВСКОМУ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПИШЕТ: «ВЛЮБЛЯЕШЬСЯ В РИМ ОЧЕНЬ МЕДЛЕННО, ПОНЕМНОГУ – И УЖ НА ВСЮ ЖИЗНЬ». И ЕЩЕ: «...НЕБО СОВЕРШЕННО КАЖЕТСЯ СЕРЕБРЯНЫМ. СОЛНЦЕ ДАЛЬШЕ И БОЛЬШЕ, И СИЛЬНЕЕ ОБЛИВАЕТ ЕГО СВОИМ СИЯНИЕМ».

Николай Гоголь так любил Рим, что называл его «родиной своей души»

Е ДВА МЫ УСПЕЛИ ПРО-
честь эти строки, как с
улицы в ресторанчик
влетел черно-сизый го-
лубь. По-хозяйски устроившись
на стойке бара, он уставился на
нас. Мы опешили: казалось, пти-
ца рассматривает нас с каким-то
веселым любопытством. Через
минуту голубь встряхнулся,
важно прошелся по стойке и вы-
порхнул на улицу.
– Кажется, сам Николай Ва-
сильевич восточку прислал? –
заметил Саша.
Мы, не сговариваясь, посмотре-
ли на потолок: ведь на третьем
этаже именно этого дома на
улице Систина и жил Николай
Васильевич. Правда, тогда эта
улочка носила имя Феличе, что
значит «Счастливая»...

О ПАРИКАХ, ПРИЧЕСКАХ И ПОБЕГАХ

Как жаль, что в школе уроки
литературы посвящались раз-
бору произведений авторов,
а подробности их жизни, как
правило, оставались в тени.
К примеру, кто для нас «школь-
ный» Гоголь? Великий писатель,

создатель «Ревизора» и «Мерт-
вых душ». Учебники по литера-
туре уверяли, что «разящая сила
смеха соединена в его творче-
стве с трагическими потрясе-
ниями». И это верно. Но, воля
ваша, скучно. А ведь стоило
лишь взглянуть на репродук-
цию портрета Николая Василье-
вича кисти Моллера, висевшую
на стене класса, и становилось
ясно: не так все просто с этим
лукаво улыбающимся челове-
ком. Ну, начнем хотя бы с того,
что ни у одного другого класси-
ка русской литературы не было
такой странной прически: под-
стриженные в скобку длинные
темно-русые волосы.

Кстати, именно это и возбуди-
ло мое первое любопытство в от-
ношении Гоголя. Результат, по-
лученный после штудирования
пыльных томов, заинтриговал:
во-первых, современники наста-
ивали на том, что у Гоголя были
белокурые, а не темно-русые во-
лосы. Во-вторых, отрастил и под-
стриг он их в скобку во время
своей первой римской «коман-
дировки». А до того, живя в Пе-
тербурге, Николай Васильевич

поражал всех коротко подстри-
женными височками и огром-
ным напояженным коком.
В-третьих, выяснилось, что неко-
торое время Гоголь носил парик,
из-под которого иногда выгляды-
вала вата, что немало веселило
его знакомых. Но зачем понадо-
бился парик? «Существовало та-
кое убеждение, что кто из Мало-
россии приезжает в Петербург,
на того вода петербургская так
действует, что волосы вылеза-
ют, – вспоминала родная сестра
писателя Ольга Гоголь-Головня. –
И брат, как приехал в Петер-
бург, обрился. После того воло-
сы у него потемнели». Добавим
к этому крошечные очки в золо-
той оправе, пестрые жилетки с
цепочками, синие и вишневые
фраки, а также птичий нос – и
станет ясно, почему многие ви-
девшие тогда Гоголя в Петербурге
и Москве находили его большим
оригиналом. И, видимо, уже не
очень удивлялись псевдониму,
под которым в 1831 году вышел
первый том восхитивших всех
«Вечеров на хуторе близ Дикань-
ки». Ну, как еще мог выглядеть
автор, скрывавшийся за «пасич-

ником Рудым Панько», – провинциал, затесавшийся в литературные круги? Многие тогда воспринимали новичка из Малороссии лишь как одаренного писателя комедийного жанра, и только несколько человек из столичных знакомых Гоголя понимали, какой титан появился в русской литературе. Из них прежде всего нужно назвать Василия Жуковского и Александра Пушкина. Первый до конца

своей жизни будет опекать Николая Васильевича, которого он нежно звал «Гоголек». Второй сыграт огромную роль в формировании Гоголя как писателя. И подарит ему два сюжета – для комедии и романа, обессмертивших имя Николая Васильевича. Ведь именно благодаря Пушкину были написаны «Ревизор» и «Мертвые души». Впрочем, Гоголь поражал столичных интеллектуалов не толь-

Церковь
Тринита деи
Монти была
построена
на средства
короля Франции
Людовика XII

ко внешним видом, но и поступками и манерами. И если последние списывали на застенчивость (Николай Васильевич, блиставший остроумием в кругу близких, при появлении незнакомого человека забивался в угол и уходил в себя. – Прим. авт.), то объяснить странности в поведении писателя было затруднительно. Чего стоит, к примеру, его стремительный побег из Петербурга в Любек в 1829 году и возвращение всего через месяц! Случился он после того, как Гоголь под псевдонимом В. Алов на собственные средства издал романтическую идиллию «Ганц Кюхельгартен». Судя по убийственным отзывам рецензентов, поэма была, мягко говоря, слабовата. Прочитав их, Гоголь выкупил весь тираж в магазинах и отправил его в камин. Символично, что первую и последнюю книги Николая Васильевича постигла одна и та же судьба...

Точно так же Гоголь сбежал из России и после мнимых провалов «Ревизора» и «Мертвых душ». Писателю казалось, что его произведения понимают неправильно, что он снова осмеян, а подобного он вынести не мог. И все это, несмотря на похвалы критиков и восторг публики. Куда уж дальше: после премьеры «Ревизора» хохотавший во время спектакля император Николай I, покидая театр, с юмором констатировал: «Всем досталось, а мне более всех!» Спустя несколько лет он же прикажет допустить к печати первый том «Мертвых душ», несмотря на то, что к тексту поэмы у цензоров было немало претензий...

Петербургская премьера «Ревизора» состоялась в апреле 1836 года, а в июне Гоголь уже покинул Россию. Сначала он побывал в Германии, затем перебрался в швейцарский Веве, где начал работать над «Мертвыми душами», зиму провел в Париже вместе с другом детства Данилевским. А в марте 1837 года наконец прибыл в Рим, который всю оставшуюся жизнь считал своей второй родиной...

Римские
деликатесы
приводили
Гоголя
в восторг

ГОГОЛЬ-МОГОЛЬ В РИМЕ

На площади Испании, где в XVIII веке жили граф Калиостро и Джакомо Казанова, а в следующем столетии – Джон Китс и Перси Шелли, жизнь кипит и днем, и ночью. На ступенях Испанской лестницы, увенчанной собором Тринита деи Монти, сидят влюбленные парочки – главные клиенты пакистанцев, спящих с охапками алых роз. Цветами здесь торговали и раньше: в мемуарах русские художники с восторгом описывают, как черноглазые итальянки занимали ступеньки, раскладывая на них свой товар, и вся лестница утопала в море цветов. А вокруг знаменитого фонтана Баркачча неторопливо расхаживали разодетые в национальные костюмы натурщики и натурщицы. Ведь художники-иностранцы имели обыкновение снимать комнаты как раз у площади Испании, и натурщики предпочитали держаться поближе к потенциальным работодателям.

По Испанской лестнице Николай Васильевич спускался и поднимался как минимум дважды в день: променады приходилось проделывать ради завтраков и обедов. На начинающейся от площади Испании улице Кондотти располагались два рестораничка, облюбованных русскими художниками и литераторами: кафе «Греко» и ресторан «Лепре». И если второй давно канул в Лету, то «Греко» процветает до сих пор.

Впервые приехав в Рим, Гоголь, ради экономии, снял комнаты на улице Сан-Исидоро вместе с попутчиком Иваном Золотаревым, в доме, где раньше жил русский художник Орест Кипренский. Найти это место не сложно, тем более что сам Николай Васильевич объяснял в письме Данилевскому, как его разыскать в Риме: «Из Piazza di Spagna поднимись на самый верх (Испанской лестницы. – Прим. авт.) и возьми направо. Направо будут две улицы; ты возьми вторую; этой улицей ты дойдешь до Piazza Barberia

По Испанской лестнице Николай Гоголь спускался и поднимался как минимум дважды в день

(на самом деле – площадь Барберини. – Прим. авт.). На эту площадь выходит одна улица с бульваром. По этой улице ты пойдешь все вверх, покамест не упрешься в самого Исидора, который ее и замыкает. Против самого Исидора есть дом №16.

Памятник Джордано Бруно на площади Кампо деи Фьори по-прежнему популярен у туристов

В этом доме живу я». «Исидором» Николай Васильевич называл монастырь ирландских францисканцев Сан-Исидоро. К тому времени, как Гоголь поселился здесь, обитель не действовала, разоренная наполеоновскими войсками. Но и не пустовала. У писателя были любопытные соседи: с 1810 года в Сан-Исидоро обосновалась коммуна немецких художников, объединившихся в «Союз Святого Луки» и признававших единственным образцом, достойным подражания, манеру мастеров Средневековья и раннего Возрождения. Их с беззлобной насмешкой называли назарейцами – то ли потому, что жили они в обители и одевались по-монашески, то ли из-за того, что лидер «Союза» Фридрих Овербек ввел в моду среди членов коммуны острые бородки и прически alla nazarena, как на автопортретах Дюрера. Назарейцы весьма интересовали Гоголя, неслучайно он упоминает о них в своем «Риме» – отрывке из незавершенного романа «Аннунциата». Кстати, интересная деталь: хозяйке квартиры, в которой жил Гоголь, помогала младшая красавица-сестра,

Площадь
Барберини
с фонтаном
Тритон,
созданным
Джованни
Лоренцо
Бернини

по имени Аннунциата. Видимо, девушка произвела неизгладимое впечатление на русского писателя, ведь «Рим» начинается как раз с описания жгучих прелестей героини по имени Аннунциата...

Золотарев вспоминал, что в то время, когда они снимали одну на двоих квартиру, Гоголь был «полон жизни: веселый, разговорчивый, он весь был, так сказать, охвачен красотой римской природы и подавлен массой памятников искусства...». Но иногда находил на него «род столбняка какого-то: вдруг среди оживленного разговора замолчит, и слова от него не добьешься». И это еще не все странности! Гоголь по-прежнему удивляет окружающих своими экстравагантными туалетами и демонстрирует зверский аппетит. «Бывало, зайдем мы, – вспоминал Золотарев, – в какую-нибудь трактирню пообедать; и Гоголь покушает плотно; обед уж кончен. Вдруг входит новый посетитель и заказывает себе кушанье. Аппетит Гоголя вновь разгорается, и он, несмотря на то, что только что пообедал, заказывает себе или то же кушанье, или что-нибудь другое». Еще бы! Не зря же сам Николай Васильевич в первое время после приезда в Рим восхищался тем, как «свежи и хороши» здесь ресторанные блюда. А знаменитые артишоки в масле? А нежнейшая телятина и свежайшие зеленые салаты? А пармская ветчина и развалы сыров всевозможных видов? Если у вас проблемы с аппетитом, достаточно отправиться на Кампо деи Фьори, чтобы упасть в обморок от гастрономических деликатесов и немедленно зайти в какой-нибудь ресторанчик. Только не забудьте поклониться Джордано Бруно, памятник которому возвышается над лавками торговцев, напоминая о том, что на этой площади отправлялись на костер те, кого инквизиция приговаривала к аутодафе...

Как вспоминал Золотарев, одним из наиболее любимых Гоголем блюд «было козье молоко, кото-

рое он варил сам особым способом, прибавляя туда рому (последний он возил с собой во флаконе). Эту стряпню он называл гоголь-моголем и часто, смеясь, говорил: «Гоголь любит гоголь-моголь». Ах да! Еще мороженое! Гоголь восторгался римским мороженым, и всякий, кто пробовал его, легко поймет эмоции писателя. «Зато уж мороженое такое, какое и не снилось тебе, – убеждал он в письме Данилевского. – Не та дрянь, которую мы едали у Тортони (имеется в виду кафе Тортони в Париже. – Прим. авт.), которое тебе так нравилось, – масло!»

Влюбленный в Рим Николай Васильевич не только без устали бродил по улочкам Вечного города, но и весьма дотошно изучал его историю. Неслучайно уже через месяц после приезда он в компании нескольких соотечественников посещает заседание Германского археологического института в Риме, располагавшегося в палаццо Каффарелли на Капитолии. Его страсть к римским древностям привела к тому, что Николай Васильевич стал признанным «чичероне» в русской колонии, и многие знакомые просили

На площади Святого Петра Гоголь завершал все экскурсии, которые он проводил для своих знакомых

Палаццо Каффарелли на древнем Капитолии

его провести экскурсию по Вечному городу, зная, что писатель покажет и расскажет немало интересного. Причем заканчивал он свои экскурсии всегда на площади Святого Петра, а начинал – с Колизея. «В Колизее он посадил меня на нижних градинах, рядом с собою, и, обводя глазами чудное здание, советовал на первый раз только проникнуться им. Вообще он показывал Рим с таким наслаж-

дением, как будто сам открыл его...» – вспоминал литературный критик, друг и биограф Гоголя Павел Анненков.

Но все это будет позже. А пока Гоголь осматривает достопримечательности, едет любоваться Колизеем в лунном свете, с интересом рассматривает торжественную процессию, шествующую по площади Святого Петра в праздник Тела и Крови Христовых...

РОДИНА ДУШИ

У монастыря Сан-Исидоро Гоголь прожил недолго. Уже в июне 1837 года он был вынужден по настоянию врача отправиться на лечение в Швейцарию. А все потому, что Николаю Васильевичу пришлось голодать: денег, взятых в путешествие, ему не хватило. «Я приехал в Рим только с 200 франками, и если б не удаление всего, что вытряхива-

ет кошелек, то их бы давно уж не было, – жаловался он Данилевскому. – За комнату, то есть старую залу с картинами и статуями, я плачу 30 франков в месяц, и это только одно дорого». За помощью Гоголь обратился к Жуковскому. А тот рассказал о бедственном положении писателя императору Николаю I. Проблема решилась мгновенно: в Рим было отправлено 5 тысяч рублей. Писателю

А начинал Гоголь свои экскурсии всегда с Колизея

больше не нужно было экономить на еде, но требовалось подлечиться. На водах Гоголь не мог дожидаться, когда ему удастся вернуться в Рим, однако там бушевала холера, так что Вечный город Николай Васильевич вновь увидел только в конце октября 1837 года.

С какой радостью он вернулся в свой любимый Рим! «Когда я увидел, наконец, во второй раз Рим, о, как он мне показался лучше прежнего! Мне казалось, что будто я увидел свою родину, в которой несколько лет не бывал я, а в которой жили только мои мысли. Но нет, это все не то: не свою родину, а родину души своей я увидел, где душа моя жила еще прежде меня, прежде, чем я родился на свет... <...> Был у Колизея, и мне казалось, что он меня узнал, потому что он, по своему обыкновению, был величественно-мил и на этот раз особенно разговорчив. Я чувствовал, что во мне рождались такие прекрасные чувства. Стало быть, он со мною говорил. Потом я отправился к Петру и ко всем другим, и мне казалось, они все сделались на этот раз гораздо более со мною разговорчивы».

Артишоки, жаренные во фритюре, одно из самых популярных блюд в Риме

«Красавицей площадей»
называл Гоголь
Пьяцца дель Пополо

Предположить, как Гоголь въезжал в Вечный город, нетрудно: стоит лишь еще раз пробежать глазами знакомые строки в отрывке «Рим». «И вот уже наконец Ponte Molle, городские ворота, и вот обняла его красавица площадей Piazza del Popolo, глянул Monte Pincio с террасами, лестницами, статуями и людьми, прогуливающимися на верхушках. <...> Ветурин (извозчик. – Прим. авт.) понесся по улице Корсо... Вот предстали пред ним опять все дома, которые он знал наизусть: Palazzo Ruspoli с своим огромным кафе, Piazza Colonna, Palazzo Sciarra, Palazzo Doria; наконец, поворотил он в переулки, так бранимые иностранцами, не кипящие переулки, где изредка только попадалась лавка брадобрея с нарисованными лилиями над дверью, да лавка шляпочника, высунувшего из дверей долгополую кардинальскую шляпу, да лавчонки плетеных стульев, делавшихся тут же на улице»... На этот раз Гоголь остановился в комнатах на улице Феличе, почти у самой площади Барберини.

Герб Барберини, который в Риме можно увидеть где угодно

ЦВЕТЫ И КОСТИ

Местечко это весьма примечательное, впрочем, как и любой район старого города. В Древнем Риме здесь устраивался языческий праздник Флоралии: обнаженные девушки,

с гирляндами цветов в руках, танцевали, собирая толпы восхищенных зрителей. В Средневековье площадь была известна тем, что именно отсюда начинала скорбный путь процессия повозок, на которых везли обезображенные тела убитых ночью горожан. А идущий впереди глашатай призывал римлян опознать своих близких. Только с 20-х годов XVII века площадь получила свое нынешнее название из-за поселившегося здесь богатого флорентийского рода Барберини. Став римскими нобилями, Барберини построили знаменитый дворец, давший имя площади. Род мог похвастаться несколькими кардиналами и папой Урбаном VIII – все они были щедрыми покровителями живописцев, скульпторов и архитекторов. Свидетельством тому – герб Барберини с тремя забавными пчелками, который можно встретить на многих зданиях Рима. Кстати, один из представителей рода, Рафаэль Барберини, в 1564 году отправился как частное лицо в Московию, имея при себе рекомендательное письмо

Интерьер церкви капуцинов
Санта-Мария делла Кончещионе

Жуткий
«дизайн» крипты
капуцинов

Малый фонтан
Пчел

Санта-Мария делла Кончещионе, украшенной великолепными полотнами Гвидо Рени, Караваджо, Доменикино и Пьетро да Кортоны. Но, в отличие от Гоголя, современные туристы в храм заходят редко. Зато ло-

мятся в расположенную рядом крипту капуцинов. И дело вовсе не в желании поклониться мощам католических святых, тем более что там их нет. А в том, что после постройки церкви монахи перенесли в новую крипту останки капуцинов, захороненные на старом кладбище, которое располагалось неподалеку от знаменитого на весь мир фонтана Треви. Но не погребли их, а создали в шести залах крипты совершенно невообразимые макабрические интерьеры, украсив стены и потолки фрагментами человеческих скелетов и собрав из костей паникадила! В буклете крипты с гордостью сообщается, что для конструирования впечатляющих декораций были использованы кости 4 тысяч капуцинов, умерших с 1528 по 1870 год. Действительно, мрачные залы с сотнями черепов и костей производят неизгладимое впечатление. Не говоря уж о скелетике маленькой принцессы Барберини – племянницы жестокого папы Сикста V, в честь которого, кстати, улица Феличе и получила новое имя –

Систина. В общем, слабонервным путь в крипту капуцинов заказан. То еще местечко. Хотя для создателя «Вия» и «Вечеров на хуторе близ Диканьки» вполне подходящее, не так ли? Можно не сомневаться, что жадный до впечатлений Гоголь бывал и здесь. Тем более что все в том же отрывке «Рим» он трижды упоминает о монахах-капуцинах... Но вернемся к новой квартире Гоголя. Полюбовавшись с улицы на окна, мы вновь рас-

крыли книгу «Гоголь в жизни» и отыскивали описание жилища писателя, оставленное Павлом Анненковым. «Комната Николая Васильевича была довольно просторна, с двумя окнами, имевшими решетчатые ставни изнутри. Обок с дверью стояла его кровать, посередине большой круглый стол; узкий соломенный диван, рядом с книжным шкафом, занимал ту стену ее, где пробита была другая дверь <...> У противоположной стены помещалось пись-

Фонтан Треви по праву считается одним из самых красивых в мире

Мемориальная доска украшает дом на улице Систина, где когда-то жил Николай Васильевич Гоголь

менное бюро в рост Гоголя, обыкновенно писавшего на нем свои произведения стоя. По бокам бюро – стулья с книгами, бельем, платьем в полном беспорядке. Каменный мозаичный пол звенел под ногами, и только у письменного бюро да у кровати разостланы были небольшие коврики. Ни малейшего украшения, если исключить ночник древней формы и на одной ножке и с красивым желобком, куда наливалось масло».

Отсюда Гоголь, как и прежде, отправлялся завтракать и обедать на площадь Испании и улицу Кондотти, отсюда по вечерам шел к знаменитому на весь мир фонтану Треви, примыкающему к палаццо Поли. Именно в этом дворце «царица муз и красоты», княгиня Зинаида Волконская, собирала своих соотечественников и знаменитых итальянцев на литературно-музыкальные салоны. Только вряд ли Гоголь, как нынешние туристы, бросал монетки в прозрачную воду Треви, поскольку этот смешной обычай, приносящий немалый доход мэрии Рима, возник гораздо позже... ❶

Продолжение следует.

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru